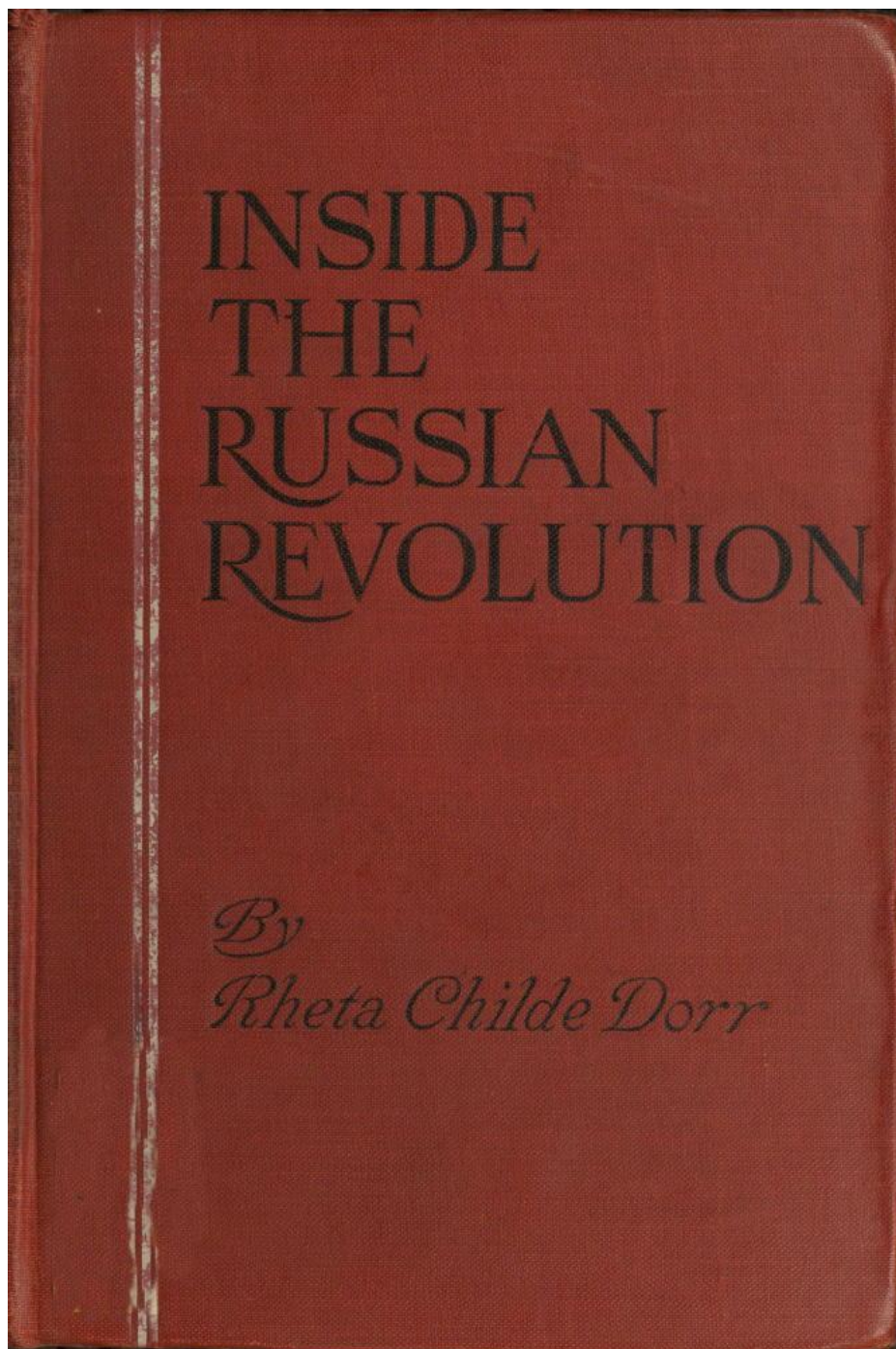

Внутри Русской революции

Рета Чайлд Дорр

Электронная книга проекта "Гутенберг" Внутри Русской революции

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Внутри Русской революции

Автор: Рета Чайлд Дорр

Дата выхода: 24 сентября 2021 г. [Электронная книга № 66371]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Мартин Петтит и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА Внутри РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ" ***

Примечание переписчика:

Исправлены очевидные типографские ошибки.

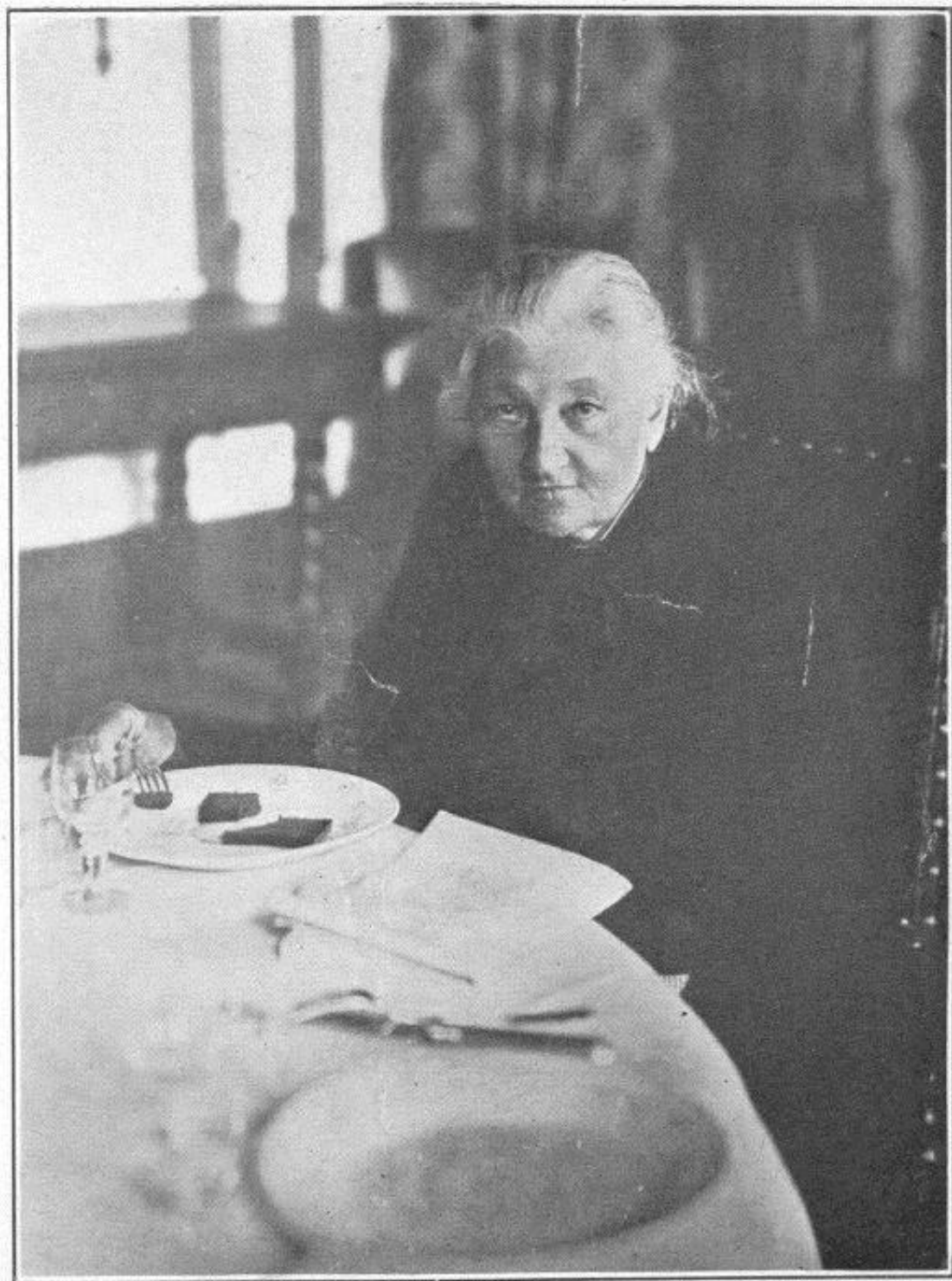
ВНУТРИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

КОМПАНИЯ MACMILLAN
НЬЮ-ЙОРК · БОСТОН · ЧИКАГО
ДАЛЛАС · АТЛАНТА · САН-ФРАНЦИСКО

MACMILLAN & CO., Limited
ЛОНДОН · БОМБЕЙ · КАЛЬКУТТА
МЕЛЬБУРН

КОМПАНИЯ MACMILLAN CO. OF CANADA, Ltd.
ТОРОНТО

Екатерина Брешковская, “Маленькая бабушка русской революции”.

INSIDE THE RUSSIAN REVOLUTION

BY
RHETA CHILDE DORR

ILLUSTRATED

New York

THE MACMILLAN COMPANY

1917

All rights reserved

ВНУТРИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

АВТОР : РЕТА ЧАЙЛД ДОРР

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

Нью-Йорк

THE MACMILLAN COMPANY

1917

Все права защищены

Авторское право, 1917 год, THE EVENING MAIL

Авторское право, 1917 год, THE MACMILLAN COMPANY

Настроено и напечатано электротипом. Опубликовано в ноябре 1917 г.

Содержание

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I Перевернутая страна	1
II “Вся власть советам”	10
III Июльская революция	19
IV Час надежды	30
V Комитетская мания	41
VI Женщина с пистолетом	50
VII На фронт с Бочкаревой	58
VIII Лагерь и поле боя	65
IX Амазонки на тренировке	75
X Возвращающиеся изгнанницы—два вида	84
XI Как умер Распутин	97
XII Выступает Анна Вирубова	107
XIII Еще больше листьев в текущем	119-м году
XIV Кончина Романовых	129
XV Дом Марии и Марфы	141
XVI Тавариши столкнулись с голодом	152
XVII Генерал Январь, Завоеватель	162
XVIII Когда Рабочие Владеют Своими Инструментами	172
XIX Почему хлопчатобумажная ткань в дефиците	181

XX	Миссис Панкхерст в России	189
XXI	Керенский, Человек-загадка	199
XXII	Права малых народов	208
XXIII	Возьмут ли немцы Петроград?	217
XXIV	Величайшие потребности России	226
XXV	Что дальше?	235

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Екатерина Брешковская, “Маленькая бабушка русской революции”.	<i>Фронτισпис</i>
	ОБРАЩЕННЫЙ СТРАНИЦА
Типичная толпа на Невском проспекте во время восстаний большевиков или максималистов	22
Керенский наблюдает за похоронами жертв июльского большевистского восстания	42
Мария Бочкарева, миссис Эммелин Панкхерст и Женщины из “Батальона смерти”.	52
Принц Феликс Юсупов, в чьем дворце на , „канале Мойка“. Распутин был убит, а его жена, великая княгиня Ирина Александровна, племянница покойного царя	92
Григорий Распутин и некоторые из его приверженков	108
Александр Федорович Керенский	142
Великая княгиня Елизавета Федоровна, сестра покойной царицы и вдова великого князя Сергея, который был убит во время революции 1905 года, ныне настоятельница Дома Марии и Марфы в Москве	150

ГЛАВА I

ЗЕМЛЯ, ПЕРЕВЕРНУТАЯ ВВЕРХ ДНОМ

В начале мая 1917 года я отправился в Россию, горя желанием снова увидеть в час ее освобождения страну, борьбой за свободу которой я был глубоко заинтересован в течение дюжины лет. Я приехал в Россию социалистом по убеждениям, горячим сочувствующим революции, лично зная некоторых храбрых мужчин и женщин, которые подверглись тюремному заключению и ссылке после провала восстания 1905-1906 годов. Я вернулся из России с совершенно ясным убеждением, что миру придется немного подождать, прежде чем он сможет установить какое-либо сотрудничество на тысячелетия или прежде чем он сможет безопасно передать работу правительства обывателю.

Всю свою жизнь я был восхищенным исследователем Французской революции, и мне страстно хотелось жить в Париже того времени, чтобы стать свидетелем, хотя бы в качестве скромного зрителя, падения самодержавия и зарождения народной свободы. Что ж, я прожил три месяца в столицереволюционной России. Я был свидетелем революции, которая представляет собой тесные параллели с французской революцией как в людях, так и в событиях. Я видел падение автократии и рождение свободы гораздо большей, чем когда-либо стремились французы. Я видел, как внезапно сбылась самая заветная мечта социалистов, и эта мечта обернулась таким кошмаром, что я молюсь о том, чтобы эта или любая другая страна была навсегда избавлена.

Я видел, как народ, избавленный от тирании одного класса, сознательно спешил установить другую, такую же жестокую и не заботящуюся об общем благе, как старая. Я видел, как эти люди, вырванные из стонущего рабства, воспользовались своей первой свободой, чтобы свергнуть мудрых и мужественных государственных деятелей, которые освободили их. Я видел, как рабочий класс, который был угнетен при самом царизме, превратился в угнетателя; армия, которую морили голодом и предавали, использовала свою свободу, чтобы морить голодом и предавать свой собственный народ. Я видел, как избранные делегаты в народные советы превращались в подлых воров и мародеров. Я видел, как закон, порядок, порядочность и всякое уважение к человеческой жизни или правам человека были отброшены в сторону, и я видел, как ответственные государственные деятели у власти позволяли всему этому продолжаться, позволяли своей стране катиться в пропасть разорения и позора, потому что они боялись потерять популярность у толпы.

Правительство так боялось потерять поддержку толпы, что допустило наводнение страны немецкими агентами, выдававшими себя за социалистов. Эти агенты потратили целые состояния только на пропаганду сепаратного мира. Они деморализовали армию, развратили рабочих на полях и фабриках и вложили пулеметы в руки фанатичных мечтателей, отправив их на улицы убивать своих собственных друзей и соседей. Все знали, кто эти люди, но толпе нравилась их “линия разговора”, и правительство боялось их трогать. После одного из последних случаев, когда по их приказу большевики вышли и расстреляли Петроград, Ленин, главный лидер, и некоторые из его главных бандитов сочли разумным временно удалиться из России, и они добрались до Швеции без малейших трудностей, не было предпринято никаких попыток остановить их. Были арестованы некоторые второстепенные служащие Kaiser, среди них женщина, на имя которой, судя по всему, был открыт банковский счет. Но и она, и, вероятно, все остальные, позже были освобождены.

Подобное правительство не могло принести мир и порядок в обезумевшую нацию. Оно не могло установить демократию. Оно не могло управлять. Чем скорее союзные страны осознают это, тем лучше будет для России и для всего мира, который хочет мира. Я пишу это не потому, что я недружелюбен к России. Это потому, что я настроен дружелюбно, потому что я верю в будущее русского народа, потому что я верю, что их эксперимент по созданию народного правительства, если он увенчается успехом, будет таким же вдохновляющим для остального мира, каким был наш собственный в восемнадцатом веке. Я думаю, что самое недоброе, что может сделать любой друг России, - это преуменьшить или скрыть факты об ужасных потрясениях, происходящих там в настоящее время. Россия обращается к американскому народу за помощью в свой трудный час, и если американский народ хочет помочь, он должен понять ситуацию. Простое изложение фактов не должно приводить ни к разочарованию союзников, ни к помощи общему врагу. Враг уже знает все факты.

Все, что я видел в России, в городах и вблизи фронта, убедило меня в том, что происходящее там жизненно касается нас. Каждый мужчина, женщина и ребенок в Соединенных Штатах должны приступить к работе, чтобы оказать помощь, в которой так остро нуждаются союзники. Что бы ни потерпело неудачу в России, что бы ни рухнуло, никогда нельзя упускать. Мы должны восполнить эти недостатки. Сейчас наша задача - понять это и поторопиться, поторопиться, поторопиться с нашей задачей переброски обученных и закаленных людей во Францию. После того, что я видел в окрестностях Вильно, Двинска и Якобштадта, я знаю, что означает для мира спешка на этой стороне. Есть несколько причин, по которым вся правда о русской революции до сих пор не была написана. Ее нельзя было написать или телеграфировать из России. Ее нельзя было передать в виде заметок или фотографий. Это не может быть обнаружено даже обычным человеком, приезжающим в Россию, потому что обычный посетитель живет в дорогом отеле "Европа", никуда не выходит, кроме как на дрожжах, и встречается только с русскими социального положения, к которым у него есть рекомендательные письма, и которые, естественно, пытаются создать у него впечатление, что беспокойное положение дел является лишь временным. Приезжий обычно не знает русского языка и не может читать газеты. В Петрограде издаются две хорошие французские газеты, но средний американский путешественник так же плохо знает французский, как и русский. Однако, даже если бы он мог читать все ежедневные газеты, он не получил бы очень много информации. Цензура прессы сегодня такая же жесткая и тираническая, как и во времена расцвета самодержавия, только новости другого рода подавляются. Одним из скромных требований, выдвинутых товарищи (товарищами), когда я был в Петрограде, была реквизиция всей белой печатной бумаги на рынке, которая должна была распределяться поровну между всеми газетами, большими и малыми. Цель, прямо заявленная, состояла в том, чтобы уменьшить размер и тираж "буржуазных" газет.

Большое количество новостей, в нашем понимании новостей, вообще не попадает в газеты или сжимается до очень небольшого объема. Например, на российских дорогах произошел ряд ужасных железнодорожных аварий. О большинстве из них никто никогда не слышал, если только кто-то из его знакомых случайно не был убит или ранен. Иногда допускалось простое объявление о большом несчастном случае. Так, потерпел крушение экспресс между Москвой и Петроградом, в результате чего сорок человек погибли и более семидесяти получили ранения. Об этом крушении написали целую статью в газетах, без списка погибших и раненых и без объяснения причины. Дело в том, что железные дороги находятся в состоянии полной деморализации, и единственное чудо заключается в том, что больше крушений не происходит.

Моей знакомой в Москве, жене полковника британской армии, не терпелось съездить в Петроград, чтобы встретиться со своим мужем, которого ожидали там по пути с фронта. Отец моей подруги, управляющий крупного московского концерна, пытался уговорить ее подождать, пока муж приедет к ней туда, но ей не терпелось увидеть его как можно скорее, и она настояла на том, чтобы ей купили билеты. На следующий день после того, как она должна была уехать, ее отец позвонил мне и рассказал о своем огромном облегчении, когда за час до отхода поезда получил телеграмму от полковника, в которой говорилось, что он будет в Москве следующим утром.

“ И что, по-вашему, случилось с тем поездом, на котором должна была уехать моя дочь? - спросил он. Это был обычный ночной экспресс до Петрограда, что в какой-то степени соответствовало Ограниченному маршруту Конгресса между Нью-Йорком и Вашингтоном. В нескольких милях от Москвы между машинистом и кочегаром возникла ссора, и, чтобы уладить ее, они остановили поезд и подрались. Один из мужчин ударил другого гаечным ключом по голове, нанеся ему довольно серьезные травмы. Вмешался какой-то авторитет и арестовал нападавшего. Кабина машиниста была залита кровью, и какой-то авторитет отцепил двигатель и отправил его обратно в Москву в качестве вещественного доказательства. Поезд все это время с сотнями пассажиров стоял на путях в ожидании нового локомотива и бригады, и если в него не врезались и он не потерпел крушение, то только потому, что ему повезло.

Примерно в середине августа американский корреспондент ехал тем же экспрессом из Петрограда в Москву. Ночь была теплой, и поскольку русские пассажиры его вагона, как обычно, возражали против поднятых окон, он настоял на том, чтобы оставить дверь купе открытой. Посреди ночи группа солдат поднялась на борт поезда и вошла в каждое из незапертых купе, всего в пять, аккуратно и бесшумно забрав из них все сумки и чемоданы. Американский корреспондент потерял все, что у него было — запасную одежду, деньги, паспорт, документы. В этом купе находился русский штабной офицер, и он потерял даже одежду, в которой путешествовал, и был вынужден спускаться в пижаме. Проводник поезда признался, что видел совершенное ограбление, что он не поднял руку, чтобы предотвратить его, и даже не нажал на сигнал, который остановил бы поезд. “Они бы убили меня”, - взмолился он в оправдание. “Кроме того, это происходит почти каждую ночь в малом или большом масштабе”.

Есть только один способ разобраться в фактах российской ситуации - жить так, как живут русские, общаться с русскими, изо дня в день слушать их рассказы о трагедии того, что было названо бескровной революцией. Я делал это, насколько это было возможно, с конца мая по 30 августа в Петрограде, Москве и в тылу одного из сражающихся фронтов. В Петрограде я жил в отеле Militaire, бывшей "Астории", штаб-квартире русских офицеров и многочисленных английских, французских и румынских офицеров, находившихся в командировках в России. Это был отель, где в февральские революционные дни 1917 года происходили самые ожесточенные бои. Снаружи здание буквально изрешечено пулями, пришлось заменить все окна, а работа по ремонту интерьера все еще продолжалась, когда я уезжал. Под окном в моей спальне была лужа засохшей крови размером с блюдо, а ковер был испачкан каплями, ведущими от окна к стационарному умывальнику в нише гардеробной. Над кроватью виднелись два пулевых отверстия.

Со времен революции отель Militaire был гарнизоном, солдаты спали в нескольких комнатах на первом этаже, а двое часовых день и ночь стояли у дверей и у ворот, ведущих в служебный двор. Я не знаю, почему, когда я попросил номер, менеджер дал мне его. Там снимали комнаты еще две женщины-писательницы, но одна была на вечеринке, в которую входили американские офицеры, а другую представил английский офицер, прикрепленный к британскому посольству. Тем не менее, я снял номер и был благодарен, потому что обо всем, что произошло в Петрограде, быстро стало известно в отеле. Кроме того, он выходил окнами на площадь, на которой располагался Марийский дворец, где временное правительство проводило множество своих заседаний и где проходило несколько важных съездов. Всякий раз, когда большевики вырывались на свободу, на этой площади всегда происходили бои. Это было отличное место для проживания корреспондента.

Большую часть времени я проводил на улицах, слушая с помощью переводчицы, молодой университетской девушки, речи, которые постоянно произносились на Невском проспекте, Литейном и других главных улицах. Я разговаривал через своего переводчика с людьми, которые сидели рядом со мной на скамейках в парках, в трамваях, железнодорожных поездах и других общественных местах. Я познакомился со всеми русскими, с кем только мог, с людьми всех слоев общества, всех политических убеждений. Я проводил дни на заводах. Я разговаривал с рабочими и с работодателями. Я даже встречался и беседовал с приверженцами старого режима. Я почти час беседовал с последней Романовой, оставшейся на свободе, великой княгиней Сергией, сестрой бывшей императрицы, вдовой дяди императора. Поздно ночью я отправился во дворец на Большой Морской, где в строжайшем уединении живет женщина, обвиняемая в том, что она была ближайшим другом и союзником Распутина, той, которая, как утверждается, по его приказу отравила молодого царевича. Я ехала в военном поезде два дня и ночи с полком женщин—воительниц — “Батальоном смерти” Бочкаревой - и девять дней жила с ними в их казарме за линией фронта. Я оставался с ними до тех пор, пока они не вступили в бой, позже я видел их в госпиталях и слышал их собственные истории о битве, в которую они повели тысячи сопротивляющихся мужчин. Я разговаривал со многими солдатами и офицерами.

Россия больна. Она пресыщена тем, чего никогда раньше не знала, — свободой: она почти смертельно больна от излишеств, а руководство, которое могло бы принести панацею, яростно отброшено в сторону, потому что подозрение к любой власти породило худший вид вседозволенности. Россия безумна; она даже морально не несет ответственности за то, что делает. Выздоровеет ли она? ДА. Но, боже! какую боль она должна вынести, прежде чем получит настоящую свободу!

ГЛАВА II

“ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ”

Пожалуй, первое, что я увидел утром по прибытии в Петроград прошлой весной, была группа молодых людей, числом около двадцати, которые маршировали по улице перед моим отелем, неся алое знамя с надписью большими белыми буквами.

“Что написано на этом плакате?” Я спросил швейцара отеля, который стоял рядом со мной.

- Здесь написано “Вся власть Советам”, - последовал ответ.

“Что такое совет?” Я спросил, и он коротко ответил:

“Это единственное правительство, которое у нас сейчас есть в России”.

И он был прав. Советы, или советы солдатских и рабочих делегатов, которые со скоростью лесного пожара распространились по всей стране, являются самым близким к правительству созданием, которое Россия знала с самых первых дней революции.

Самая поразительная параллель между французской и русской революциями заключается в легкости, с которой обе были вырваны у здравомыслящих людей, которые их начали, и переданы в руки фанатиков, которые превратили их в безумные оргии крови и ужаса. Первые французские революционеры восстали против теории о божественном праве королей управлять народом или дурно управлять им. Они хотели конституцию и правительство с согласия управляемых. Но пришла толпа и завладела ситуацией, и результатом стала гильотина и царство террора. Милюков, Родзянко, Львов и их единомышленники в Российской Думе восстали против глупого, жестокого автократа, который делал все возможное, чтобы проиграть войну и довести страну до разорения и бесчестия. Они хотели конституцию для России и, по крайней мере, на данный момент, номинального короля, который оставил бы правительство в руках ответственных министров. Но Петроградский совет солдатских и рабочих делегатов пришел и овладел ситуацией, и в результате страна, раздираемая анархией, поставлена на грань банкротства и готова, если до следующей весны ничего не произойдет, попасть в руки немцев.

Эти советы рабочих не новы. Во время переворота 1905-06 годов человек по фамилии Хрусталеv, лидер лейбористов, стал главой организации под названием Петроградский совет рабочих депутатов. Он состоял из избранных делегатов от всех основных заводов в столице и ее окрестностях, и во время всеобщей забастовки, которая вынудила Николая созвать первую Думу, совет взял на себя общий контроль над всей ситуацией на рабочем месте, управляя делами с редким здравым смыслом и твердостью. Витте, который в те дни стал премьером, вел переговоры с Хрусталевым как с равным. Какое-то время он и его совет были реальной силой в империи. В дюжине городов были созданы подобные организации. Существовали советы рабочих депутатов, крестьянских депутатов, даже, в некоторых местах, солдатских депутатов. Реакция, разразившаяся в июле 1906 года, предала их всех забвению, и я так и не нашел никого, кто знал бы, что стало с Хрусталевым. Но традиция совета рабочих депутатов была забыта. Возможно, совет даже все еще существовал в тайне; я не знаю. Он был быстро возрожден в марте 1917 года, и еще до того, как политическая революция была полностью завершена, к своему названию он добавил солдат и кратко проинформировал временное правительство и Думу о том, что никакие законы не могут быть приняты или приведены в исполнение без предварительного одобрения представителей трудящихся. Никакая политика в мирное или военное время не могла быть объявлена или претворена в жизнь; никакие приказы армии отдаваться не могли; никакие договоры не заключались с союзниками; короче говоря, ничего нельзя было сделать, не посоветовавшись сначала с 1500 мужчинами и женщинами — пятью женщинами, — которые составляли Совет рабочих и солдатских делегатов.

Если бы страна находилась в состоянии мира, а не войны, это было бы совсем неплохо. Трудящиеся России при избирательной системе, разработанной старым режимом, имели очень небольшое представительство в Думе, и у них было полное право требовать голоса в организации нового правительства. Но, к сожалению, страна находилась в состоянии войны; и, что еще более к сожалению, Совет рабочих и солдатских делегатов состоял по большей части из крайних радикалов, которым война была совершенно безразлична. Революция для них означала возможность применить на практике новые экономические теории, социалистическое государство. Они вынашивали грандиозную мечту о установлении нового общественного порядка не только для России, но и для всего мира. Они собирались диктовать условия мира и призвать трудящихся каждой страны присоединиться к ним в обеспечении этого мира. После этого они собирались покончить со всеми капиталистами, банкирами, инвесторами, владельцами собственности. Армии и флоты подлежали списанию. Я не знаю, что они намеревались сделать с конституцией Соединенных Штатов, но “капиталистическая” Америка должна была быть разделена с остальным миром.

Многие члены этого совета - теоретики из лучших побуждений, мечтатели, точно такие же, как тысячи людей в этой стране, которые не читают книг или газет, кроме тех, что написаны такими же, как они, которые “выражают себя”, нося красные галстуки и длинные волосы, и которые существуют в своем собственном туманном мире. Эти люди честны, и с ними можно договориться. В России они известны как миншевики, что означает мелкие претензии. Шумное, беспокойное и растущее меньшинство в совете называется большевиками (большие претензии), потому что они требуют всего и даже не рассматривают компромисс. Они хотят сепаратного мира, полностью благоприятного для Германии. Я разговаривал со многими из этих людей, но так и не смог заставить ни одного из них объяснить причину такой дружбы к Германии. Смутно они, казалось, чувствовали, что социализм - это немецкая доктрина, и, следовательно, как только Россия осуществит ее на практике, немцы последуют ее примеру. Не все члены совета - рабочие. Некоторые никогда в жизни не занимались ручным трудом. Многие из членов группы *soldier* никогда не служили и никогда не будут служить. Еврейское членство очень велико, и в России евреям никогда не разрешалось иметь какое-либо гражданство.

Наконец, совет щедро усеян немецкими шпионами и агентами. Время от времени одного из этих людей разоблачают и выводят из игры. Но более чем вероятно, что его место быстро заполнят. Труднее всего убедить совет в том, что любой “тавариш”, что по-русски означает “товарищ”, может быть виновен в двурушничестве. Совет защищал Ленина до последнего момента. Даже после того, как он бежал из страны, социалистические газеты “*Известия*”, “*Правда*” и “*Новая жизнь*” Максима Горького объявили его жертвой гнусной клеветы. Именно этот Совет рабочих и солдатских делегатов первым претендовал на консультативную должность в правительстве, а через несколько месяцев шествовал по улицам с транспарантами, требующими “Всю власть Советам”.

Я не могу сказать, что безоговорочно виню их. Это были люди, которые никогда не знали никакой свободы, они были бедными, угнетенными и боялись за свою жизнь. Внезапно они были освобождены. И когда они в большом количестве пришли в Думу и потребовали права голоса в определении своего собственного будущего, такие люди, как Керенский и другие, честные мечтатели, другие - простые демагоги и соискатели должностей, вышли и превознесли их до небес, сказали им, что мир принадлежит им, что они одни совершили революцию и

поэтому имеют право завладеть страной. Последствия этого для солдат и трудящихся были немедленными и катастрофическими.

Если Керенский и не был автором знаменитого Приказа № 1, который стал причиной большинства беспорядков и кровопролития в армии, он, по крайней мере, подписал его и защищал. Этот приказ предусматривал управление полками комитетами, избрание офицеров солдатами, отмену всякого приветствия начальства рядовыми и отмену титула “ваше благородие”, который был формой обращения к офицерам. Вместо этой формы солдаты отныне должны были обращаться к своим офицерам "Господинъ" (что означает "мистер"), "капитан", "полковник", "генерал", в зависимости от обстоятельств. Приказ № 1 был простым разрешением на роспуск российской армии. Отмена обычая отдавать честь может показаться мелочью. Член миссии Root так выразился мне вскоре после своего прибытия в Петроград: “Все эти разговоры об анархии - полная чушь”, - сказал он. “Многие офицеры реасоск недовольны тем, что солдаты больше не отдают им честь. Почему мужчины должны отдавать честь?”

Возможно, я не знаю, почему они должны это делать, но я знаю, что, когда они этого не делают, они быстро теряют всю свою солдатскую выправку и сутулятся, как усталые копатели подземки. Они выбрасывают вежливость, доброту, внимание на ветер. Солдаты других стран смотрят на них с отвращением и ужасом. В Торнеа, пункте въезда в Финляндию, я впервые увидел этого “свободного” русского солдата. Он передавал какие-то бумаги подтянутому британцу Томми, который был прямым как стрела, чисто подстриженным и по-солдатски выправленным. Русский, ссутулившись, подошел к нему, протянул бумаги грязной лапой и выпустил ему в лицо струю сигаретного дыма. То, что сказал ему Томми, было по-английски, и, боюсь, русский не расслышал, который ушел с весьма довольным собой видом. В Петрограде я видел, как двое из этих “свободных” солдат обращались, даже не прикасаясь к фуражкам, к французскому офицеру, говорившему на их языке. Разговор был повторен мне таким образом: “Правда ли, что в вашей стране, которая называет себя демократией, солдаты должны стоять в присутствии офицеров? Правда ли, что они...” Дальше допрос не продолжался, поскольку француз быстро ответил: “Во-первых, французские солдаты не подходят к офицеру и не начинают разговор без приглашения, поэтому я считаю невозможным отвечать на ваши вопросы”.

Если бы он был русским офицером, то, вероятно, был бы убит на месте. Смертная казнь была отменена, а полицейские силы доведены до абсурда, и убийство превратилось в безопасное и приятное развлечение. Убийства офицеров настолько обычное дело, что о них редко пишут в газетах. Когда правда будет окончательно и официально опубликована, если это когда-нибудь произойдет, выяснится, что жестокая и ужасная резня офицеров превосходит все, что когда-либо мог представить внешний мир. Я познакомился с женщиной, чья дочь сошла с ума после того, как ее муж был убит в крепости Кронштадт, порту Петрограда. Он вместе с несколькими офицерами был заключен там в тюрьму, и некоторые женщины пошли к командиру и попросили разрешения повидаться и поговорить со своими мужчинами. Он улыбнулся им и сказал: “Они как раз заканчивают обедать. Через несколько минут вы сможете их увидеть”. Вскоре после этого их позвали в комнату, где мужчины сели за стол. Они были привязаны к своим стульям и все были мертвы, судя по всему, подвергались пыткам.

В начале революции солдаты Кронштадта убили старого офицера-коменданта. Они начали с того, что выкололи ему глаза. Когда он закончил, они привели второго офицера и его маленького сына, лейтенанта военно-морского флота. “Вы присоединитесь к нам, примете славную

революцию, или мы убьем вас?” - потребовали они. “Мой долг - командовать этим гарнизоном”, - ответил офицер. “Если вы собираетесь убить меня, сделайте это немедленно”. Они застрелили его и бросили труп в кучу других в канаве. Сына они пощадили, и несколько ночей спустя молодой человек спас тело своего отца и принес его домой, чтобы похоронить. Он рассказал эту историю под присягой, но перед лицом этой и еще сотен подобных смертная казнь была отменена; и Керенский не согласился бы восстановить ее, за исключением дезертирства на фронте.

На Московском съезде, состоявшемся в августе, Керенский сказал, извиняясь даже за эту небольшую уступку: “Как министр юстиции, я покончил со смертной казнью. Как председатель временного правительства, я просил восстановить его в должности в случае дезертирства под огнем”. Раздался взрыв аплодисментов, и Керенский воскликнул: “Не аплодируйте. Разве вы не понимаете, что мы теряем часть наших душ, когда соглашаемся на смертную казнь? Но если необходимо потерять наши души, чтобы спасти Россию, мы должны пойти на эту жертву”.

Петроград и Москва буквально наводнены праздными солдатами, многие из которых никогда не участвовали ни в каких боевых действиях и которые громко заявляют, что никогда не намерены ничего предпринимать. Они поддерживаются правительством, носят армейскую форму, претендуют на все привилегии солдата и живут в полном и блаженном безделье. Трамваи переполнены солдатами, которые, конечно, не платят за проезд. Женщине невозможно получить место в машине. Ей повезет, если солдаты разрешат ей стоять в проходе или на платформе. “Слезай и гуляй, буржуй”, - сказал однажды солдат моей переводчице, когда она спешила на встречу со мной. Она слезла и пошла пешком. Я слышал, как только один человек спорил с солдатом. Она была кондуктором трамвая, одной из многих женщин, занявших места мужчин после войны. Она завела машину, полную этих бездельников, которые катались на свободе и разбрасывали по полу семечки подсолнечника, которые они едят так же, как американцы едят арахис, и сказала им в точности, что она о них думает. Должно быть, это было крайне нелестно, потому что другие пассажиры выглядели радостными, и только один солдат отважился что-либо ответить. “Ну, товарищ, - сказал он, - ты не должен быть суров к раненым”.

“Раненые!” - воскликнула женщина. “Если вы когда-нибудь и получите рану, то во рту от разбитой бутылки”. Раздался взрыв смеха, к которому присоединились даже солдаты. Но когда он утих, один из мужчин вызывающе сказал: “Все равно, товарищи, это мы отправили царя паковать вещи”. Этому мнению придерживается Совет рабочих и солдатских делегатов. Они совершенно забыли, что Дума имела какое-либо отношение к революции. На своем национальном съезде Советов, состоявшемся в июле, они торжественно обсуждали, разрешат ли они Думе собраться снова, и очень небольшое большинство приняло решение “за”. Но только при условии, что национальный орган работал под руководством советов.

ГЛАВА III

ИЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Каждый, кто читал старые “Арабские ночи”, наверняка помнит историю о рыбаке, который поймал в одну из своих сетей черную бутылку. Когда бутылку откупорили, из горлышка начал виться тонкий дымок. Дым сгустился в плотное облако и превратился в огромного джинна, который сделал рыбака рабом. Приложив максимум усилий, рыбаку наконец удалось загнать джинна обратно в бутылку, которую он тщательно закупорил и выбросил обратно в море. Керенский отчаянно пытался загнать джинна обратно в бутылку, и все надеялись, что ему это удастся. Однако на сегодняшний день мало что указывает на то, что гигант хотя бы начал материально уменьшаться. Петроград - не единственный город, где Совет рабочих и солдатских делегатов взял на себя управление судьбами русского народа. В каждом городе есть свой совет, и нет ни одного вопроса, гражданского или военного, который они не считали бы способным решить.

Передо мной вырезка из петроградской газеты от 12 июня. Это депеша из Минска, в ней говорится, что местный совет обсудил весь вопрос о возобновлении наступления, при этом большевики утверждали, что этот вопрос носит общий характер и что его следует предоставить решать людям на фронте. Они сами были против наступления, считая его противоречащим интересам международного движения и выгодным только капиталистам, как иностранным, так и российским. Рабочие всех стран должны бороться против своих правительств и порвать со всей империалистической политикой. Армию следует сделать более демократичной. Эта точка зрения возобладавала, говорится в сообщении, 123 голосами против 79.

Это типично. В некоторых городах большинство составляют крайние социалисты, в других преобладают более мягкие миншевики. В Петрограде между ними была своего рода борьба ноздря в ноздрю, причем миншевиков было больше. Но Петроград, как резиденция правительства, привлекал немецких агентов, и все они были большевиками и очень энергичными. В начале революции они создали две штаб-квартиры, одну во дворце мадам Дж. Кшесинская, танцовщица, пользующаяся большим успехом у некоторых великих герцогов, и еще одна в Выборге, производственном квартале города. Здесь, на большом стрелковом заводе, в нескольких милях вниз по Неве, в Кронштадте, хранился запас огнестрельного оружия, винтовок и пулеметов, достаточный для оснащения армейской дивизии.

Лидером этой фракции, выступавшей против войны с Германией, но вполне готовой расстреливать безоружных граждан, был печально известный Ленин, проверенный немецкий агент, чья власть над трудящимися была наивысшей вплоть до июльских восстаний, подавленных казаками. Ленин был на пике своей славы, когда Комиссия Рута посетила Россию, и временное правительство было настолько запугано им, что едва осмеливалось узнавать посланцев из “капиталистической Америки”. Только двум членам миссии было когда-либо разрешено предстать перед советом. Ими были Чарльз Эдвард Рассел и Джеймс Дункан, один социалист, а другой представитель лейбористов. Оба мужчины произносили хорошие речи, но, насколько я мог судить, ни одна строчка из них никогда не появлялась в социалистической газете. Фактически, визит комиссии был проигнорирован радикальной прессой, единственной прессой, которая доходит до 75 процентов россиян.

Чтобы совершенно прояснить ситуацию в том виде, в каком она существовала весной и летом, и в том виде, в каком она существует сегодня, я собираюсь описать два события, свидетелем которых я был в июле прошлого года. Оба они были попытками крайних социалистов заключить сепаратный мир с Германией, и если бы они преуспели в своих планах, то добились бы этого. Более того, они легко могли привести к расчленению России.

18 июня по русскому стилю, 1 июля по нашему календарю, - это день, который ярко запечатлелся в моей памяти. В течение некоторого времени ленинская часть Совета рабочих и солдатчин планировала организовать демонстрацию против несоциалистических членов временного правительства и против дальнейшего хода войны. Миншевистская часть совета, поддержанная правительством, испортила план, проголосовав за неполитическую демонстрацию, в которой могли бы принять участие все, и которая должна стать мемориалом мужчинам и женщинам, погибшим во время Февральской революции, и похороненным на Марсовом поле, большой открытой площади, когда-то использовавшейся для военных смотров. Когда план был окончательно принят, он предусматривал, что каждый, кто хотел, мог участвовать в этом параде, и никто не должен был носить оружие. Велик был гнев ленинцев, но мирная демонстрация удалась, и это, должно быть, вселило в правительство первый трепет воодушевления, поскольку события того дня доказали, что большевики или последователи Ленина в душе были трусами и с ними могла справиться любая твердая и бесстрашная власть.

Было прекрасное воскресное утро восемнадцатого июня, когда я шел по Невскому проспекту, Пятой авеню Петрограда, наблюдая за бесконечной процессией, заполнившей улицу. Две трети участников марша составляли мужчины, в основном солдаты, но присутствовали также женщины и довольно много детей. Красных флагов и транспарантов было много, большевистские транспаранты с надписями "Долой десять министров-капиталистов", "Долой войну", "Долой Думу", "Вся власть Советам" имели очень воинственный вид.

Со мной в тот день была еще одна женщина-писатель, мисс Битти из "*Бюллетеня* Сан-Франциско", и по дороге мы согласились, что случиться может почти все, что угодно, и что мы не должны позволять себе сбиваться с толку. На этот раз журналистская страсть к тому, чтобы увидеть все целиком, должна уступить место достойному отношению к безопасности. Мы только что договорились, что, если начнется стрельба, мы нырнем в ближайший двор или дверной проем, когда что-то действительно произошло - что-то настолько внезапное, что сам его характер невозможно было определить. Если это был выстрел, как утверждали некоторые, мы его не слышали. Все, что мы слышали, был шум, похожий на внезапный порыв ветра. Эта огромная толпа, маршировавшая по широкому Невскому, просто взорвалась. Нет другого слова, чтобы выразить панику, которая без всякого предупреждения превратила ее в бегущую, сражающуюся, сопротивляющуюся, охваченную ужасом толпу. Люди бросились врассыпную, сшибая все на своем пути. Мисс Битти рухнула как подкошенная, но в мгновение ока снова поднялась, и мы бросились к высоким железным перилам, ограждавшим витрину магазина. Прямо рядом с нами лежал солдат, которому раскроили голову стеклянной табличкой, в которую его швырнули. Многие другие были ранены.

Типичная толпа на Невском проспекте во время восстаний большевиков или максималистов.

К счастью, паника была недолгой. На самом деле она длилась едва ли пять минут. Со всех сторон поднялся крик, что ничего не случилось, что казаки не придут. Казаки, некогда наводившие ужас на русский народ, в ходе этого переворота стали самыми решительными сторонниками правительства. Ничто не могло лучше продемонстрировать антиправительственные намерения большевиков, чем их нынешний страх и ненависть к казакам. Поэтому "товарищи" подняли свои потрепанные знамена и возобновили свой марш. Никто так и не узнал, что вызвало панику. Некоторые говорили, что выстрел был произведен из

окна одного из баннеров. Другие говорили, что выстрел был вызван просто лопнувшей шиной. Некоторые были уверены, что услышали крик “казаки”, а некоторые циники предположили, что карманники, многочисленный и предприимчивый класс, только что подняли панику в интересах бизнеса. Это было единственное нарушение порядка, свидетелем которого я был. В течение дня газеты сообщили еще о двух. Молодая девушка, наблюдавшая за процессией с тротуара, внезапно решила покончить с собой, и выстрел, который она послала себе в сердце, вызвал очередную панику. И все же третий случай произошел, когда двое мужчин подрались, и один из них вытащил нож.

Мгновенное бегство толпы и особенно солдат, должно быть, вселило в Керенского надежду, что гиганта удастся загнать обратно в бутылку, тем более что в тот самый день, 18 июня по русскому стилю, армия на одном из фронтов продвинулась вперед и вступила в победоносное сражение. Город сошел с ума от радости по поводу этой победы, показав, я думаю, что сердце русского народа по-прежнему беззаветно предано союзникам и смертельно устало от фантастической программы крайних социалистов. Толпы людей сновали взад и вперед по улице, неся транспаранты, флаги, фотографии Керенского. Они столпились перед Марийским дворцом, где члены правительства, офицеры, солдаты, матросы произносили длинные и восторженные речи, полные патриотизма. Они пели, они кричали весь день и почти всю ночь. Когда они не кричали “Да здравствует Керенский!”, они говорили: “Это последний из ленинцев”. Но это было не так. Большевики просто удалились во дворец танцовщиц, в свои убежища в Выборге и в свою Кронштадтскую крепость и разработали другой план.

В ночь на понедельник, 2 июля, или по нашему календарю 15 июля, вспыхнуло то, что известно как июльская революция, последняя кровавая демонстрация большевиков. Я отсутствовал в городе две недели и вернулся в Петроград ранним утром после начала демонстрации. Я вышел с Николаевского вокзала и огляделся в поисках дрожек. Никого не было видно. Не ходили трамваи. Город выглядел пустынным. Царила тишина, странная, зловещая тишина. “Что же, черт возьми, случилось?” - Спросил я себя. Появились дрожки, и я окликнул их. Когда информатор назвал свою цену за то, чтобы отвезти меня в отель, я ахнула, но я была в двух милях от дома, и там не было трамваев. Поэтому я согласилась, и мы отправились в путь. За границей было мало людей, и когда я добрался до отеля, то обнаружил, что вход заблокирован солдатами. Человек за стойкой выглядел ошеломленным, когда увидел, что я вхожу, и поспешил сказать мне, что большевики снова устраивают беспорядки и всех граждан просят оставаться дома, пока все не закончится.

Я оставался дома достаточно долго, чтобы принять ванну и переодеться, а затем, поскольку все казалось тихим, я вышел. Уверенность возвращалась, и улицы снова выглядели почти нормально. Я прошел по Морской, обнаружив, что главная телефонная станция охраняется так тщательно, что никому даже не разрешалось ходить по тротуару под ней. Эта телефонная станция подверглась ожесточенному нападению во время Февральской революции, и это была одна из наиболее остро оспариваемых стратегических позиций в столице. Позже я расскажу кое-что о роли, сыгранной в революции преданными телефонистками Петрограда. Во дворе здания был отчетливо виден большой бронированный автомобиль, и там находилось много солдат, насторожившихся и готовых к бою. Я зашел в большой книжный магазин, где можно было приобрести английские газеты (месячной давности), и купил одну. Я обнаружил, что *Петроградский "Журнал де Петроград"*, французская утренняя газета, в тот день не выходила. Затем я прогулялся по Невскому. Я не успел отойти далеко, когда услышал

винтовочную стрельбу, а затем звук, если не ошибаюсь, пулеметной очереди. Люди развернулись и бросились на боковые улицы. Я тоже сорвался с места и совершил рекордный рывок к отелю "Европа". Стрельба продолжалась около часа, и когда я снова рискнул выйти, то увидел огромные серые грузовики, груженные вооруженными людьми, которые сновали взад и вперед по улицам, со всех сторон ошестинившись оружием, а спереди и сзади - пулеметами.

Произошло вот что. "Красной гвардии", вооруженной банде рабочих, союзных большевикам, вместе со всеми экстремистами, которых Ленин мог сплотить, и в их число входили несколько совсем юных мальчиков, дали оружие и приказали "выходить на улицы". Это фраза, которая обычно означает "выходи и убивай все, что попадется на глаза". В этом случае людей заверяли, что к ним присоединятся кронштадтские полки, что крейсера поднимутся вверх по реке и все правительство будет передано в руки большевиков. Кронштадтцы действительно пришли в достаточном количестве, чтобы окружить и удерживать в течение двух дней Таврический дворец, где заседала Дума и находилась штаб-квартира временного правительства. Единственная причина, по которой кровопролитие не было еще большим, заключалась в том, что солдаты в различных гарнизонах по всему городу отказались выходить и сражаться. Здравомыслящие члены Совета умоляли их оставаться в своих камерах, и они подчинились. Весь день во вторник и среду вооруженные автомобили большевиков носились от барака к бараку, призывая солдат выйти, и всякий раз, когда они находили группу солдат, по которым можно было стрелять, они стреляли. Большинство этих верных солдат - казаки, и большевики их ненавидят.

Во вторник вечером произошло настоящее сражение, так как казаки подошли к Таврическому дворцу и освободили осажденных министров ценой жизни дюжины или более человек. Затем казаки начали захватывать большевистские броневики. Когда они впервые вышли, то только с винтовками, которые являются просто игрушечными пистолетами против пулеметов. После одной небольшой стычки я насчитал семнадцать убитых казачьих лошадей, и еще больше было дальше по улице. Как только казакам дали надлежащее оружие, они без особых проблем захватили бронированные грузовики. Большевики бросали свое оружие и разбежались, как кролики по своим норам. Тем не менее состояние войны сохранялось большую часть недели, и последний всплеск активности большевиков подарил Петрограду, уже уставшему от кровопролития, еще одну ночь террора. Ту ночь я не скоро забуду.

День выдался спокойным, и мы думали, что неприятности миновали. Я лег спать в половине одиннадцатого и уже засыпал в первый раз, когда раздалась пальба, как мне показалось, почти под моим окном. Я сел в постели, и через несколько минут пулеметы начали издавать адский грохот, похожий на шорох гремучих змей в траве прерий. Я накинула халат и побежала по коридору в комнату подруги. Она быстро оделась, и мы спустились по лестнице в комнату миссис Эмелин Панкхерст, английской суфражистки, из которой открывался лучший вид на площадь, чем из нашей собственной. Там мы, конечно, просидели почти до утра без света, прислушиваясь к повторяющимся очередям и злобному "тук-тук-тук-тук" пулеметов, наблюдая из-за занавесок на окнах за яркими фарами бронетанковых двигателей, вступающих в бой, слыша быстрые шаги людей и лошадей, спешащих из своих казарм. Мы никуда не выходили. Все, что может сделать корреспондент в разгар драки, - это лечь на землю и распластаться как можно шире, если только он не может забраться в магазин, где спрячется под столом или скамейкой. Мне это никогда не казалось стоящим внимания, и у меня нет историй о доблести под огнем.

Я слушал тот ночной бой из укрытия отеля, а на следующий день отправился посмотреть на ущерб, нанесенный оружием. Отряд взбунтовавшихся солдат и матросов из Кронштадта, которого ленинцы ожидали в течение нескольких дней, подошел поздно, все еще рвась в бой; установили орудия на улице перед Биржей и в начале Дворцового моста через Неву и просто перестреляли столько людей, сколько было на улице в тот час. Никто не знает, кроме властей, сколько человек было убито, но когда мы проснулись на следующий день, то обнаружили, что, по крайней мере на какое-то время, власть большевиков была сломлена. На следующий день мятежные полки были с позором расформированы. Петроград был введен на военном положении, улицы охранялись броневиками, для охраны порядка были привлечены тысячи казаков, и были отданы приказы об аресте Ленина и его помощников. Но большевики открыто хвастались, что правительство боялось трогать Ленина, и несомненно, что он бежал в Швецию, а возможно, оттуда в Германию.

Мне не хотелось бы верить, что правительство действительно потворствовало его побегу, поскольку всегда существовала угроза его возвращения и абсолютная уверенность в том, что он останется сторонним наблюдателем, направляющим силу в кампании большевиков. Более вероятно, что в суматохе тех боевых дней его тайно переправили по Неве на небольшой яхте или моторной лодке в крепость Кронштадт, а оттуда переправили через усеянную минами Балтику в Швецию. Ходили слухи, что его хорошо видели на пути в Германию, но более вероятно, что работодатели держали его поближе к месту его деятельности. Он был виновен в более успешных интригах, большем количестве убийств и насильственной смерти, чем большинство верующих кайзера, и заслуживает железного креста дополнительного размера, если таковой существует. Несмотря на все, что он сделал, у него все еще есть тысячи приверженцев в России, людей, которые верят, что он “искренен, но заблуждается”, если использовать избитую фразу. Остальная часть воюющей толпы была изгнана из их дворца, который они ранее разграбили и забрали дорогостоящей мебели, фарфора, серебра и предметов искусства на сумму около двадцати тысяч долларов. За ними охотились на их стрелковом заводе, и в конце концов они сдались правительству после того, как были захвачены, но не смогли удержать Петропавловскую крепость. Они сдались, но были ли они арестованы и наказаны? Ни капельки. Им разрешили уйти безнаказанными, потребовав только сдать оружие. Правительство существовало только по воле толпы, а толпа не потерпела бы ареста “Тавариши”.

ГЛАВА IV

ЧАС НАДЕЖДЫ

Был час, когда для русского народа, казалось, забрезжил рассвет надежды, когда безумие крайних социалистов, казалось, было обуздано, положение в армии было в руках и установлено настоящее правительство. Это произошло в конце июля, и символом этого стали большие общественные похороны восьми солдат-казаков, убитых большевиками в июльские дни беспорядков и кровопролития в Петрограде. Я не знаю, сколько казаков было убито. Только восемь были публично похоронены. Вполне возможно, что правительство не хотело, чтобы большевики узнали все о результатах своего кровавого пиршества, и по этой причине устроило частные похороны некоторым из погибших. Публичные похороны послужили данью уважения

верным солдатам, предупреждением экстремистам о том, что страна осталась в стороне от войны, и уведомлением всех заинтересованных сторон о том, что дни революции прошли и что отныне правительство намерено управлять страной без помощи или вмешательства товарищи или товарищей по социалистическим рядам. Момент был благоприятный для правительства. Совет рабочих и солдатских делегатов пребывал в подавленном настроении, вызванном сначала разгулом большевистской стихии, разоблачением и бегством Ленина, а затем проигранным сражением на Галицийском фронте и позорным дезертирством войск под огнем.

Лучшие элементы совета поддержали новое коалиционное министерство, хотя у него не было социалистического большинства, и оно претендовало на право работать независимо от совета. Казачьи похороны на самом деле были правительственной демонстрацией, и те из нас, кто их видел, на мгновение поверили, что они ознаменовали начало новой эры в беспокойном продвижении России к демократии и свободе. Богослужения проходили в Исаакиевском соборе, самой большой церкви Петрограда и одной из самых великолепных в стране великолепных церквей. Тела в гробах, покрытых серебряной тканью, были доставлены в собор в пятницу днем, в 5 часов, в сопровождении многих военнослужащих своих полков и представителей других организаций. Украшенные цветами гробы, окруженные горящими свечами, заполняли пространство под святыми вратами, ведущими к главному алтарю; вокруг них стояли на коленях солдаты и плачущие женщины, родственницы погибших, в то время как пели торжественную службу за упокой их душ.

В русской церкви запрещена органная или другая инструментальная музыка, но пение здесь высочайшего уровня, совершенно неизвестного в других странах. Частью образования священника является изучение музыки, и мужские хоры проходят самую тщательную подготовку и дирижируются ими. У этих русских церковных хоров самые высокие теноровые и самые низкие басовые голоса в мире, и нет такого эффекта самого грандиозного органа, который они не могли бы произвести. Они не поют ничего, кроме самой лучшей музыки, и их мессы написаны для них величайшими русскими композиторами. Много раз я приходил в восторг от их пения, но на этой поминальной службе по храбрым людям, погибшим при защите своей страны, я был совершенно ошеломлен им. Я не знаю, что они пели, но это была торжественная, но торжествующая симфония скорби, религиозного экстаза, веры и страстного желания. Песня достигла кульминации и закончилась длинной фразой, спетой так тихо, что казалось, она доносится откуда-то издалека, с самих Небес. Вся огромная паства стояла на коленях в слезах.

Служба в соборе на следующее утро была долгой и тщательно продуманной, и только после полудня процессия двинулась к Александро-Невскому монастырю, где для убитых была приготовлена братская могила. Позади открытых белых катафалков шли убитые горем женщины и дети с непокрытыми головами, в простом крестьянском черном. За ними следовали тысячи казаков, также с непокрытыми головами, многие горько плакали. Лошадей погибших вели солдаты. Митрополит Петроградский и все другие церковные сановники были в процессии. Я видел Милюкова, Родзянко и других знаменитостей. Знатные женщины шли бок о бок с работницами. Здесь было много медсестер в ниспадающих белых чепцах. Были бесчисленные сотни венков и цветочных подношений. Оркестры играли впечатляющие похоронные марши. Но в процессии не было ни одного красного флага.

Там был, конечно, Керенский, и его появление стало одним из драматических событий того дня. Я наблюдал за процессией из окна отеля и увидел, как как раз в тот момент, когда катафалки

проезжали мимо, большой черный автомобиль медленно пробирался сквозь толпу, заполонившую улицу. Как только проехал последний катафалк, дверца машины открылась, и Керенский выскочил наружу и занял свое место в процессии, одиноко шагая без шляпы и со склоненной головой вслед за гробами. Он был одет в простую служебную форму полевого офицера, а его коричневая куртка была лишена каких-либо украшений. Толпа, увидев его, обезумела от восторга; на мгновение забыла о торжественности события и бросилась вперед, чтобы приветствовать его. “Керенский! Керенский!”

Это было его первое появление в качестве премьер-министра и практически диктатора России, и он не был бы человеком, если бы не испытал трепет триумфа на этом приеме. Но великолепным жестом он призвал толпу к тишине и велел им тихо отойти в сторону. Сначала казалось, что сдержать их невозможно, но люди в первых рядах взяли за руки и образовали живую цепь, которая сдерживала толпу, и через несколько мгновений порядок был восстановлен. Было что-то прекрасное и символичное в этой акции, в этих объединенных руках, которые остановили то, что могло вызвать панику, и превратили демонстрацию правительства в фиаско. Это спонтанное общественное мышление и действия восстановили порядок лучше, чем это могла бы сделать полиция, и это оставило во мне убеждение, что всякий раз, когда русский народ объединит усилия во имя своей страны, он создаст великолепную цивилизацию. Если бы они только сделали это после того дня! Но новое коалиционное министерство, в котором президент Керенский, народный кумир, заменил Львова, уставшего и обескураженного борьбой, вскоре оказалось перед лицом того же старого моря проблем, которое захлестнуло прежние министерства.

Демократия, созданная в основном Керенским в стране, которая еще не готова к самоуправлению, раскололась на множество анархистских групп. Он превратился во Франкенштейна, слишком огромного и слишком обезумевшего от власти, чтобы с ним мог справиться человек, меньший, чем Наполеон Бонапарт, а Керенский - не Бонапарт. Возможно, у него были мозги Бонапарта, поскольку он, безусловно, обладал обаянием и магнетизмом. Возможно, ему не хватало железной воли или бессмертного мужества. Возможно, только его слабое физическое здоровье помешало этому решению. Каким бы ни было объяснение, факт остается фактом: Керенскому ни разу не удалось взять эту огромную, неорганизованную, необразованную, беспокойную, тоскующую русскую толпу за шиворот и заставить ее прислушаться к голосу разума. Очевидно, также, что он не мог или не хотел позволить никому другому сделать это, что, по-видимому, доказывает загадочный инцидент с Корниловым. История распада русской армии была описана во многих депешах. Позже я расскажу, что я видел в русской армии и что я знаю о деморализации на фронте. Положение вещей было плохим, но ни в коем случае не безнадежным, как это быстро становится. Я уверен, что российская армия могла быть реорганизована, обновлена и превращена в эффективную боевую силу уже в августе 1917 года. Совершенно очевидно, что у него все еще есть возможности, потому что немцы по-прежнему держат огромное количество войск на восточном фронте. Они знают, что русские умеют сражаться, и они боятся, что они будут сражаться, как только им дадут настоящего лидера. В военачальниках у них недостатка нет, как знают и немцы. Большинство старых командиров, никчемных, коррумпированных прихлебателей старого режима, сейчас ушли. Некоторые мертвы, некоторые в тюрьме, некоторые отошли в неизвестность. Те, кто остался, - настоящие солдаты, хорошие бойцы, настоящие союзники Америки, Франции и

Англии. Особенно это верно в отношении некогда внушавших страх и ненависть казачьих вождей.

Казачьи полки до последнего человека поддерживали временное правительство и всем сердцем выступали за доведение войны до конца. Этих казаков около пяти миллионов, и практически каждый трудоспособный мужчина - солдат. И какой солдат! За исключением наших собственных ковбоев, никогда не было таких всадников. Ни одно войско в мире не превосходит их в храбрости и боевой мощи. Они гордая раса и никогда не будут служить под командованием офицеров, кроме тех, кто принадлежит к их собственному виду. Я спросил молодого казака на фронте, где проходили подготовку его офицеры. Он провел около десяти лет в Чикаго и говорил по-английски, как один из наших солдат. “Мы тренируем их в полевых условиях”, - сказал он с улыбкой. “Каждый из нас - потенциальный офицер, и когда наш высший командир погибает в бою, всегда находится человек, который займет его место”.

Казак не разбирается в политике. Он согласен с правительством, которое собирается поддерживать, и служит этому правительству безраздельно. Когда он служил царю, он выполнял приказ царя. Когда он решил служить новой демократии, на него можно было положиться в этом. Он не брался с коварными немцами в окопах. Он не слушал никакой немецкой пропаганды в Петрограде. Он хочет довести войну до победного конца, а затем вернуться к себе домой на мирную реку Дон или на дикий Урал и возделывать свои поля и виноградники.

Из всех казачьих вождей самым колоритным и наиболее прославленным военным гением был генерал. Корнилов. Его жизнь и приключения могли бы заполнить тома. Он пробил себе путь от детства без гроша в кармане к успешной зрелости. Он знает Россию от края до края и говорит почти на всех диалектах, известных в империи, а также на нескольких иностранных языках, особенно восточных. Это маленький, жилистый мужчина с бородой, и единственный раз, когда я видел его, он был окружен телохранителями из рослых туркестанских казаков, одетых в длинные серые туники, огромные шапки из персидской баранины и великолепную коллекцию мечей, кинжалов и пистолетов в серебряной оправе. В изобразительном смысле генерал. Корнилов был совершенно затемнен ими.

После серии катастроф и массового дезертирства на фронте покойное временное правительство объявило, что главное командование армией передано генералу. Корнилов. Команда была принята с определенными условиями, приложенными к акцепту. Ген. Корнилов не был бы командиром в каком-либо ограниченном или измененном смысле этого слова. Он требовал абсолютной власти и контроля над всеми войсками, как на фронте, так и в тылу. Он хотел упразднить солдатские комитеты, которые вели все дела полка и которые даже решали, каким командам солдаты могут подчиняться, а каким нет. Ген. Корнилов никогда не мог терпеть эти тела. Всякий раз, посещая армейскую дивизию, он спрашивал: “Есть ли в ваших полках какие-либо комитеты?” И если ответ был утвердительным, он немедленно отдавал приказ: “Распустить их”. Одно из главных требований, выдвинутых генералом. Корнилов от имени временного правительства получил право применять смертную казнь к дезертирам, как на поле боя, так и в тылу. Я писал о тысячах праздных солдат в Петрограде и о явном отказе многих из них отправиться на фронт по приказу. В этом не было никакого секрета, как и в сокрытии того факта, что из многих тысяч солдат, отправленных на фронт в разное время с ранней весны, около двух третей дезертировали по дороге. Они захватывали поезда — в некоторых случаях

санитарные, — выгоняли пассажиров, оставляли раненых лежать на путях и заставляли железнодорожников везти их обратно в Петроград или куда они хотели.

Керенский испробовал все, что было в его силах, чтобы остановить это позорное дело. Он установил три отдельные даты, в которые все солдаты должны вернуться в свои полки и подчиниться приказу о наступлении. Он опубликовал манифесты, уведомляющие этих трусов и бездельников, что, если они не явятся на службу, они будут объявлены изменниками революции, их семьи будут лишены всех армейских льгот и им не будет позволено участвовать в распределении земли, когда вступит в силу новая аграрная политика. Эти манифесты были абсолютно проигнорированы. Дезертирство продолжалось. Разложение армии усилилось. На всех фронтах и в тылу царя чистая анархия. Солдаты, которые были готовы сражаться, боялись этого, потому что существовала большая вероятность того, что их собственные товарищи выстрелят им в спину, если они подчинятся своим офицерам. Душевное состояние офицеров можно себе представить — его невозможно описать. Многие покончили с собой в безумии от стыда и отчаяния.

Генерал Корнилов хотел справиться с этой ужасной ситуацией единственным возможным способом, расстреляв всех дезертиров. Это может показаться радикальным. Без сомнения, так будет с каждым медноголовым и прогермански настроенным человеком в этой стране. Но помните, за каждого мужчину, дезертировавшего на русском фронте, придется пострадать какому-нибудь американскому мальчику. Нам придется сражаться за русских, нам придется заплатить ужасную цену за их дезертирство. Ген. Корнилов, истинный патриот, знал это и хотел спасти свою страну от этого позора. Керенский, очевидно, не мог вынести мысли об этих расстрельных командах. Или же он не осмелился навлечь на себя гнев совета. Нет сомнений, что он подвергся бы большой личной опасности, это могла быть верная смерть, но что из этого? Нет сомнений, что генерал Корнилов, если бы он спас ситуацию, стал бы более популярным героем, чем Керенский, но что из этого? Вся страна, все, кто сохранил здравомыслие и патриотизм, ждали, что генерал Корнилов установит военную диктатуру в армии. Никогда не было и речи о том, чтобы он взял на себя гражданскую власть. Никогда не было никаких признаков того, что он этого хотел.

Но был такой вопрос — какая политическая партия в России собиралась доминировать в учредительном собрании, это завершение, которое откладывалось много раз, но которое не может быть отложено на неопределенный срок? Партия социал-революционеров, членом которой был Керенский, по-видимому, имела явное большинство, но была слабо организована, и социалисты были разделены на многочисленные группы. Недавно на выборах в одном городе было выставлено восемнадцать бюллетеней, большинство из которых принадлежали отдельным социалистическим партиям. Казаки, прочно стоявшие за Корниловым, объявили, что на предстоящих выборах в учредительное собрание они сформируют блок с конституционными демократами и умеренной партией, известной как кадеты, членом которой является проф. Лидером является Павел Милюков. Этот блок может доминировать в учредительном собрании. Если бы это произошло, большевистский элемент в Совете рабочих и солдатских делегатов по всей стране был бы подавлен и дискредитирован. “Социальная революция”, которая, по-прежнему настаивали советы, должна произойти из политической революции, может быть модифицирована.

За пределами тайных совещаний временного правительства, за пределами внутренних кругов политической жизни России нет никого, кто знал бы точную правду о так называемом корниловском восстании. Известно, что в конце августа в Москве состоялся съезд, на котором Керенский произнес одну из своих величайших речей, полностью захватив аудиторию и еще раз загипнотизировав широкую общественность верой в то, что он может восстановить порядок в России. Появился Корнилов и, как всегда, вызвал большой энтузиазм. Казалось, все думали, что два лидера соберутся вместе и согласуют программу. Но они не собрались вместе, и правительство объявило о “бунте” и опале Корнилова. Были объявлены еще две вещи: что большевики получили большинство в Петроградском Совете рабочих и солдатских делегатов и что Ленин возвращается в Россию, чтобы выступить на “демократическом конгрессе”, целью которого было упразднение Думы и созыв парламента, избранного из ее состава. Час надежды для России пришел и прошел. Когда он наступит снова?

ГЛАВА V

КОМИТЕТСКАЯ МАНИЯ

Делая прямое заявление о состоянии анархии, в которое впала Россия, я очень далек от желания создать предубеждение против русского народа. Я не хочу, чтобы кто-то не доверял русским или презирал их. Я хочу, чтобы американский народ понял свое положение, чтобы с помощью сочувствия, терпения и здравого смысла он мог найти какой-то способ помочь им выбраться из слепой трясины, которая их окружает. Все образованные русские, которых я встречал, любят американцев и доверяют им. Они не скоро забудут, что Соединенные Штаты были первой великой державой, признавшей новое правительство и приветствовавшей революцию. Американский посол Дэвид Р. Фрэнсис, без сомнения, самый популярный дипломат в Петрограде. Его все знают, и он редко появлялся на собрании или съезде без аплодисментов. Снова и снова, во время моего трехмесячного визита в Россию, мне говорили, что именно в Америке они искали помощи и руководства, и после войны они хотят установить с нами самые тесные коммерческие отношения. Один бизнесмен сказал мне незадолго до моего отъезда: “Скажи своим людям, что мы никогда больше не будем торговать с Германией, если американцы не вынудят нас к этому. Если они будут поставлять нам химикаты, мануфактуры и оборудование, мы с радостью их купим. Если они пришлют нам специалистов для наших производственных предприятий, мы будем рады заполучить их вместо немцев, которых мы использовали раньше, которые никогда не учили наших людей ничему из своих знаний, потому что не хотели, чтобы мы развивались”.

Русские хотят, чтобы мы помогли им открыть государственные школы; показали им, как строить и эксплуатировать большие железнодорожные системы; научили вести сельское хозяйство; сделали множество вещей, которые мы научились делать хорошо. Мы не должны презирать русских, мы должны помогать им. И мы не сможем этого сделать, пока не поймем их. Возьмем, к примеру, ситуацию в армии. Она очень плохая. Масса солдат восстает против любой власти. Но вспомните прошлую историю, совсем недавнюю прошлую историю этих солдат. Помимо жестокого личного обращения со стороны некоторых офицеров, они были обмануты, заморены голодом и пренебрегли бюрократией в Петрограде, а затем снова их командирами на фронте.

Потребности русского солдата достаточно просты. Он ест одну и ту же пищу семь дней в неделю и редко жалуется. Это блюдо состоит из супа, приготовленного из соленого мяса и капусты; каши, каши из гречневой крупы; черного хлеба и чая. “Иван” носит грубую одежду и большие, неуклюжие ботинки, и у него нет ни одного из тех мелких удобств, которые мы считаем необходимыми для бойца на поле боя. Но каким бы незначительным ни было снаряжение русского солдата, в старые времена оно не всегда доставалось ему. Оно было украдено у него бандой официальных мошенников, которыми были кишмя кишели военное министерство и армия. Каждое ведомство армии, от комиссариата до Красного Креста, было полно коррупции и взяточничества. Торговля армейскими припасами и боеприпасами, даже больничными припасами, которая происходила постоянно, не поддается описанию. Ген. Сухомлинов, бывший военный министр, которого судили и приговорили к пожизненному заключению за роль, которую он сыграл в этом бизнесе, был лишь одним из крупных воров. Под его началом было еще множество солдат, и среди них все солдаты часто лишались своих шинелей в разгар зимы и половины своего рациона круглый год. Когда русский солдат был тяжело ранен, его с таким же успехом могли застрелить, как и оказать помощь. Я видел этих людей, жалких негодяев, потерявших одну или несколько рук или ног, возможно, ослепших или ужасно изуродованных, просящих милостыню на улицах Петрограда. Одетые в изодранную форму, бледные и несчастные, эти бедные солдаты стоят на ступенях церквей или на углах улиц и выпрашивают несколько копеек у прохожих. Для них нет такого понятия, как пенсия, нет солдатских домов. Они страдали за страну, которая не знала такого понятия, как благодарность. Россия посылала своих людей в бой без достаточного количества оружия или боеприпасов, с которыми можно было сражаться. Она безжалостно отдавала их под немецкие пушки, чтобы банда мародеров в правительстве могла покупать соболей и делать ставки на скачках. Это позволяло им дрожать и мерзнуть в дрянной форме, чтобы армейские подрядчики могли разбогатеть. А после того, как они были ранены, это позволяло им выпрашивать свой хлеб.

Керенский наблюдает за похоронами жертв июльских восстаний большевиков.

Поэтому неудивительно, что после революции народ потребовал немедленного правосудия для солдат. Временное правительство объявило, что отныне в каждом полку должен быть выборный комитет, исполнительный орган, который должен полностью отвечать за дела полка. Еда, одежда, всевозможные припасы должны были проходить через руки этих комитетов, и они должны были выслушивать и передавать все жалобы. Комитеты были голосовыми органами армии. Впервые в истории России солдату разрешили высказаться. План мог бы сработать превосходно, если бы временное правительство не совершило ошибку, проявив чрезмерное рвение к демократизации армии. Это насытило солдат свободой, дало им такие пьянящие дозы самоуправления, что они опьянели от этой идеи и буйствовали, как многие обезумевшие малайцы. Керенский постановил, что солдатам не нужно отдавать честь своим офицерам. “Что ж, тогда мы этого не сделаем”, - сказали они. “И просто чтобы показать, какие мы свободные, мы не будем умываться, или надевать чистую одежду, или прикасаться к шапкам перед женщинами, или стоять прямо ...” и от этого было легко перейти к “Мы не будем ни от кого подчиняться приказам”.

Правительство приказало солдатам самим выбирать себе офицеров, что они и сделали, зарезав около тысячи своих старых товарищей. В некоторых случаях они выбирали их мудро, но в гораздо большем количестве - нет. Они выбирали людей не за их способность руководить военным путем, а за их политические взгляды. В большевистском полку избирались лучшие большевики. Если большинство составляли миншевики, то новые офицеры наверняка были миншевиками. И после того, как они были избраны, их никто не уважал, и они не осмеливались отдавать приказы. Но из всего безумия, которое овладело “свободными” солдатами, безумие комитета зашло дальше всего. Русские любят поговорить. Произносить речи, поддразнивать и быть поддразниваемыми - радость их жизни. Комитет дал им новую возможность выговориться, и у них вошло в привычку созывать заседания комитета по каждому мыслимому поводу. Прошлым летом Петроград с ужасом услышал, что люди в окопах, когда им приказали наступать, на самом деле созвали собрания, чтобы обсудить приказы и проголосовать, выполнять их или нет. Они делали это в те моменты, когда немцы были у самых ворот важного стратегического пункта.

Даже в больницах дошло до того, что врачи и медсестры были бесправны. Если человеку приказывали принять таблетку, он хотел созвать заседание комитета, чтобы обсудить это. Это реальный факт, что мужчины отказывались проходить лечение или подвергаться операциям до тех пор, пока они не проконсультировались по этому поводу с товарищи. От этого до отказа подчиняться любым приказам - короткий шаг, и медсестры Красного Креста рассказали мне несколько фантастических историй о жизни в русском лазарете. Некоторые раненые отказались раздеваться и настояли на том, чтобы лечь в постель в них, вместе с ботинками и всем прочим. Другие отказывались ложиться спать по ночам, предпочитая дремать днем, а ночью бродить в пижамах и халатах. Некоторые настаивали на том, чтобы их выписали раньше положенного, в то время как другие, будучи выписанными, отказались ехать.

Конечно, не во всех больницах было так. Иван - замечательный ребенок, и очень часто он бывает глупым и неуправляемым. Но часто он бывает хорошим, особенно когда болен, страдает и нуждается в женской заботе и доброте. Я не хочу описывать плохие условия в больницах, не признав, что в России есть и другие условия. Я помню, что видел на углу улицы под большим лазаретом в Петрограде дюжину выписанных раненых и группу медсестер и санитаров. Они ждали трамвай, который должен был отвезти мужчин на железнодорожную станцию.

Некоторые все еще были в бинтах, некоторые на костылях, некоторые шли с помощью палок. Двое были слепыми. Но все были безумно счастливы от перспективы вернуться домой, в старую деревню. Медсестры и санитары разделяли их волнение. Некоторые из них направлялись в участок, и их руки были полны свертков, одежды, еды и боевых сувениров. Одна медсестра несла солидного вида пробковую ногу, будущую опору бледного молодого человека на костылях. Вагон завернул за угол, полный пассажиров, в основном праздных солдат, но даже они, по команде энергичной сестры, освободили свои места для инвалидов. Они забрались на борт, и те, кто был наиболее беспомощен, были подняты. Пробковую ногу внесли через открытое окно и передали одному из наиболее здоровых мужчин. Раньше у них было достаточно времени для прощания, но расставание было трудным, и в течение пяти минут после того, как они сели в машину, мужчины продолжали пожимать руки медсестрам, выкрикивать последние слова и целовать руки тем, кто стоял на тротуаре. Медсестры похлопывали своих подопечных по рукам и плечам и взволнованно выкрикивали увещевания. “Позаботьтесь об этой ноге, Иван Федорович. Вы знаете, как ее перевязать. Не пытайтесь слишком много ходить пешком и держитесь подальше от солнца”. Не нужно было знать ни слова по-русски, чтобы понять, что говорили эти медсестры.

Кондукторша трамвая заламывала руки и умоляла позволить ей ехать дальше. Необходимо было соблюдать график. “Пожалуйста, сестра, пожалуйста”, - взмолилась она, и наконец ей разрешили позвонить в звонок и отправить машину вперед. Когда машина завернула за угол, мужчины все еще махали руками, смеялись и вытирали слезы со щек. Я не верю, что эти мужчины созывали какие-либо заседания комитета, прежде чем подчиниться своим медсестрам, или когда-либо напоминали врачам, что теперь это свободная страна и они могут принимать лекарства или нет, как им заблагорассудится.

Вы, конечно, устали от этой заезженной фразы “Теперь это свободная страна”. В России вы слышите ее со всех сторон. “Это свободная страна”, - говорит мужчина с билетом третьего класса, садясь в купе первого класса. “Это свободная страна”, - заявляет солдат, бросая горсть скорлупок от семечек подсолнуха на белые туфли женщины в трамвае. “Это свободная страна”, - говорят группа мужчин, раздеваясь перед толпой женщин и детей и принимая ванну в Неве. Это часто происходит на Адмиралтейской набережной, популярном курорте Петрограда.

“Во время Французской революции их называли Санкюлотами”, - сказала умная писательница в одной из газет. “Наши мужчины войдут в историю как люди без штанов. Возможно, в этом разница между политической и социальной революцией”. Первая французская фраза означает “без штанов”. Второй этап доводит процесс обнажения до заключительной стадии.

В такой свободной стране никто не свободен. Попробуйте представить, что было бы в Вашингтоне, скажем, в кабинете министра финансов, если бы комитет Американской федерации труда вошел и сказал: “Мы пришли, чтобы контролировать вас. Предъявите свои книги и все ваши конфиденциальные документы”. Это то, что происходит с кабинетом министров в России, и будет продолжаться до тех пор, пока им не удастся сформировать правительство, ответственное только перед электоратом, а не рабское по отношению к Совету рабочих и солдатских делегатов. Конечно, сравнение крайне несправедливо по отношению к Американской федерации труда. Наши организованные рабочие - самые умные рабочие в обществе, и большинство из них имеют длительный гражданский опыт. Прежде всего, их лояльность как органа была в полной мере продемонстрирована. Среди членов Совета

делегатов от рабочих и солдат есть преданные, честные, умные мужчины и женщины. Но в нем также есть ряд крайних радикалов, людей, которые опозорили бы страну, заключив сепаратный мир с Германией, и которых не волнуют интересы какой-либо группы, кроме своих собственных. Ни у кого в России нет большого опыта получения гражданства, а у работающих людей его меньше, чем у других. И все же совет, если дать совету его местное название, считает себя вполне способным вести все государственные дела не только в России, но и в союзных странах. Советы имели наглость объявить, что они собираются назвать условия мира, хотя Россия фактически прекратила боевые действия. “Никаких аннексий или контрибуций” - вот формула, совершенно очевидно созданная в Германии. Я уверен, что ни один из тысячи не знает, что это значит.

“Задумывались ли вы когда-нибудь, ” спросил я члена Петроградского совета, “ что ваша программа будет значить для трудящихся Бельгии? Вам не кажется, что фермеры и ремесленники северной Франции имеют право на компенсацию за свои разрушенные дома и загубленные жизни?”

“Да, но не из Германии”, - последовал ошеломляющий ответ. “Все страны должны вносить свой вклад”.

“Если бы я был кассиром в банке и украл миллион долларов из денег вкладчиков, как вы думаете, меня следовало бы заставить вернуть их или обложить налогом всех служащих?” На этот вопрос я не получил ответа. Ответа нет.

Неужели во всем этом смятении умов, в этом вихре идей и теорий нет ни одного россиянина, способного ясно мыслить? Неужели в России не осталось смелых людей? Никто из тех, кто осознает разруху и запустение, которые им готовятся? Есть. В России есть погруженное в воду меньшинство мыслителей. В нем есть по крайней мере два боевых элемента, которые готовы умереть, чтобы восстановить мир, порядок и светлую честь на своей растерзанной земле. Эти две стихии - казаки и женщины.

ГЛАВА VI

ЖЕНЩИНА С ПИСТОЛЕТОМ

Я склонен верить, что женщины-солдаты России, самое удивительное событие революции, если не самой мировой войны, вместе с казаками окажутся элементом, необходимым для того, чтобы повести, если это вообще возможно, дезорганизованную и деморализованную русскую армию обратно к ее обязанностям на линии огня. Женщины взяли за оружие с целью, в надежде вернуть их назад. Что бы еще вы ни слышали о них, это правда. Я очень хорошо знаю этих женщин-солдат. Я знаю их по трем полкам, одному в Москве и двум в Петрограде, и я прошел с одним полком так близко к линии фронта, как мне было позволено. Я отправилась из Петрограда на военную позицию “куда-то в Польшу” со знаменитым Батальоном смерти Бочкаревой. Я покинула Петроград в военном поезде с женщинами. Я шел с ними, когда они сошли с поезда. Я прожил с ними девять дней в их казарме, вокруг которой расположились лагерем тысячи мужчин-солдат. Я разделил с Бочкаревой суп и кашу и выпил горячего чая из

другой ее жестяной кружки. Я спал рядом с ней на нарах. Я провожал ее и ее женщин на линию огня, а после битвы, в которую они повели сопротивляющихся мужчин, я сидел рядом с их больничными койками и слушал их собственные истории о той битве. Я хочу прямо здесь сказать, что страна, которая может производить таких женщин, не может быть уничтожена навсегда. Возможно, потребуется время, чтобы она оправилась от нынешнего разгула анархизма, но она, несомненно, оправится. И когда это произойдет, он будет знать, как почтить память женщин, которые вышли сражаться, когда мужчины разбежались по домам.

Батальон Смерти - это не название одного полка, и оно не используется исключительно для обозначения женских батальонов. Это своего рода приказ, который распространился по многим полкам с тех пор, как началась деморализация, и означает, что его члены лояльны и намерены сражаться не на жизнь, а на смерть за Россию. Иногда целый полк надевает наконечник стрелы из красно-черной ленты, который, пришитый к правому рукаву блузы, обозначает орден. Полки были сформированы из добровольцев, готовых носить знаки отличия. Таким полком является Батальон Смерти под командованием Марии Бочкаревой (орфография изменена фонетически), необыкновенной крестьянки, дослужившейся до офицера российской армии.

Бочкарева родом из деревни недалеко от границы с Сибирью, и ей, насколько я могу судить, около тридцати лет. Она была из многодетной семьи, и семья была очень бедной. Им пришлось тяжелее, чем когда-либо, после того как отец вернулся с японской войны без одного фута, но это не помешало их числу увеличиться, а просто сделало участь Марии, старшей девочки, немного более несчастной. Она рано вышла замуж, к счастью, за человека, с которым была очень счастлива. Он был деревенским мясником, и она помогала ему в лавке, поскольку у них не было детей. Когда в июле 1914 года разразилась война, муж Марии ушел вместе с остальными членами общины из их деревни, и она больше никогда его не видела. Он был убит в одном из первых сражений войны, и единственный раз, когда я видел, как Бочкарева сломалась, был, когда она рассказала мне, как долгие месяцы ждала письма, которое он обещал ей написать, и как, наконец, раненый товарищ приковылял обратно в деревню и сказал ей, что письмо никогда не придет. Он был мертв — где-то там, - а они даже не уведомили ее.

“Солдатам приходится тяжело, - сказала она, когда короткий поток слез прошел, - но не так тяжело, как женщинам дома. У солдата есть оружие, чтобы сражаться со смертью. У женщин ничего нет”.

В течение нескольких месяцев Мария Бочкарева наблюдала, как страдания женщин и детей в ее деревне становятся все хуже и хуже. Некоторых из них убила зима - зима и непривычная нехватка еды. Пришел тиф и убил еще больше людей. Деревня забыла, что когда-то танцевала, пела и была счастлива. Каждая семья была в трауре по своим погибшим. Марья решила, что не сможет вынести этого - сидеть в своей пустой хижине и ждать смерти. Она выйдет и встретит ее более легким способом, разрешенным мужчинам. Таким образом, объяснила она мне, она присоединилась к полку сибирских войск, стоявшему лагерем недалеко от деревни. Мужчины не хотели ее видеть, но она попросила разрешения и получила его, и когда полк отправился на фронт, она тоже пошла с ними.

Мария Бочкарева, миссис Эммелин Панкхерст и женщины из “Батальона смерти”.

Она участвовала в кампаниях на нескольких фронтах, заработала медали и, наконец, желанный крест Святого Георгия за доблесть под огнем. Она была трижды ранена, последний раз осенью 1916 года, настолько тяжело, что она пролежала в госпитале четыре месяца. Она вернулась в свой полк, где теперь была популярна, и я представляю себе ее кем-то вроде лидера, незадолго до февральской революции 1917 года.

Бочкарева была яркой революционеркой, и ее полк одним из первых перешел на сторону народа. Ее ужас и отчаяние были велики, когда вскоре после освобождения от царизма огромные массы людей, и особенно солдаты на фронте, начали демонстрировать бунтами и дезертирством, как мало они были готовы к свободе. Солдаты ее полка в большом количестве дезертировали, и она подошла к членам Думы, которые ходили взад и вперед по фронту, пытаясь остановить волну, и сказала им: “Разрешите мне набрать женский полк. Мы пойдем туда, куда отказываются идти мужчины. Мы будем сражаться, когда они побегут. Женщины отведут мужчин обратно в окопы”. Это история Батальона смерти Бочкаревой, или, скорее, о том, как он был организован. Военное министерство России разрешило ей набрать женщин, выделило ей казарму в здании бывшей школы и пообещало снаряжение и место на фронте. Многие женщины в Петрограде, женщины состоятельные и занимающие общественное положение, загорелись этой идеей, собрали деньги для полка, помогли в наборе, некоторые из них вступили.

В разрозненном экземпляре американской газеты, который попал ко мне в Россию, я прочитал абзац, в котором говорилось, что школьницы Петрограда формируют полк под командованием человека по фамилии Бучкарев, армейского лейтенанта. Я не знаю, кто разослал эту новость, но в ней не хватало большей части фактов. Женщины-солдаты - это не школьницы, а в батальоне Бочкаревой нет мужчин-офицеров. Три сержанта-строевика, все кавалеры Георгиевских крестов, действительно помогали в подготовке батальона, пока он оставался в Петрограде.

Другие мужчины тренировали его в тылу, но Бочкарева и еще одна замечательная женщина, Мария Скридлова, ее адъютант, командовали им и вели в бой.

Мария Скридлова - дочь адмирала Скридлоффа, одного из самых выдающихся людей российского военно-морского флота. Ей около двадцати, она очень привлекательна, если не сказать красива, и является опытным музыкантом. Ее жизнь до начала войны была жизнью обычной девушки из русской аристократии. Она получила образование за границей, преподавала несколько языков и ожидала, что ее карьера будет не более захватывающей или авантурной, чем у любой другой женщины ее класса. Когда началась война, она пошла в Красный Крест, прошла курсы медсестер и служила в госпиталях как на фронте, так и в Петрограде. Затем грянула революция. Она работала в морском госпитале в столице. Она видела многие ужасы тех февральских дней. Она видела, как на ее собственного отца напали солдаты на улицах и спасли от смерти только потому, что некоторые из его собственных морских пехотинцев, которые любили его, настаивали на том, чтобы этот офицер не был убит.

В палату госпиталя, где она находилась, принесли старого генерала, отчаянно раненного уличной толпой. Ему пришлось немедленно сделать операцию, чтобы спасти свою жизнь, и когда его несли из операционной в отдельную палату, люди на кроватях сели и закричали: “Убейте его! Убейте его!” Маловероятно, что они знали, кто он такой, но это была смерть для всех офицеров в те дни безумия. Наполовину потеряв сознание от потери крови, все еще находясь под действием эфира, старик цеплялся за свою няню, как ребенок за свою мать. “Ты ведь не позволишь им убить меня, правда?” пробормотал он. И мадемуазель. Скридлова заверила его, что позаботится о нем, что он в безопасности.

Дверь открылась, и в палату ворвался врач с бледным лицом. “Сестра,” выдохнул он, - принесите лекарство, идите быстро. Не понимая, она спросила: “Какое лекарство?” Но он только подтолкнул ее к двери. “Уходи, уходи!” - повторил он.

Она вышла из комнаты, а потом увидела и поняла. По коридору текла толпа, дикая, неопрятная, жаждущая крови толпа, зачищающая улицы и казармы. Она быстро бросилась к двери комнаты старого генерала. “Отойди,” приказала она. - Мужчина в той комнате стар, изранен и беспомощен. Он под моей опекой, и если ты причинишь ему вред, то только через мое тело.

Каким бы невероятным это ни казалось, эта двадцатилетняя девушка смогла в течение сорока минут сдерживать толпу. Когда на нее направили оружие, она приказала мужчинам стрелять сквозь красный крест, который прикрывал ее сердце. Они не стреляли, но некоторые из самых жестоких сбили ее с ног, а затем держали беспомощной, в то время как другие ворвались в комнату и зарубили и забили старика до смерти. Когда медсестра пробилась к нему, он испускал последний вздох. У нее было время прошептать молитву и осенить крестным знаменем его остекленевшие глаза. Потом она пошла домой, сняла форму Красного Креста и сказала своему отцу: “Женщины могут сделать для России нечто большее, чем перевязывать раны мужчин”.

Когда был сформирован Батальон смерти Бочкаревой, Мария Скридлова решила присоединиться к нему. Адмирал Скридлофф, ветеран двух войн, старый железный патриот, пошел с ней в женские казармы и собственноручно записал ее на службу в русскую армию. В полку, адъютантом которого была эта девушка, я нашел шесть медсестер Красного Креста, которые покончили с уходом за больными и ушли умирать за свою несчастную страну. Там была

женщина-врач, прошедшая службу в госпиталях базы. Среди них были клерки и служащие, фабричные девушки, прислуга, женщины с ферм. Десять женщин сражались в мужских полках. У каждой женщины была своя история. Я слышал не все, но многие из них, каждая из которых была простой хроникой страданий, тяжелой утраты или стыда за бедственное положение России.

Там была одна девушка девятнадцати лет, казачка, хорошенькая, темноглазая девушка, брошенная на произвол судьбы после гибели в бою ее отца и двух братьев и еще более трагической гибели ее матери, когда немцы обстреляли больницу, где она ухаживала. Для нее место в полку Бочкаревой и ружье, с помощью которого она могла защищаться, означали безопасность.

“Что мне оставалось?” - вздохнула крупная эстонская женщина, показывая мне фотографию, которую она постоянно носила на сердце. Это была фотография прелестного пятилетнего ребенка. “Он умер от нужды”, - коротко ответила женщина. “Его отец в плену где-то в Австрии”.

В полку была девушка-японка, и когда я спросил ее о причине вступления, она улыбнулась, и ровным вежливым тоном, характерным для представителей ее расы, ответила: “Было так много причин, что я предпочитаю не называть ни одной из них”. Однажды в сумерках я наткнулся на эту девушку, сидевшую снаружи с маленькой польской еврейкой, с которой она спала. Они вдвоем совершенно неподвижно сидели на поваленном дереве, наблюдая за группой солдат, собравшихся вокруг костра. В их молчаливых взглядах я прочел злобу, воспоминание, настолько полное концентрированного отвращения, что я с содроганием отвернулся. Я никогда не спрашивал ни у одной женщины, почему она присоединилась к полку. Я боялся, что это может быть скорее личным, чем патриотическим.

Однако я не верю, что так было с большинством. В основном женщины были вооружены, потому что они боялись дальнейшей деморализации войск и горячо верили, что смогут сплотить своих мужчин для борьбы. “Наши мужчины, “ говорили они, - страдают от душевной болезни. Наш долг - вернуть им здоровье”. Каждая женщина в полку видела войну лицом к лицу, горько страдала на войне и, наконец, увидела, как их мужчины потерпели поражение в бою. Они видели, как их люди дезертировали во время войны, что было самым бесчестным поступком, который только могут совершить люди, и они сказали: “Что ж, тогда нам ничего не остается, кроме как занять их места”.

Был ли когда-нибудь мир свидетелем более возвышенного героизма, чем этот? Женщины за долгие годы, отмеченные историей, сделали для мужчин все, к чему были призваны. В двадцатом веке русским мужчинам оставалось призывать женщин сражаться и умереть за них. И женщины это сделали.

ГЛАВА VII

НА ФРОНТ С БОЧКАРЕВОЙ

Женщины всех рангов бросились записываться в батальон Бочкаревой. Там было много крестьянских женщин, фабричных работниц, прислуги, а также много образованных и видных в обществе женщин. Среди них были шесть медсестер Красного Креста, один врач, юрист, несколько клерков и стенографисток и несколько таких, как Мария Скридлова, которые никогда ничем не занимались, кроме военной работы. Если работающие женщины преобладали, я полагаю, это потому, что они были сильнее физически. Бочкарева принимала только самых крепких, и все ее солдаты, даже худощавые, были прекрасными физическими образцами. Женщины были экипированы точно так же, как мужчины-солдаты. На них были одинаковые брюки цвета хаки, блузы со свободным поясом и кепки с высокими козырьками. Они были в одинаковых высоких ботинках, с одинаковым оружием и одинаковым лагерным снаряжением, включая противогазы, траншейные лопаты и другие принадлежности. Несмотря на свои наголо выбритые головы, они представляли собой очень привлекательную внешность, как милые, чистоплотные, порядочные мальчики. Они были очень строго обучены и дисциплинированы, и в этом полку не было недостатка в отдании чести офицерам.

Батальон покинул Петроград в неизвестном направлении 6 июля по нашему календарю. Во второй половине дня женщины прошли маршем к Казанскому собору, где состоялась трогательная церемония прощания и благословения. Шел холодный мелкий дождь, но большой полукруг перед собором, а также длинные изогнутые колоннады были заполнены людьми. Тысячи женщин несли цветы, а медсестры пробирались сквозь толпу, собирая деньги для полка.

В тот день, 6 июля, я провел очень беспокойный день. Я боялась того, что могло случиться с некоторыми женщинами из-за злонамеренности большевиков, и я смертельно боялась, что мне не разрешат сесть в их воинский эшелон. Я подал обычное прошение в Военное министерство о разрешении посетить фронт, но я не подкрепил прошение личным визитом, и поэтому, когда я зашел на утренний звонок, я был встревожен, обнаружив в казарме беспорядок и услышав ликующее объявление: “Мы отправляемся сегодня вечером в восемь”.

Дождливый день был не по сезону, и я потратил бешеные суммы на прокат дрожек, мечась туда-сюда в бесплодных попытках вырвать экстренные разрешения у неуловимых чиновников, которым никогда в жизни не приходилось делать что-либо в спешке или даже соблюдать обычные рабочие часы. Излишне говорить, что я вообще никого не застал на дежурстве там, где он должен был быть в тот день. Даже в американском посольстве, куда я пришел поздно вечером с пустыми руками и обескураженный, я обнаружил, что весь персонал отсутствовал в связи с выездом комиссии из дома. Единственным полезным человеком, оказавшимся в посольстве, был Арно Дош-Флеро из *New YorkWorld*. “На вашем месте,” сказал он, - я бы не беспокоился о разрешении. Я бы просто сел в поезд — если бы мог *сесть* на него — и оставался бы до тех пор, пока меня не высадили бы, или пока я не добрался бы туда, куда хотел. Конечно, они могут арестовать вас за шпионаж. В любой другой стране они бы это сделали почти наверняка. Но в России никогда нельзя быть уверенным. Шепард из “Юнайтед Пресс” однажды объехал весь фронт, не имея ничего, что можно было бы показать, кроме каких-то никчемных акций горнодобывающей промышленности. Почему бы не попробовать?”

Я сказал, что так и сделаю, и около восьми вечера того же дня был на Варшавском вокзале, невольно участвуя в том, что можно было бы назвать первым боевым столкновением полка. По меньшей мере две трети толпы, заполнившей вокзал, были членами ленинской фракции большевиков, посланных туда, чтобы разогнать организованное шествие женщин и даже, по возможности, предотвратить их вовлечение вообще. С самого начала эти руководимые шпионами эмиссары германского кайзера поклялись во вражде батальону Бочкаревой. Хорошо зная моральный эффект от того, что женщины занимают места дезертировавших солдат в окопах, ленинцы приложили все усилия, чтобы посеять раздор в рядах, и в последний момент ворвались на станцию в надежде создать невыносимую ситуацию. В отсутствие чего-либо похожего на полицию им удалось сделать ситуацию болезненной и даже немного опасной для солдат и для плачущих матерей и сестер, которые собрались, чтобы попрощаться с ними. Но женщины все это время сохраняли безупречную дисциплину и медленно пробивались сквозь толпу к железнодорожной платформе.

Что касается меня, то смесь негодования, здоровых мускулов и редкой удачи помогла мне пройти через это и привела меня в несколько потрепанное состояние рядом с адъютантом Скридловой. “Вы получили разрешение”, - воскликнула она, увидев меня. “Я так рада. Держитесь поближе ко мне, и я провожу вас в целости и сохранности”.

Возможно, лживо, я вообще ничего не отвечал, но оставался, и каждый раз, когда вспотевший железнодорожный служащий хватал меня за руку и приказывал отойти, Скридлова спасала меня и сообщала мужчине, что у меня есть разрешение ехать. В самый последний момент у меня был неприятный момент, потому что один особенно любознательный чиновник попросил показать разрешение. На этот раз на помощь пришла сама начальница Бочкарева. Что характерно, она не стала тратить слов, а просто оттолкнула мужчину в сторону, втолкнула меня в свое купе и приказала запереть дверь. Через несколько минут она присоединилась ко мне, поезд тронулся, и мы тронулись. На этом мои неприятности закончились, потому что впоследствии никто не ставил под сомнение мое право быть там. По предложению адъютанта я рассталась со своей нью-йоркской шляпой и в начале путешествия надела белую льняную шапочку медсестры Красного Креста. Одетый таким образом, я был принят всеми заинтересованными сторонами как часть лагерного снаряжения.

Воинский поезд состоял из одного вагона второго класса и пяти вагонов четвертого класса, причем первый, за исключением одного купе, предназначенного для офицеров, был практически заполнен походными и госпитальными припасами. В других вагонах, обставленных примитивно, с тремя ярусами деревянных коек, путешествовали рядовые полка. Мне досталось место в купе второго класса с начальником, адъютантом и знаменосцем, крупной молчаливой крестьянкой по фамилии Орлова. Наша роскошь состояла из мягких полок без постельных принадлежностей или одеял, которые днем служили сиденьями, а ночью - кроватями. У нас, конечно, было немного больше уединения, чем у остальных, но и только. Что касается еды, то все мы жили одинаково, и жили хорошо, так как друзья полка загрузили поезд хлебом, маслом, фруктами, консервами, пирожными, шоколадом и другими деликатесами. Кроме того, у нас были принадлежности для приготовления чая и много сахара. Наше купе было так заполнено едой, цветами, транспарантами, оружием, чайниками и разными вещами, что мы передвигались с трудом и вечно извинялись за то, что наступили друг другу на ноги.

Две ночи и большую часть двух дней мы ехали на юг через поля пшеницы, ячменя и картофеля, где женщины в ярко-красных и синих халатах трудились над созревающим урожаем. Новость о поезде разошлась по линии, и первый этап нашего путешествия сквозь белую ночь сопровождался непрекращающимися овациями. На каждой станции собирались толпы, чтобы подбадривать женщин и требовать показать Бочкареву. Это была в основном мужская толпа, в основном солдаты, добродушные и смеющиеся, но было там и много женщин: медсестры, работницы, крестьяне. Иногда можно было увидеть дам в вечерних платьях в сопровождении друзей-офицеров.

Чем дальше мы отъезжали от Петрограда, точки соприкосновения России с западной цивилизацией, тем очевиднее становилось, что с империей все было ужасно неправильно. Все больше и больше изменившийся характер толпы на вокзале напоминал нам о широко распространенном дезорганизации армии. Люди, встречавшие поезд, были одеты в солдатскую форму, но они полностью утратили свою прямую солдатскую выправку. Они сутулились, как каторжники, были грязными и неопрятными, а их глаза были полны бессмысленной наглости. Отсутствие дисциплины и всякой сдержанности лишило их того мужества, которым они когда-то обладали. Новость о женском батальоне привлекла этих мужчин, как пчелиный рой. Они высовывали свои небритые лица в окна машин, выкрикивая попугайские фразы, которым их научили руководители немецких шпионов. “Кто сражается за проклятых капиталистов? Кто сражается за английских кровопийц? Мы не сражаемся”.

И женщины, в глазах которых сверкнуло презрение, ответили: “Вот почему мы так поступаем. Идите по домам, трусы, и позвольте женщинам сражаться за Россию”.

Их последняя, хрупкая ниточка “мирной” пропаганды истощалась, мужчины обычно прибегали к личным оскорблениям, но на них женщины, следуя строгим приказам, ничего не отвечали. Когда язык становился слишком грубым, женщины просто закрывали окна. Никакого реального насилия им никогда не предлагали. Когда они выходили из поезда за горячей водой или чаем, за добавкой еды или за газетами, они так бесстрашно входили в толпу, что мужчины отступали, насмешливо ворча, но держась в стороне.

Было что-то неописуемо странное в том, чтобы отправиться в путешествие, абсолютно неизвестное никому, кроме того, кто командовал экспедицией. Прежде всего, было странно ощущать, что ты видишь женщин, добровольно отказывающихся от последней крупницы защиты и защищенности, которые, как предполагалось, им причитаются. Они собирались встретить смерть, смерть в битве с чужеземным врагом, первые женщины в мире, добровольно согласившиеся на такой конец. И все же все были счастливы, и высказывалось только опасение, как бы батальон сразу не отправили в окопы.

Что касается меня, то, когда мы прибыли к месту назначения, примерно в двух милях от приготовленных для нас казарм, я на мгновение затосковал по сравнительной безопасности окопов. Мне показалось, что навстречу женскому батальону вышла вся русская армия, и они были сосредоточены по обе стороны железнодорожного полотна, насколько я мог видеть.

Я посмотрел на начальницу, спокойно пристегивающую шпагу и револьвер. На губах у нее играла уверенная улыбка. “Возможно, вам придется сразиться с этими людьми там, прежде чем вы сразитесь с немцами”, - сказал я.

“Мы готовы начать боевые действия в любой момент”, - ответила она.

Она первой вышла из поезда, и остальные быстро последовали за ней.

ГЛАВА VIII

В ЛАГЕРЕ И НА ПОЛЕ БОЯ

Однако женскому полку не пришлось сражаться со своими братьями по оружию. Женщина-командир позаботилась об этом. Она просто вошла в толпу ожидающих солдат и выкрикнула команду голосом, которого я никогда раньше от нее не слышал. Это чем-то напомнило мне ту ужасную автомобильную сирену, которая приводит в ярость пешехода, но одним быстрым прыжком убирает его с дороги. Команда Бочкаревой была произнесена по-русски, и в вольном переводе ее можно было бы прочитать: “Убирайтесь отсюда к черту и пропустите мой полк”.

Возможно, это было не по-женски, но это произвело должное впечатление на русскую армию, которая быстро отступила по обе стороны дороги, оставив женщинам свободную полосу движения. Женщины взвалили на плечи свои тяжелые сумки и под палящим солнцем прошли маршем две мили, которые лежали между железной дорогой и лагерем. Русская армия следовала за ними весь путь, очевидно, решив, что лучшая часть доблести - смеяться над женщинами, а не сражаться с ними.

Бочкарева, должно быть, также решила, что первое, что нужно сделать, - это дать этим людям понять, что независимо от того, смешной это полк или нет, к нему нужно относиться с уважением. Как только мы добрались до наших казарм и избавились от тяжелых грузов, она произнесла небольшую речь, в которой сказала, что мы здесь, и хотя нам придется общаться с мужчинами, отношения будут официальными. Мужчинам необходимо было показать, что женщины имеют право на те же лагерные привилегии, что и они сами, и к ним следует приставать не больше, чем к любым другим солдатам. “У нас было долгое, жаркое путешествие, - закончила она, - и первое, что мы собирались сделать, это спуститься к реке и хорошенько поплавать”. Итак, с полотенцами на шее 250 женщин весело направились к реке. Я трусил рядом, опираясь на руку командира. По меньшей мере тысяча человек тоже пошли с нами, но как раз перед тем, как мы добрались до плавательного бассейна под железнодорожным мостом, Бочкарева обернулась и отдала еще одну из своих четких коротких команд. Мужчины остановились как вкопанные, как будто она плеснула в них каким-то леденящим газом, и мы пошли дальше.

Это был прекрасный бассейн, чистый и холодный, окаймленный ивами. Женщины сбросили с себя одежду, как мальчишки, и нырнули в нее. Когда мы одевались позже, я смотрел на них: бритые головы, уродливая одежда, грубые сапоги, ничего не скрывающие, ни малейшего признака красоты, но, несмотря на все это, необычайно привлекательные. Некоторые, конечно, были невзрачными, примитивными типами. Пурпур и тонкое полотно не сильно бы их улучшили. Но некоторые, которые не были бы особенно хорошенькими девочками, были почти красивы, как мальчишки. Некоторые из них были поразительно красивы, несмотря на бритые головы. Вы заметили, что у них были красивые черепа, красивые уши, прекрасные глаза, сильные

характеры, тогда как в обычной одежде они могли бы выглядеть такими же приятно заурядными, как девушка с обложки журнала.

Остывший и посвежевший батальон направился обратно в казармы, которые состояли из двух длинных, наспех построенных деревянных зданий, точно таких же, как сотни других, разбросанных со всех сторон, насколько хватало глаз. Некоторые здания находились наполовину под землей, чтобы зимой было тепло, и, должно быть, там было довольно душно. Наши здания хорошо проветривались благодаря множеству мансардных окон в резко покато́й крыше, и они были новыми, чистыми и свободными от насекомых, которых я втайне боялся. Внутри вообще ничего не было, кроме двух длинных деревянных платформ, тянувшихся по всей длине здания, около девяноста футов. Они были очень грубо обструганы и полны неровностей и дырок от сучков, но это были единственные кровати, предоставленные заботливым правительством. Здесь женщины сбрасывали свои тяжелые вещи: оружие, патронташи, противогазы, палатки для собак, траншейные лопаты, ведра с едой и другие принадлежности. Здесь они развернули свои большие шинели вместо одеял, и здесь всю следующую неделю все мы, офицеры, солдаты и военные корреспонденты, ели, спали и жили. Двести пятьдесят женщин среди армии мужчин. Позади нас правительство, слишком поглощенное борьбой за собственное существование, чтобы беспокоиться о безопасности какой-либо группы женщин. Перед нами грохочущие орудия немецкого врага. Между нами и всем, чего женщин когда-либо учили бояться, - хлипкая деревянная дверь. Но эту дверь бессонно охраняла женщина с пистолетом.

В ту первую полночь в лагере я проснулся на своих нарах, услышав шарканье мужских ног на пороге, громкий стук в дверь и резкий оклик нашего часового: “Кто там идет?”

- Мы хотим войти, - заискивающе произнес мужской голос.

“Никто не может войти в этот час”, - ответил часовой. “Кто вы и что вам нужно?”

Ответ мужчины был резок по существу. “Здесь что, нет девушек?” требовательно спросил он.

“Здесь нет девушек”, - последовал мгновенный ответ. “Здесь только солдаты”.

Чей-то разъяренный кулак ударил по тонкому дереву, в ответ раздался быстрый щелчок ружейного ствола с другой стороны. - Если вы немедленно не уйдете, мы откроем по вам огонь, - сказал часовой зловеще спокойным голосом.

С длинной дощатой платформы донеслась череда тихих смешков и пара сонных замечаний, которые удаляющиеся мужчины снаружи не сочли бы комплиментарными. Та полуночная стычка послужила прекрасной цели окончательного установления статуса полка в лагере. С тех пор к нам никто не приставал. Мы вместе с мужчинами стояли в очереди на кухню за нашим ежедневным рационом из черного хлеба, супа и каши - разновидности гречневой каши. Мы совершали свои простые утренние туалеты на открытом воздухе; мы стирали одежду в импровизированных корытах для стирки за казармами; мы прогуливались между учениями. Солдаты ходили за нами по пятам с утра до ночи. Они смотрели на нас широко раскрытыми глазами, сбившись в любопытные группки перед дверями. Некоторые были откровенно дружелюбны, и, за исключением нескольких пренебрежительных замечаний по поводу нашей внешности, никто не был настроен враждебно.

На следующий день после нашего приезда, в понедельник, шел дождь. Лило как из ведра. Лагерь превратился в болото. Женщины оставались в своем бараке, тренируясь, как могли, в узких проходах. Сидя на краешках своих нар, единственного места, где можно было сидеть, они с глубоким вниманием слушали, как младшие офицеры зачитывают вслух армейский кодекс и уставы. Утром на вызов приехала группа медсестер из госпитального поезда, расположенного по соседству, а во второй половине дня прибыло с полдюжины офицеров из ставки, расположенной в двух милях отсюда. Командир, очаровательный человек, казался удивленным и глубоко впечатленным тем, что полк вытянулся по стойке смирно, приветствуя его.

“Это прекрасно”, - неоднократно повторял он, и он был настолько любезен, что сказал мне: “Как чудесно для американской женщины быть с ними. Спасибо, что пришли”.

Во вторник прояснилось, и батальон провел свои первые учения в открытом поле. Остальная часть российской армии стояла вокруг и делала вид, что это очень забавляет. Всякий раз, когда женщина допускала ошибку в руководстве, а еще лучше, когда она падала во время зарядки или шлепалась в грязную лужу на бегу, мужчины громко смеялись. Я почти уверен, что часть этого смеха скрывала уязвленную гордость, потому что каждый порядочный солдат, с которым я разговаривал, выражал свою печаль и унижение из-за того, что женщины сочли необходимым записаться в армию. Довольно много мужчин в том лагере побывали в Америке и, конечно, говорили по-английски. Они сказали: “Послушай, сестра, как ты думаешь, что они думают об этом там, в Иллинойсе?” Один мужчина сказал: “Сестра” (я все еще носила прическу медсестры, у меня не было другого головного убора) “дома, в Штатах, раньше говорили, что женщины не должны голосовать, потому что они не умеют драться. Держу пари, эти женщины умеют драться.

Офицеры на этой армейской позиции и вокруг нее, очевидно, придерживались того же мнения. Они каждый день приходили на учебное поле, чтобы проверять и критиковать работу, и посылали своих лучших сержантов-строевиков проинструктировать женщин, которые усердно работали и быстро учились. Однажды командующий Десятой армией, чье русское имя слишком сильно врежется в мою память на таком расстоянии, приехал со всем своим штабом, являя собой блестящее зрелище. Командир был явно доволен и пожал руки очень многим женщинам. Он даже приложил все усилия, чтобы пожать руку американке. Однажды Керенский был по соседству, но он не навестил нас. Начальник встретил его в штабе, и он прислал добрые послания, пообещав женщинам, что их отправят на фронт, как только они будут готовы.

Нетерпение этих женщин идти вперед, приступить к действию было постоянным. Они нервничали и ссорились во время частых дождей, которые приковывали их к дому, и были по-настоящему счастливы только тогда, когда случалось что-то, обещавшее ранний подъем. Однажды поступило 250 пар новых ботинок, огромных неуклюжих вещей, которые мне было бы неудобно носить, и на самом деле у всех женщин, которые могли себе это позволить, были ботинки, сшитые на заказ. В другой раз это было появление лагерного кухонного снаряжения специально для батальона. К экипировке были прикреплены четыре хорошие лошади, и деревенские девушки приветствовали их с восторгом, как нечто такое, с чем можно было бы поласкаться.

Женщины тратили много времени на чистку и изучение своего оружия. Казалось, они любили свое огнестрельное оружие, одна девушка всегда называла свою винтовку “моя милая”.

“Как ты можешь любить пистолет?” Я спросил ее.

“Я люблю все, что несет смерть немцам”, - мрачно ответила она. Эта девушка, высокообразованная, хорошо воспитанная молодая женщина, была в Германии, когда началась война. Ее арестовали и обвинили в шпионаже, обвинение, которое, насколько я знаю, могло быть правдой. Оно, конечно, не было доказано, иначе ее бы расстреляли. Однако из-за простого подозрения ее продержали в тюрьме год, и, должно быть, она довольно жестоко страдала. Она с нетерпением ждала предстоящего боя. Однажды я спросил ее, что бы она делала, если бы ее снова взяли в плен. Она вытащила из-под блузки тонкую золотую цепочку, на конце которой была капсула в замшевом мешочке. “Я никогда не попаду в плен”, - сказала она. “Никто из нас не попадет”.

Начиная с четверга погода улучшилась, и полк усердно работал в полевых условиях. Я чувствовал напряжение от заключения в казармах, и когда я не наблюдал за учениями, я совершал долгие прогулки по шоссе, по которому двигалась постоянная процессия войск и фургонов с припасами для лагеря, двигаясь все дальше и дальше, ближе к горизонту, откуда доносилось частое низкое бормотание, похожее на отдаленный гром, но которое было тяжелой артиллерийской стрельбой. Иногда я доходил пешком до маленького поселения, которое, по словам Начальницы, мало чем отличалось от деревни, которая показалась ей такой невыносимой после того, как ее муж покинул ее. Деревня состояла из двух рядов бревенчатых или грубо сколоченных коттеджей вдоль извилистой грязной дороги. Соломенные крыши были покрыты зеленым мхом, и все это место имело заброшенный вид, но вокруг каждого коттеджа был тщательно ухоженный огород со свеклой, капустой, луком, картофелем и подсолнечниками, выращиваемыми на семена, которые в России заменяют жевательную резинку. Часто в рядах с овощами в коттеджах росли маки, яркие цветы придавали блеск мрачному и одинокому пейзажу.

В полудюжине миль по другую сторону железной дороги находилась другая деревня, побольше, такая же унылая, но с церковью, придорожным святилищем, маленькими магазинчиками и другими удобствами. Мой близкий друг адъютант и я однажды поехали туда за припасами. Мы купили шоколад, орехи, сардины и печенье, чтобы скрасить смертельную монотонность наших ежедневных блюд из черного хлеба, супа и каши. Полк закупил кое-какие припасы в маленьких рыночных киосках возле вокзала. Здесь можно было купить масло, сосиски, пахнущие чесноком, рыбные консервы и сомнительного качества яйца. В офицерском магазине по соседству Бочкарева потратила часть денег, пожертвованных в Петрограде, на чай и сахар, когда они были нужны, а также на разновидность белого хлеба или бисквитов. Они были твердыми и по форме напоминали старомодные пончики, с отверстием посередине, через которое продевалась нитка. Один-два ярда этого хлеба прекрасно сочетались с хорошим маслом и горячим ароматным чаем. Что касается питания, то в лагере мне было лучше, чем чуть позже в Петрограде. На станции даже можно было получить довольно хорошую горячую еду, когда мы решали отправиться туда, что мы и делали несколько раз. Но никакое количество хорошей еды не смогло бы надолго порадовать наш полк в лагере. Женщины волновались и требовали объяснений, почему их держат в этой дыре. Начальник уговаривал и ругал их, а Скридлова, которая, несомненно, была самым популярным человеком в лагере, напомнила им,

что на подготовку обычных солдат уходит шесть месяцев и что им особенно выгодно сократить это время.

Эти женщины отправились в бой менее чем после двухмесячной подготовки, как оказалось, вечером девятого дня Начальник вернулся из штаба с приказом выступить на следующее утро в пять. Какой поднялся шум! Приветствия, смех, пение. Можно было подумать, что они направлялись куда угодно, только не на поле боя, где некоторых ждала смерть, а многих - жестокие страдания. Я хотел пойти с ними и настоял бы на этом, если бы знал, что они так скоро вступят в бой. Но приказ был просто выдвигаться для дальнейших учений под артиллерийским огнем. На новой позиции, где не было казарм, а только собачьи палатки, я бы ужасно мешался, как раз столько, чтобы можно было передвигаться. Ничто на свете, кроме сознания того, что я лишу кого-то из этих храбрых женщин комфорта сухой и защищенной постели, не убедило меня покинуть их.

Пять дней спустя в Петрограде я прочитал в депешах, что их послали почти сразу в бой, ведя за собой людей, которые ранее отказывались наступать, и превратив поражение в победу; конечно, небольшую, но в те дни Россия была благодарна даже за небольшие победы. Короткая записка от Скридловой подготовила меня к рассказу о потерях, которые, как я знал, грядут. Она написала по-французски, которым владеет лучше, чем английским: “Возможно, вы уже слышали, что мы были в действии. Я пока не знаю, сколько человек было убито или скончалось от ран, но двое из тех, кого вы хорошо знали, были убиты. Екатерина и Ольга, которых вы помните, получили три Георгиевские медали. Восемнадцать девушек тяжело ранены, среди них Нина.” Нина была девушкой, которая называла свой пистолет “милая” и которая была пленницей в Германии. Скридлова была тяжело контужена в голову, плечи и колени, но она осталась командовать остатками батальона, потому что начальник Бочкарева так сильно пострадала от контузии, что ее пришлось отправить в госпиталь в Петрограде. Она была почти глухой, когда я ее увидел, и у нее сильно болело сердце.

“Это был хороший бой”, - прошептала она, улыбаясь с подушки. “Ни одна женщина не дрогнула, ни одна. Русские солдаты спрятались в небольшом лесу, пока офицеры ругались на них и умоляли наступать. Затем они послали нас вперед, и мы крикнули солдатам, что поведем их, если они только последуют за нами. Некоторые из них сказали, что последуют за нами, и мы побежали вперед, продолжая кричать солдатам. Около двух третей из них пошли с нами, и мы легко обратили немцев в бегство. Мы убили много немцев и взяли почти сотню пленных, в том числе двух офицеров”. В другом госпитале я обнаружил более двадцати бойцов батальона, некоторые были легко, другие серьезно ранены. Самые тяжелые пациенты находились в госпиталях базы, недалеко от фронта, и я больше никогда не видел Нину.

ГЛАВА IX

АМАЗОНКИ НА ТРЕНИРОВКЕ

Если бы первое сражение первых женщин-солдат в мире произошло на американской земле, представьте, что написали бы об этой истории газеты. Особенно если женщины отправились в

бой с целью сплотить деморализованную американскую армию и преуспели в достижении своей цели. И это все, чему "Победоносный батальон" Бочкаревой уделил место в *"Новом времени"*, одной из лучших газет России. После краткого описания боестолкновения на фронте Сморгонь-Крево, в ходе которого были захвачены пленные, оружие и боеприпасы, отчет продолжался: "Женский батальон предпринял контратаку, заменив сбежавших дезертиров. Этот батальон захватил почти сотню пленных, включая двух офицеров. Бочкарева и Скридлова ранены, последняя получила контузии и шок от взрыва крупного снаряда. Батальон понес некоторые потери, но завоевал историческую славу благодаря женскому имени. Лучшие солдаты смотрели с уважением на своих новых боевых товарищей, но их пример не тронул дезертиров, и в этом отношении цель достигнута не была. Мы должны заботиться об этих дорогих войсках и не придавать слишком большого значения подобным новым формированиям".

Если бы пресса России проявила мудрость, тот факт, что некоторые бездельники в армии не были тронуты женской храбростью, был бы менее заметен, чем более важный факт, что это тронуло многих солдат и что таким образом русская армия смогла одержать победу. Вместо того чтобы препятствовать новым формированиям, прессе следовало бы призывать все больше и больше женских полков командовать мужчинами. Они должны были продолжать в том же духе до тех пор, пока люди не будут настолько взволнованы трагедией женщин, разорванных на куски немецкими снарядами и шрапнелью, что они взбунтуются в гневе, захватят свою армию и свое правительство и создадут условия, которые избавили бы женщин от ужасной необходимости сражаться.

Это можно было сделать, люди были готовы к этому. Они почувствовали трагедию. На панихиде по погибшим женщинам, состоявшейся в Казанском соборе в воскресенье после битвы, председательствующий священник сказал: "Это ужасный и в то же время славный час для России. Печально и невыразимо ужасно, что мужчины позволили женщинам умирать на их месте ради нашей несчастной страны. Но всегда будет славно, что русские женщины были готовы и горят желанием сделать это".

После службы солдат-большевик, стоявший перед собором, попытался вызвать симпатии толпы, сделав оскорбительные замечания в адрес погибших женщин. У него не было времени много сказать, прежде чем группа работающих женщин с криками ярости набросилась на него и, я думаю, убила бы его, если бы его друзья не оттащили его.

Из оставшихся в живых, но раненых женщин тридцать были доставлены в больницу недалеко от Николаевского вокзала в Петрограде, и там я их увидел. Когда я вошел в первую больничную палату, раненая девушка села на кровати и, улыбаясь, как солнце, протянула мне немецкую офицерскую каску, свой боевой трофей. Она убила его — это был ее долг — и забрала его шлем, как поступил бы мужчина. Но когда она сказала мне, что Орлова, большая, скучная, добрая, бескорыстная Орлова, всеми любимая, была среди убитых, она не выдержала и заплакала, как заплакала бы любая женщина.

От этой девушки и других я узнал, что Бочкарева говорила чистую правду, когда сказала, что ни одна женщина не дрогнула и не выказала страха. "Я думаю, мы все ожидали смерти", - сказала одна девушка. "Я знаю, что ожидала. Я прочитала молитвы за умирающих, когда одевалась тем

утром. Мы все молились, целовали наши святые изображения и с грустью думали о тех, что остались дома. Но мы не боялись. Мы стояли между двумя маленькими лесочками. Они были полны мужчин, некоторые из которых открыто отказывались идти вперед, некоторые колебались и не совсем понимали, что им следует делать. Мы кричали на них, командир кричал на них, называл их трусами, предателями, всем, что только можно было придумать. Затем командир крикнул: "Вперед, братья, мы пойдем первыми, если вы только последуете за нами".

"Тогда все в порядке", - крикнули кто-то из них в ответ, и мы побежали вперед так быстро, как только могли, вслед за Бочкаревой. Она была замечательной, и Скридлова тоже была замечательной. Мы последовали бы за ними куда угодно".

"Вы действительно взяли в плен сотню немцев?" - Спросил я.

"Я не верю, что мы сделали все это сами", - последовал скромный ответ. "После того, как мы ввязались в драку, мужчины и женщины были бок о бок. Мы сражались вместе и вместе выиграли битву".

Каждая из этих раненых женщин-солдат хотела вернуться на линию фронта. Если борьба и смерть были ценой свободы России, они хотели сражаться и сражаться снова. Если бы они могли сплотить людей, не желающих сражаться, они не хотели ничего на свете, кроме большего количества шансов сделать это. Раны были ничем, смерть - ничем по сравнению с честью или бесчестьем России. Кроме того, и это странный комментарий к "защищенному" положению женщин в жизни, женщины-солдаты сказали, что боевые действия были не самой трудной или неприятной работой, которую они когда-либо выполняли. Они сказали, что это менее тяжело, хотя и немного опаснее, чем работать на уборочном поле или фабрике.

Эту точку зрения я слышал от других русских женщин-солдат, тех, кто воевал в мужских полках. Таких женщин много; я встречался и разговаривал с некоторыми из них. Одна девушка, которую я видел в больнице с пулей в боку и сломанной рукой в гипсе, уверяла меня, что борьба - самое приятное занятие, которым она когда-либо занималась. Эта девушка приехала в Петроград из Риги, чтобы вступить в батальон Бочкаревой, но по какой-то причине ее не приняли. Она встретила молодого морского пехотинца, который рассказал ей о новом Батальоне Смерти, который формировался из остатков нескольких старых полков и нескольких морских пехотинцев. "Почему бы тебе не присоединиться к нам?" спросил он. "У нас уже есть четыре подружки". И она присоединилась.

Мы были одни, если не считать переводчицы, и я воспользовался случаем, чтобы подробно расспросить эту девушку, как обстоят дела с женщинами, вступающими в мужские полки. Относились ли к женщинам с уважением, не говоря уже об этом? Как они справлялись со своими физическими потребностями? Где они принимали ванну и переодевались? Не возражали ли офицеры против их присутствия в казармах? Поначалу, признался мой молодой солдат, мужчины не относились к женщинам с уважением, не оставляли их в покое. Ей пришлось преподавать мужчинам несколько суровых уроков. Но через некоторое время они научились. Они были тактичны в определенных отношениях и позаботились о том, чтобы у девочек было некоторое уединение. Конечно, в лагере теряешь глупую притворную скромность.

Офицеры не возражали против их зачисления, но были склонны относиться к ним с напускным безразличием. Мужчины тоже, по-видимому, предполагали, что девушки не смогут вынести настоящих тягот войны, когда приедут. “Первое, что мы должны были сделать в лагере, это совершить быстрый двенадцатимильный марш. ‘Конечно, девушки не могут идти так далеко пешком, - сказали мужчины, ‘они могут ехать на повозках’. Но мы сказали: “Не так уж много, мы не ездим на повозках”. Мы пришли сюда не для того, чтобы смотреть, как вы что-то делаете. Мы пришли, чтобы стать такими же солдатами, как вы”. Поэтому они сказали: ‘О, очень хорошо! *Харашо!* Марш, если хочешь. И мы пошли. И когда мы вернулись в лагерь, это было так забавно; моряки, знаете ли, не очень привыкли ходить пешком, и эти люди были совершенно измотаны. Они валялись на своих койках, стонали и призывали всех посмотреть на их ноги и волдыри, в то время как мы совсем не чувствовали усталости. Любой из нас за один день прошел такой же путь и так же усердно работал на кухне или в поле. Поэтому мы смеялись над мужчинами и говорили: ‘Вы просто кучка старых женщин. Посмотрите на нас. Мы могли бы повторить все это снова и не жаловаться’. После этого я могу сказать вам, что они не так уж сильно покровительствовали нам”.

Когда полк встал лагерем рядом с окопами и мужчинам выдали армейскую форму, офицеры постановили, что службе девушек в армии должен быть положен конец. Вот-вот должны были начаться настоящие боевые действия, а женщины были никому не нужны. Они могли бы быть санитарками, сказал командир. Поэтому они вернулись к женской одежде и исторической женской работе по уходу за мужчинами. Эта девушка, однако, возражала и в конце концов призналась одному из своих друзей-мужчин, что работа санитарки слишком неприятна, чтобы она могла дольше терпеть. “Почему я должна быть обязана латать раны?” - спросила она. “Это гораздо проще сделать”. Солдат нашел для нее полковое обмундирование, и она вышла и сражалась в строю для перестрелок. Когда командир услышал об этом, он ужасно разозлился и, чтобы напугать ее, поставил ее караулить на открытом посту. “Он думал, что излечит меня от пристрастия к драке,” усмехнулась она, “но я ни капельки не испугалась, и тогда он сказал: ‘Что ж, будь солдатом, если тебе так хочется этого. Нам нужны солдаты’. Итак, я сражался”.

Она описала свое первое и единственное сражение, в котором участвовала в штурме нескольких линий траншей и была одной из тридцати семи выживших из тысячи солдат ее полка, принимавших участие в сражении. По ее словам, в то время ее раны не сильно болели, но у нее было сильное кровотечение, и она подумала, что ей следует обратиться в больницу.

“Как раз в этот момент я увидел нашего капитана, он был тяжело ранен, фактически почти без сознания, и мне пришлось тащить его в тыл на своей спине. Это было все, что я мог сделать, потому что примерно в то же время я почувствовал, что начинаю слабеть и скоро мне придется сесть. Мне удалось дотащить его до первой шеренги бойцов Красного Креста, а потом я ушел под воду. Пуля или осколок попали мне в бок, и какое-то время меня сильно тошнило. Постепенно я почувствовал себя лучше и каким-то образом вернулся в тыл. Первое, что я увидел, был один из наших мужчин, который плакал, обхватив голову руками. ‘Что случилось?’ - Что случилось? - спросил я, и когда он поднял глаза и увидел меня, он закричал. ‘Они сказали, что тебя убили’, - крикнул он. И он начал танцевать на хорнпайпе. Бедняга, он тоже был ранен, и не успел он протанцевать и нескольких шагов, как у него потекла кровь, и он упал в обморок”.

Машины скорой помощи были изрядно набиты, так что это отважное юное создание решило, что сможет пройти пешком три-четыре версты до больницы. Вскоре ей пришлось сдаться, и

капитан другого полка, сам раненый, посадил ее в свою повозку или какой-то другой транспорт, который у него был, и отвез в госпиталь. “Наш капитан был там, ” закончила она, “ совершенно обезумев от боли. Он все время повторял: ‘Не позволяйте этой девушке вернуться на поле. Не позволяйте ей снова драться. Она слишком молода’. Тогда он не знал, что я унесла его на спине и к тому же была ранена”.

Есть очень много женщин, которые побывали в мужских полках начали покидать их и присоединиться к одной или другой из женских авиаполков, которые формировались всей России о том времени. Самый большой из этих полков готовился к действиям в Москве. В этом батальоне, который был сформирован и набран женским комитетом “Общества русских женщин в помощь стране”, насчитывалось около двух тысяч женщин. Среди женщин была мадам Морозова, до войны известная в обществе, но после войны почти полностью занятая благотворительной работой. Она была очень веселым и любящим посмеяться человеком, но она накормила, одела и помогла в пути тысячам беженцев. Временами она превращала свой дом в родильный дом и жертвовала большие суммы денег на помощь женщинам и детям. Наконец, женщины-солдаты обратились к ней как к самой важной работе, требующей помощи, и прошлым летом вся ее энергия была отдана батальону. Княгиня Кропоткина, родственница знаменитого князя Пьера Кропоткина, была еще одним членом общества. У нее был госпиталь Красного Креста, пока не началось дезертирство из армии, а потом она закрыла госпиталь и занялась вербовкой женщин. Мне. Попова, вице-президент общества, - еще один неутомимый работник. В августе она получила согласие Керенского поехать в Томск, свой старый дом, и организовать там батальон.

Московский полк проходил муштру под руководством полковника и полудюжины офицеров помоложе, все они, казалось, безмерно гордились своим командованием. Двадцать отобранных женщин полка ежедневно посещали офицерскую школу и, когда будут готовы, должны были получить чины в регулярной армии.

В Петрограде полк из 1500 женщин был почти готов к отправке в окопы, когда я видел их в последний раз в августе. Ими тоже должны были командовать женщины, два десятка из которых ежедневно посещали военное училище. 20 августа я видел, как эти 1500 женщин вышли маршем из своих барачных в старом Дворце инженеров, чтобы отправиться в лагерь подготовки к отправке на фронт. Этот дворец когда-то был домом безумного императора Павла, сына Екатерины Великой. Он был убит там, и предполагается, что его беспокойный призрак бродит по продуваемым ветром коридорам. Я спросил капитана Ласкова, командира полка, выяснил ли он, что император Павел думал о женщинах-солдатках, и он рассмеялся и пообещал сообщить об этом позже.

Мне сказали, что не предполагалось набирать много женских полков. Намерение состояло в том, чтобы завербовать и обучить до высшей степени боеспособности от десяти до двадцати тысяч женщин и распределить полки по различным линиям фронта, чтобы вдохновлять и стимулировать дезорганизованную армию. Они поведут мужчин в бой, когда это будет необходимо, как вел их храбрый отряд Бочкаревой, и они станут знаком и символом того, что женщины страны не желают, чтобы революция, за которую поколения русских мужчин и женщин отдали жизнь и перенесли в сибирских снегах страдания хуже смерти, закончилась хаосом и национальным распадом.

ГЛАВА X

ВОЗВРАЩАЮЩИЕСЯ ИЗГНАННИКИ —ДВУХ ВИДОВ

В огромной пустой комнате, обставленной рядами узких коек, как в больнице, но без всякой больничной белизны и без обещаний облегчения и восстановления, молодой человек, обложенный подушками, играл на гармошке. Он был бледен, истощен, его юная жизнь подходила к концу. Его глаза были похожи на затаенные огни. Он сел в постели и в перерывах между приступами кашля извлекал на этой гармошке самую чудесную музыку, гораздо более чудесную, чем я когда-либо мечтал, что этот скромный инструмент может воспроизвести. Этот человек был настоящим музыкантом, и у него было много лет практики игры на своей гармошке, потому что она была единственным другом и утешением в одиночном заключении, длившемся почти двенадцать лет. Повсюду вокруг него, в этой пустой комнате, люди лежали в постелях и слушали его. Некоторые, однако, спали. Даже музыка не могла нарушить их утомительный покой. Все были больны. Некоторые были так же близки к смерти, как и музыкант. Сибирь сделала с ними свое дело. Они вернулись домой, чтобы умереть.

На мыльнице или ее эквиваленте на углу Невского проспекта возле Александровского театра стоял другой молодой человек и произносил страстную речь перед толпой солдат, рабочих, работниц и праздных мальчишек, которые остановились послушать. Мужчине было около тридцати лет, и было ясно, что его одежда никогда не покупалась в России. Это была американская одежда хорошего качества и того стильного покроя, который можно купить за двадцать пять долларов почти в любом универмаге. На нем была шляпа-котелок, сдвинутая на затылок, мягкий воротничок и струящийся галстук. Он говорил быстро и много жестикулировал, и толпа с восторженным интересом слушала его речь. Я тоже остановился послушать. “Что он говорит?” Я спросил своего переводчика.

“Мне не хочется тебе говорить”, - ответила она.

Я настаивал, и это почти буквальный перевод того, что сказал этот человек на углу Петроградской улицы августовским днем 1917 года:

“Вы, люди здесь, в России, не хотите совершить ошибку, установив своего рода республику, своего рода фальшивую демократию, подобную той, что у них есть в Соединенных Штатах. Я прожил в Соединенных Штатах десять лет, и поверьте мне, это худшее правительство в мире. У них есть президент, который хуже царя. Полиция хуже казаков. Класс капиталистов там на вершине, точно так же, как они были в старые времена в России. Рабочий класс борется с ними, и они победят. Мы собираемся вышвырнуть капиталистов точно так же, как вы вышвырнули их здесь, и не позволяйте никаким американским капиталистам приезжать сюда и помогать вам создавать правительство, подобное тому, которое у них все еще есть в Америке. Это капиталисты ввергли Америку в войну. Рабочий класс никогда не хотел этого”.

Это два типа изгнанников, которых Россия призвала обратно в свое лоно после революции, оба из которых представляют собой еще одну серьезную проблему, с которой борются рассеянные люди. Больные, которых тысячи, вернулись, и еще больше их прибывает из Сибири в то время,

когда невозможно достать пищу, подходящую для больных. Молока почти не было. Яйца были твердыми и не очень свежими. Еды всех видов с каждым днем становилось все меньше. Была нехватка топлива, которая грозила вынудить всю Россию провести суровую зиму, и что стало с больными, было и остается серьезным вопросом. Существует острая нехватка многих лекарств. Если боевые действия возобновятся, больницы будут переполнены. Врачей и медсестер будет не хватать. И все же изгнанники продолжают возвращаться, длинный поток из отдаленных деревень продолжает протягивать свои жаждущие руки к людям, вернувшимся домой, которые не могут им отказать. И почти все изгнанники возвращаются больными, бездомными и без гроша в кармане. Россия должна позаботиться об освобожденных сибирских изгнанниках, и я не совсем понимаю, как она собирается это делать, если только не произойдет чудо и они не найдут способ восстановить мир и порядок на земле. В этом случае они могут сделать все, что угодно. Они могут иметь дело даже с теми изгнанниками, разговоры о которых я слышал на Невском.

Карлайл говорит, что из всего земного достояния человека, бесспорно, самым дорогим для него являются его символы. Без сомнения, они оказывают на нас самое сильное влияние. Во времена Французской революции знаком и символом старого режима была Бастилия, государственная тюрьма в Париже, которая была живой могилой врагов короля или почти всех, кто стал непопулярен у одного из фаворитов короля. Когда французский народ восстал во всей своей мощи и сверг старый режим, первое, что он сделал, повинаясь общему порыву, было снести и полностью разрушить Бастилию. В России знаком и символом самодержавия была система ссылок, и в частности Сибирь. Первое, что сделал русский народ, когда он восстал и сверг Романовых, это разослал телеграммы во все политические тюрьмы и в каждую каторжную деревню Сибири о том, что заключенные и ссыльные освобождены. Они разослали приказы всем тюремщикам и охранникам снабдить ссыльных одеждой, деньгами и транспортом до железных дорог, а железным дорогам было приказано доставить их обратно в Петроград.

Есть что-то такое, что согревает самую холодную кровь при мысли о том, что, должно быть, значило для этих бедных, покинутых существ, живущих в безнадежной изоляции Сибири, когда однажды февральским днем дверь камеры открылась и они услышали слова: “Вы свободны!” Иногда объявление предварялось словами неслыханного дружелюбия и вежливости от надзирателей и тюремщиков, которые раньше были жестокими надсмотрщиками. “Пожалуйста, простите меня, если я был чрезмерно усерден в выполнении своих обязанностей”, - скажут эти люди, и заключенный подумает, что он сошел с ума и видит сон. Затем раздавалось объявление, невероятное в своем изумлении; революция действительно произошла. Царя больше нет. Заключенный был свободен. Они услышали эту новость в глубинах шахт, где люди работали скованными и потерявшими надежду. Они услышали ее в одиноких деревнях за полярным кругом. Они слышали это в далеких странах, где тоскующие по дому мужчины и женщины трудились на потогонных заводах среди пришельцев. Они были свободны, и Матушка Россия снова звала их домой. Я бы подумал, что они чуть не умерли от радости, узнав эту весть. Ни один великодушный ум не может удивиться тому, что Россия отозвала своих детей, всех до единого, не переставая разбирать хороших и плохих, здоровых и больных, желанных и нежелательных. Или не останавливаясь, чтобы прикинуть, как она собирается позаботиться о них, когда они доберутся туда.

Но очень рано стало очевидно, что Россия столкнется с серьезной проблемой, связанной с возвращением изгнанников. В первые же дни революции они открыли двери всех тюрем в

Петрограде, как и в других городах России, и выпустили всех заключенных. Среди них было несколько политических деятелей, и многие из них сразу же стали публичными обвинениями. У них не было ни денег, ни друзей, ни дома. Революция лишила их, в некоторых случаях, всего этого. В некоторых случаях, когда они были приговорены к длительному тюремному заключению, смерть отнимала у них дома и друзей. Существовал комитет, тайно работавший в интересах политических заключенных, и теперь этот комитет вместе с группой Красного Креста объединились и сформировали общество, которое они называют Политическим Красным Крестом, комитет, отвечающий за вернувшихся изгнанников. Ибо они ясно видели, что то, что произошло в случае с петроградскими заключенными, повторится в больших масштабах, когда вернутся сибирские ссыльные и те, кто прибыл из других стран. В Москве был сформирован еще один комитет. Они возникли в разных городах, сотрудничая с земствами или уездными советами.

Во главе работы стоит Вера Фигнер, одна из самых известных старых революционерок, почти последняя уцелевшая от нигилизма семидесятых годов восемнадцатого века. Говорят, что русским не хватает организаторских способностей, но работа, проделанная этим комитетом под руководством Веры Фигнер, мне кажется, что как только Россия получит правительство, способное управлять, и армию, которая будет сражаться, народ России организует цивилизацию, которая научит Европу новому. Комитет начинал с нуля, даже без оборудования для работы. В России нет такого понятия, как общество благотворительных организаций. Благотворительность и великодушие там носят в основном старомодный характер: "Под покровительством ее императорского высочества княгини Ольги" или "вдовствующей императрицы". Не существовало какого-либо хорошо организованного общества, к которому можно было бы обратиться с просьбой помочь позаботиться о примерно семидесяти пяти тысячах изгнанников, спешащих домой, неизвестное количество из которых были больны, еще неизвестное количество - бедны и бездомны, и все они были чужаками в новой России.

Веру Фигнер я видел в петроградской штаб-квартире общества. Это почтенная женщина, на вид ей меньше шестидесяти, хотя она должна быть старше. У нее красивое лицо с глубокими, горящими глазами революционерки, но улыбка у нее спокойная и добрая. Рядом с ней за длинным столом комитета сидела мадам Дж. Керенская, бывшая жена министра-президента Керенского. Она привлекательная молодая женщина с темными глазами и густыми темными волосами, которая отдает все свое время работе комитета по делам изгнанников. Мне. Горки - еще одна известная женщина, работающая в комитетах, а также князь Кропоткин и его дочь мадам. Лебедевы, чей муж был в правительстве, когда я уходила, тоже постоянные работники. Работа велась через восемь комитетов, один из которых собирал деньги, и очень много денег. Сотни тысяч рублей поступили со всей России, а также из Англии, Америки, Франции. Другой комитет собирает одежду, а ее в России гораздо меньше, чем денег. Комитет по поиску жилья также собирает санатории и больничные койки, где бы они ни находились. Комитет по приему встречает изгнанников и развозит их по разным квартирам. Комитет по оказанию медицинской и юридической помощи занимается своими аспектами работы. По всему Петрограду и Москве они открыли временные приюты и временные больницы для лечения вернувшихся больных и беспомощных. Именно в таком убежище я увидел и услышал человека с гармошкой.

Я приехал, чтобы найти Марию Спирофанову, одну из самых привлекательных и в то же время самых трагических фигур революции 1905-06 годов. Она была Шарлоттой Корде той революции, ибо, как и Шарлотта, она, без помощи какого-либо революционного общества, освободила

свою страну от одного из худших монстров своего времени. Она застрелила полубезумного и совершенно ужасного губернатора Тамбоска. И, как Шарлотта, она заплатила за этот поступок своей жизнью. Она действительно дожила до возвращения в Россию, но ее жизнь после этого была недолгой. Мария Спироконова была на последней стадии туберкулеза, когда ее привезли обратно в Россию. Десять лет одиночного заключения сделали это за нее. Первый смертный приговор, впоследствии замененный двадцатилетним изгнанием, был бы короче и милосерднее. Когда я увидел ее, она лежала в постели, такая изможденная, что казалась ребенком. Лихорадочный румянец на ее щеках придавал ей ложный вид здорового человека, и она выглядела почти такой же красивой, как в тот день, когда стояла на скамье подсудимых и рассказывала судьям, как и почему она убила монстра-губернатора. Теперь ее голос почти пропал, и она поздоровалась со мной хриплым шепотом и спросила, что слышно об одном или двух ее друзьях в Америке. Я мог пробыть у нее всего несколько минут, она была так слаба. Вряд ли возможно, что она все еще жива, хотя никаких известий о ее смерти до меня не доходило.

До последнего вздоха она, должно быть, сохраняла железную волю и негибемый дух. Десять лет в одиночной камере не смогли сломить этот дух, как показывает история ее освобождения. Когда в отдаленную тюрьму, где содержались она и еще девять женщин, пришла первая телеграмма, имена только восьми из них были конкретно упомянуты.

- Но как же мы? - завопили двое забытых.

Начальник тюрьмы, возможно, не совсем верил в успех революции и хотел подстраховаться. - Ты останешься, - сказал он.

“Тогда никто из нас не поедет”, - сказала Мария Спироконова, и все они остались до следующего дня, когда пришла еще одна телеграмма, освобождающая их всех. В том же духе Спироконова отказалась покинуть своих спутников после того, как они добрались до Петрограда. Она была так знаменита, так востребована, что могла бы выбрать один из дюжины гостеприимных домов за городом, в Крыму или в бодрящих горах Кавказа. Но она сказала, что у нее не будет ничего, чего не было у ее бывших товарищей по тюрьме, поэтому Мария Спироконова, дочь генерала, и гармонист, дочь крестьянина, умирают так же, как и жили, революционерами, отвергнув все удобства жизни, всю защиту и защищенность дома, все аплодисменты мира. Они жили и умирали за Россию так же верно, как если бы погибли на поле боя.

К тому же типу относится самая знаменитая изгнанница из всех, Екатерина Брешковская, "Бабушка революции", или "маленькая бабушка". Они привезли бабушку обратно в Петроград в первой же спешке. Они устроили ей на вокзале такой прием, какого никогда не было ни у одной коронованной особы в Европе, отвезли ее в Зимний дворец и сказали, что, когда царь уезжал, он оставил его ей. Бабушка жила в Зимнем дворце, когда бывала в Петрограде, что случалось редко. Большую часть времени она путешествовала по сельской местности России и пыталась донести до своих крестьян понимание того, что означала революция, и что они сделают страну хуже, чем она когда-либо была прежде, если не прекратят борьбу за захват всей земли в поле зрения без какого-либо уважения к праву и справедливости. “Я знаю их”, - сказала она в краткой беседе, которую мы имели с ней во дворце. “Если я только проживу достаточно долго, чтобы догнать их числом, я смогу с ними справиться. Они выслушали кучу чепухи, но я расскажу им лучше”.

Брешковской уже за семьдесят. Она становится очень глухой, а ее вес затрудняет передвижение. Тем не менее, ее ум ясен и энергичен, и когда она произносит речь, ей каким-то образом удается вернуть голос и силу сорокалетней женщины. Спироидонова, Брешковская, Кропоткин, Чайковский и почти все старые революционеры являются горячими приверженцами умеренной программы раннего временного правительства, до того, как большевики столпились вокруг со своим криком “Вся власть Советам!”. Они хотят, чтобы война велась до конца, и они хотят, чтобы в России был восстановлен порядок. Совсем иначе обстоит дело с другим типом ссылки, и я с сожалением должен сказать, что некоторые из этих других видов были сделаны в Соединенных Штатах Америки.

Принц Феликс Юсупов, в чьем дворце на канале Мойка был убит Распутин
, и его жена, великая княгиня Ирина
Александровна, племянница покойного царя.

В лодке, на которой я пересек Атлантику в мае прошлого года, находились трое русских мужчин,
которые провели несколько лет в Америке и возвращались в Петроград. Эти люди не

были изгнанниками, но они сочли жизнь в России невыносимой и уехали в Америку, которая была настолько добра к ним в материальном плане, что они смогли вернуться в Россию в первом салоне океанского лайнера. Все трое были ярко выраженными пацифистами, а один - готовым большевиком. Он был за всю программу, сепаратный мир, никаких аннексий или контрибуций, никакого разделения власти с буржуа, никаких компромиссов ни в чем. Настоящий большевик. И сделано в ист-сайте Нью-Йорка. Этот человек обычно говорил со мной на палубе и в салоне о том, как делегаты солдат и рабочих собираются диктовать союзникам условия мира, и как социальная революция распространится по всему миру, и особенно по всей Америке, а затем он спешил заверить меня, что он далеко не так радикален, как некоторые тавариши, которых я встречал в России, и он не был таким. Когда мы достигли финской границы и остановились в Торнеа для допроса, я имел удовольствие видеть, как все трое этих людей были взяты под стражу какими-то остатками власти, существующими в армии, и доставлены под конвоем в Петроград как люди, уклонившиеся от воинского долга. Мой друг заявил, что ничто и никогда не заставит его надеть форму или сражаться. Только не он. И другие, гораздо менее уверенно, повторили его вызов. Наконец один из них сказал: "В целом, я думаю, что поступлю на службу. Им нужны образованные люди на фронте, чтобы вести с ними мирные переговоры". Таким образом, по крайней мере, один эмиссар кайзера был направлен Соединенными Штатами в бедную, истекающую кровью Россию.

Еще один случай, потому что он типичен для многих. Этот человек был настоящим изгнанником и одиннадцать лет прожил в Чикаго. Родившийся в маленьком городке на западе России, он еще юношей присоединился к тому, что было известно как Бунд, социалистический пропагандистский кружок еврейских юношей и девушек. Родители юноши, тихие, ортодоксальные люди, ничего не знали ни о его деятельности, ни о революционной литературе, хранителем которой он был и которую прятал в мешках с песком, сложенных вокруг коттеджа, чтобы уберечься от зимних холодов. 31 мая 1905 года тавариши, или товарищи, в его городе организовали небольшую демонстрацию против празднования дня рождения царя. На следующий день полиция начала обыскивать дома и производить аресты среди молодежи города, и они нашли книги, спрятанные в мешках с песком. Мальчик сбежал и нашел убежище в соседнем городе. Были собраны деньги, подделан паспорт, и юноша наконец добрался до Англии через Германию. Англия ему не понравилась, и в 1906 году он перебрался в Соединенные Штаты. Соединенные Штаты ему тоже не нравились, и вся его карьера в Чикаго была историей агитации и бунта. Он был одним из основателей социалистической воскресной школы в городке мэра Томпсона, где дети нежного возраста получают основательное образование в соответствии с основными принципами большевизма.

Когда разразилась русская революция и российские консулы по всему миру объявили о возвращении изгнанников в сердце России, этот человек представил себя одним из возвращенцев. Он показал мне справку, выданную российским консульством в Чикаго. В нем говорится, что оно было выдано в соответствии с распоряжениями временного правительства, и записано, что упомянутому... .. была выплачена сумма в размере 157,25 долларов и предоставлен транспорт из Чикаго в Петроград через Тихий океан и Транссибирскую железную дорогу. Во Владивостоке он получил больше денег, а по прибытии в Петроград ему выделили небольшое еженедельное пособие в дополнение к бесплатному жилью. По его словам, он хорошо провел время в пути. На большинстве станций, где останавливался поезд, играл оркестр, толпы людей, цветы и громкие аплодисменты. Было приятно вернуться в Петроград и быть встреченным комитетом. Но привычка ненавидеть правительства настолько укоренилась в

его организме, что уже через неделю он выступал против того, которое оплатило его возвращение, и он яростно выступал против того, которое приютило его и дало бесплатное образование, работу и шанс основать социалистическую воскресную школу с полной безнаказанностью. Он участвовал во всех большевистских мероприятиях, кроме одного. У него не хватило духу сражаться. Дух был готов, но плоть слаба. Дошло до того, что стало трудно быть большевиком с хорошей репутацией и никогда не работать с оружием, поэтому этот изгнанник решил вернуться в Чикаго. Когда я его знал, он ходил по комитетам и различным министерствам, пытаясь убедить их дать ему денег, с которыми он мог бы вернуться.

“Ты же не думаешь, что меня могут призвать в американскую армию?” - с тревогой спросил он меня. “Я русский подданный. Я не понимаю, как они могли бы сделать это легально”.

Я не знаю, сколько таких людей вернулось в Россию из Соединенных Штатов, но их было достаточно, чтобы бросаться в глаза, и русские радикалы считают их гораздо более надежными свидетелями, чем Комиссия Рута, которая произвела удивительно хорошее впечатление на образованных людей, но совсем не на тавариши. “Неужели вы не верите, что Соединенные Штаты ведут эту войну за демократию?” - кричал один оратор с Невского проспекта. “Соединенные Штаты такие же империалисты, как Англия. Вам следует прочитать, что Линкольн Стеффенс и Джон Рид написали о Соединенных Штатах и Мексике”. Эти люди нанесут России весь возможный вред, а затем вернутся в Америку и нанесут нам весь возможный вред. Будь моя воля, они отправились бы с острова Эллис, где все остальные представители их вида все еще оставались здесь, на какой-нибудь остров дьявола в Южных морях и содержались бы там до тех пор, пока не умрут.

ГЛАВА XI

КАК УМЕР РАСПУТИН

Глядя на этих изгнанников, на эти обломки человечества, обреченные на смерть во имя государства, и размышляя о том, что их число было настолько велико, что должны были пройти месяцы, прежде чем их всех смогли найти и вернуть к жизни, неудивительно, что большинство россиян считали самодержавие вещью слишком прочной, чтобы ее можно было поколебать. Но Февральская революция показала, что самодержавие было деревом, прогнившим под корень. От одного прикосновения оно рухнуло.

Российское самодержавие рухнуло, как картонный домик, и за невероятно короткое время вся орда невежественных и реакционных министров, генералов-взяточников, коррумпированных чиновников, придворных паразитов, бродячих монахов, мистиков и гадалок рухнула вместе с ним и была погребена под его руинами. Царь — тростинка, колеблемая ветром. Царица, вдовствующая императрица, бедный маленький царевич, Распутин, Анна Вирубова, его покровительница при дворе — уходят в потоке. Они все ушли. Глубокой ночью группа решительных людей, возглавляемая племянником царя, убила монаха, и почти на следующий день вся банда Протопопова-Штюрмера оказалась в Петропавловской крепости, а семья Романовых была на пути в Сибирь. Распутин, это правда, был убит в декабре, а революция

фактически произошла только в феврале; но два месяца в истории нации - незначительный промежуток времени. История убийства Распутина была опубликована в этой стране, и в своих основных фактах она достоверна. В некоторых важных деталях опубликованные истории ошибочны, и я рад, что могу изложить факты так, как они были изложены самим князем Феликсом Юсуповым, человеком, который произвел выстрел, освободивший Россию.

Князь Юсупов не сообщил мне этих фактов напрямую. Он рассказал их миссис Эммелин Панкхерст, английской суфражистке, с которой его связывают теплые дружеские отношения, и разрешил ей повторить их мне, что она и сделала в течение часа после того, как услышала их. Принц Юсупов пожелал, чтобы я узнал эту историю, но наше знакомство было кратким, и я уверен, что услышал более подробный рассказ от миссис Панкхерст, чем если бы он поговорил непосредственно со мной, сравнительно незнакомым человеком.

Князь Юсупов не убивал Распутина, как было предъявлено обвинение, потому что монах бросал похотливые взгляды на его красивую молодую жену, великую княгиню Ирину Александровну. По крайней мере, он ничего не говорил о ней в связи с этим делом, и совершенно очевидно, что она не принимала в нем активного участия. Она не заманивала монаха во дворец Юсупова в роковую ночь. Она не могла этого сделать, потому что в то время находилась в Крыму. Принц Юсупов убил Распутина из-за дурного влияния этого человека на царя, дядю его жены, и его худшего влияния на царицу. Дело вышло за рамки скандала. Это стало невыносимым, и когда ему были представлены доказательства того, что Распутин пытался повлиять на королевскую чету, чтобы вынудить Россию заключить сепаратный мир с Германией, принц Юсупов решил, что пришло время для смерти Распутина. Распутин должен был умереть. Его пригласили в дом Юсупова, и он согласился. Затем он умер.

Я часто проходил мимо этого большого, красивого желтого дворца на канале Мойка, петроградского городского особняка семьи Юсуповых, и пытался восстановить в памяти ужасную драму, разыгравшуюся там той декабрьской ночью. Снег погребает черный лед канала, окутывает улицу и безмолвные дома, приглушает уличные фонари, а в подвальной комнате, личном убежище хозяина дворца, молодой человек, обливаемый потом из каждой дрожащей поры, наблюдает, как зловещий монах ест и пьет смертельный яд, который действует на него не больше, чем вода. Они скормили одно из отравленных пирожных собаке, как раз перед тем, как отправить их вниз, чтобы скормить Распутину, и собака умерла через несколько секунд. Распутин съел одно и остался жив. Объясните это, кто может, но перестаньте удивляться тому, что русские твердо верят, что Распутин был чем-то большим, чем человек.

Извинившись под каким-то предлогом, принц Юсупов поднялся вверх, где ждали остальные — молодой великий князь Дмитрий и еще двое или трое мужчин, и сообщил им невероятную новость. Когда он вернулся, в кармане у него был револьвер. Они с монахом возобновили разговор, который касался общих тем. Это был первый раз, когда Распутин посетил Юсупова или имел с ним какой-либо конкретный разговор. Принц не был фаворитом при дворе, императрица особенно неодобрительно относилась к некоторым предполагаемым эпизодам из его юношеского прошлого. По этой причине юный принц Феликс и монах были в официальных отношениях, и потребовалось немало дипломатии, чтобы убедить Распутина вообще нанести этот полуночный визит. Они возобновили прерванный разговор, и в ходе него князь пригласил Распутина пересечь комнату и взглянуть на икону, или священное изображение, которое висело на противоположной стене. Эти иконы часто являются редкими предметами искусства,

золотыми или серебряными, инкрустированными драгоценными камнями. Икона, которая должна была стать последней, на которой должен был остановиться взгляд Распутина, была антиквариатом почти бесценной ценности. Он посмотрел, и в следующий момент револьверный выстрел пробил ему бок, и он без стога рухнул на пол. Принц Юсупов застрелил его.

Принц никогда раньше не убивал человека, и было естественно, что, взвинченный после содеянного, он выбежал из комнаты. Он взбежал наверх и, задыхаясь, выкрикнул, что все кончено, то, что они поклялись сделать, сделано, Распутин мертв. Следующим делом было вынести тело из дома, и эта задача оказалась еще более сложной, потому что полицейский, проходивший мимо дома в тот момент, когда прозвучал выстрел, позвонил в дверь и настоял на том, чтобы узнать, что произошло. Каким-то образом его успокоили, и один из мужчин вышел за автомобилем. Принц Юсупов спустился вниз, чтобы охранять тело, пока не приедет машина. Распутин неподвижно лежал на полу под украшенной драгоценными камнями иконой, но когда его убийца добрался до того места, где он лежал, тело монаха приподнялось, длинные руки монаха метнулись вперед, а его мощные ладони потянулись и вцепились в горло Юсупова. Наполовинуобезумев от изумления и ужаса, молодой человек вырвался, оставив один из эполет со своего мундира в цепких руках. Бросившись изо всех сил в комнату наверху, он закричал: “Он еще жив! Он сам дьявол! Мы не можем убить его!”

“Мы должны убить его!” - закричали они в ответ, и вся банда бросилась к лестнице. Когда они открыли дверь, Распутин полз на четвереньках вверх по лестнице. Лицо у него было дьявольское. То, что последовало дальше, читать не очень приятно. Они пытались убить его, подползая к ним, используя все оружие, какое только могли достать — револьверы, шпаги, кинжалы, дубинки, тяжелые стулья, даже свои сапоги. Они стреляли и избивали его до потери сознания, но даже тогда он не умер. Они связали ему руки и ноги и, невзирая на возможный риск обнаружения, погрузили бесчувственное тело в машину, проехали значительное расстояние до Невы и бросили все еще дышащее существо в прорубь во льду. Там умер Распутин.

Вот как рассказывает об этом принц Юсупов. Мир знает, как царь забальзамировал и похоронил тело, и как он и вся королевская семья шли в похоронной процессии. Императрица намеревалась построить над его могилой дорогу гробницу, возможно, церковь. Обычно они строили церковь в память об убийствах членов королевской семьи, и бедная, полубезумная императрица России считала Распутина более великим, чем члены королевской семьи. Возможно, если бы февральская революция не увенчалась успехом, церковь была бы построена, наполнена золотом и ценностями искусства, как те русские церкви, и со временем могла бы стать святыней, в которой суеверные молились бы о чудесах. Но революция действительно увенчалась успехом, и одной из первых вещей, которые они сделали, было выкопать труп Распутина и перезахоронить его. Я слышал несколько рассказов об этих похоронах, все они ужасны. По одной из версий, тело было сожжено. Это не имеет никакого реального значения. Распутина нужно было убить, и он был убит. Похороны были ничем иным, если только вы не найдете что-то символическое в непростом характере этого человека даже после того, как он был мертв. Как ни странно, это указывает на зловещую природу всего эпизода с Распутиным.

После убийства Распутина никаких арестов не последовало, хотя люди, совершившие это, были известны почти с самого начала. Семья Распутина, с которой он жил в Петрограде, знала, куда он отправился в ночь своей смерти, и когда он не вернулся, они позвонили в Царское Село, чтобы спросить, там ли он. Царская семья жила в Александровском дворце в Царском, и Распутин часто навещал их там. Но он не жил при дворе, как, кажется, думают многие. Перепуганная до полусмерти царица послала за петроградским начальником полиции, и немедленно брошенная сеть привлекла полицейского, который слышал револьверный выстрел из желтого дворца на канале Мойка. Начальник полиции лично отправился во дворец Юсупова и обнаружил там полный разгром. Принц Феликс был настолько подавлен событиями прошедшей ночи — на самом деле он еще совсем мальчишка, — что даже не распорядился прибрать здесь. Принц сначала отказался рассказывать что-либо об этом деле и наотрез отказался разглашать имена людей, которые помогли ему совершить это преступление. Но мало-помалу полиция раскопала всю историю, и обезумевшая царица узнала, что по крайней мере двое убийц были королевской крови. Она потребовала их наказания, и царь присоединился к ее требованию.

Будь их воля, они отправили бы всех мужчин на самую дальнюю сибирскую шахту. Но в Царском дворце было собрание клана Романовых, возможно, не одно. Там были все великие князья и вдовствующая императрица. Они сказали королевской паре, что никто не должен пострадать за содеянное. Каким бы ужасным это ни было, когда-нибудь это должно было произойти, потому что убийство было верным концом таких людей, как Распутин. Они прямо сказали императору и императрице, что им повезло, что произошло только одно покушение. В то время никто не знал, что революция близка. Никто из семьи Романовых не верил, что революция когда-нибудь произойдет. Но они знали — все, кроме царя и его супруги, — что в доме Романовых предстояла тщательная уборка, и в глубине души были благодарны за то, что принц Феликс и молодой великий князь Дмитрий набрались смелости приступить к этой работе. Молодого великого князя отправили на Кавказ, а принца Феликса сослали в его поместья. Я не знаю, куда были отправлены меньшие светила, но, конечно, они не были арестованы. Великий князь все еще находится на Кавказе, и временное правительство благоразумно считает, что ему хорошо там, на персидской границе.

Принц Юсупов не только свободен, но и до сих пор является в некотором роде популярным героем. Он очень демократичен, открыто симпатизирует революции, хотя и ненавидит большевиков, которые превратили революцию в бунт. Конституционные демократы и другие консервативные революционеры восхищаются молодым человеком, и есть даже группа, я не знаю, насколько большая, которая хотела бы видеть его конституционным монархом России. Он не Романофф, но его жена. Она молода, на редкость красива и пользуется большим успехом в обществе. Что касается принца Феликса, то он принадлежит если не к королевской семье, то к семье, которая не раз вступала в браки с членами королевской семьи. По отцовской линии он граф Сумароков-Элстон, последнее имя указывает на британское происхождение, настоящий Элстон приехал из Шотландии во времена правления императрицы Екатерины. Он завоевал ее расположение и получил титул и поместья Сумарокова. Отец принца Феликса принял императорским указом титул принца Юсупова после его женитьбы на прекрасной княгине Юсуповой, последней в ее роду, которая таким образом увековечила фамилию. Юсуповы — одна из старейших и богатейших семей в России. Их происхождение уходит корнями в полусказочные времена татарского владычества, а фамилия Юсупов — татарская, а вовсе не русская. Это означает "сын Иосифа". Титул, однако, датируется всего около столетия. Принц

Феликс является главой семьи, его старший брат был убит на дуэли несколько лет назад на французской земле. Ему едва исполнилось тридцать, а выглядит он намного моложе. Вряд ли кто-то примет этого человека в толпе за наемного убийцу. Он высокий, стройный и почти чересчур красивый. С его тонкими чертами лица, темными, меланхоличными глазами и кожей цвета слоновой кости его внешность можно было бы назвать почти женственной. Таких мужчин можно встретить только в очень старых семьях, где энергия начала иссякать. Однако в принце Феликсе еще осталось много энергии. У него оксфордское образование, и он в совершенстве говорит по-английски. Кроме того, он говорит на многих других языках, как полагается высокообразованным русским, но чего они часто не делают. Конечно, обычно говорят на французском.

У меня была долгая беседа с принцем Феликсом Юсуповым в Москве, и большую часть времени мы говорили об американской системе государственных школ. Он хотел знать, что представляет собой система Гэри, и, к счастью, я смог ему рассказать. Когда я описывал школы, где дети проводили свои дни, работая, изучая, играя, получая всестороннее образование и приучаясь думать так же хорошо, как и работать, глаза принца сияли, а его лицо светилось интересом и изумлением. “Это лучшее, о чем я когда-либо слышал”, - воскликнул он. “Это именно то, что мы должны иметь в России”. А затем он задумчиво произнес: “Миссис Дорр, мы с женой хотим что-то сделать для России, что-то действительно стоящее. Я не хочу, чтобы меня вечно помнили только за одно. Я хочу сделать что-то конструктивное. Конечно, при нынешнем положении вещей ничего конструктивного сделать нельзя. Кроме того, моя жена из рода Романовых, и, естественно...” Он сделал паузу, изящно взмахнув рукой. Естественно, в тот момент некий Романофф никак не мог бросаться в глаза. “Но когда придет время, если оно когда-нибудь наступит, когда Россия снова станет нормальной, почему бы мне не внести свой вклад в образование детей?”

“Спасение вашей страны заключается в образовании ее детей, всех их, а не только детей богатых”, - ответил я.

“Я верю в это”, - последовал искренний ответ. “И я хочу помочь создать в России лучшую в мире систему государственных школ. Как я могу это сделать?”

Я рассказал ему, насколько это было в моих силах. И он пообещал мне, что выполнит мои предложения. Принц Феликс Юсупов намерен провести следующий год или два, изучая американскую государственную школу, и особенно систему Гэри. Он не хочет, чтобы его запомнили только по одной причине.

ГЛАВА XII

ВЫСТУПАЕТ АННА ВИРУБОВА

“Пусть любая американская мать вообразит, что ее единственный сын, который появился на свет слабаком и чья жизнь всегда висела на волоске, чудесным образом выздоровел.

Предположим также, что человек, совершивший это чудесное действие, был не врачом, а монахом церкви той матери. Разве не было бы естественно для этой матери всю оставшуюся жизнь относиться к этому мужчине с почти суеверной благодарностью? Разве не было бы также естественно, что она захотела бы держать монаха рядом с собой, по крайней мере, до тех пор, пока ребенок не подрастет, чтобы воспользоваться его советом и помощью в случае возвращения болезни?”

Я слышал историю убийства Распутина, рассказанную одним из главных действующих лиц кровавой трагедии, князем Феликсом Юсуповым, и теперь мне предстояло услышать ее снова, на этот раз от одной из предполагаемых “темных сил”, главой и прикрытием которых был Распутин, Анны Вирубовой, близкого друга и наперсницы императрицы России, которую многие считали главной сообщницей Распутина. Я слышал всевозможные ужасные истории об этой женщине. Говорили, что она была сводницей Распутина. Говорили, что она вступила с ним в сговор, чтобы заставить императрицу поверить, что царевич умрет, если монаха отошлют от двора или если он добровольно уйдет. В тех нескольких случаях, когда он все-таки уезжал, мадам Вирубова, как говорили, кормила ребенка ничтожными дозами яда, так что его тошнило, и когда это случалось, конечно, обезумевшая мать требовала возвращения Распутина.

По мере того, как аппетит монаха к власти рос и он требовал смещения того или иного митрополита или епископа, смещения или назначения министров, пресечения газет, которые доносили на него, царица, по настоянию своей подруги мадам Вирубовой, настаивала на том, чтобы Распутин добился своего. В противном случае он мог бы уйти, и царевич наверняка умер бы. Говорили также, что мадам Вирубова вступила в сговор с придворным врачом с целью отравления царя или, скорее, подсыпать ему в пищу постоянные дозы какого-то ядовитого вещества, чтобы затуманить его разум и таким образом сделать его легкой добычей прогерманских заговорщиков. Они рассказывали самые удивительные истории об этой женщине, представляя ее своего рода комбинацией Лукреции Борджиа и Иезавели.

Григорий Распутин и некоторые из его поклонниц.

Независимо от того, верило временное правительство в эти истории или нет, члены Думы, которые спровоцировали революцию, очевидно, считали Анну Вирубову одной из самых опасных во внутреннем придворном кругу, или камарилье, которая планировала заключение мира с Германией. Ибо, когда царь был вынужден отречься от престола, а все обвиняемые члены камарильи были арестованы и брошены в Петропавловскую крепость, мадам Вирубова также была арестована и отправлена в крепость. Ее подняли с постели больной — в королевской семье была эпидемия кори, — бросили в подземную камеру и продержали там три месяца. К концу этого времени она была в таком обмороке, что тюремный врач порекомендовал перевести ее в больницу. На это временное правительство дало согласие, но когда приказ о ее освобождении был представлен коменданту крепости, и он приказал отпереть дверь ее камеры, дежурные солдаты отказались подчиниться приказу. Прошло несколько дней, прежде чем их убедили отпустить ее. Мадам Вирубову отправили на месяц в больницу, а затем они отпустили ее. То есть, они разрешили ей отправиться в дом ее шурина, который является пасынком великого князя Павла, и жить там под строгим наблюдением. Они обыскали ее дом в Царском Селе и комнаты во дворце. Они подвергли ее всевозможным перекрестным допросам, и не один, а множество раз, и были вынуждены признать, что не смогли обнаружить ни единого компрометирующего обстоятельства или каких-либо доказательств отравления или заговора. Они должны были освободить ее, но ей не разрешалось покидать страну или даже дом ее брата без разрешения, которое, конечно же, не было предоставлено. За ней все время наблюдали, и в любой момент ее могли повторно арестовать и применить к ней третью степень, если бы хоть малейшая улика казалась оправдывающей это.

Анну Виурову считают очень опасной женщиной. Одно из двух: она очень опасна или ее сильно оклеветали. После двух долгих, задушевных бесед она произвела на меня впечатление женщины, абсолютно невиновной в каких-либо правонарушениях. Если она преступница, ее следует посадить в тюрьму пожизненно, потому что ее способности к обману просто изумительны. Мне нравилась Анна Виурова, и я не думаю, что мне могла бы понравиться женщина, способная отравлять маленьких мальчиков или отдавать невинных юных девушек в лапы похотливого монаха.

О том, как я познакомился с этой женщиной, как она пришла поговорить со мной наедине, где я ее видел и когда, сейчас писать не стоит. Их нельзя было опубликовать, не причинив вреда ряду людей, возможно, включая саму мадам Виурову. Я виделся с ней и разговаривал с ней вскоре после ее освобождения из тюремной больницы. Она все еще была немного измучена трудностями и ужасом, пережитыми ею в Петропавловске, и пребывала в глубоком унынии из-за тяжелого положения своей подруги царицы. Она очень красивая женщина, эта предполагаемая Борджиа-Иезавель. У нее густые каштановые волосы, а глаза большие и темно-синие. Черты лица правильные, а рот изгибается, как у ребенка. Два или три года назад поезд, на котором она ехала между Петроградом и Царским Селом, потерпел крушение, некоторые говорят, намеренно. Мадам Виурова была тяжело ранена, у нее были сломаны обе ноги и вывихнут позвоночник. Она была калекой на всю жизнь и ходит с костылем, но, несмотря на это, все ее движения необычайно грациозны. Одна из историй о ней гласит, что она была крестьянской девушкой, которую Распутин привел ко двору и навязал императрице в качестве удобного инструмента заговорщиков. Это совершенно не соответствует действительности. Мадам Виурова - патрицианка по происхождению, и до ее рождения, и задолго до того, как Распутин появился в Царском Селе, ее семья была при дворе. Отец и дед мадам Виуровой были придворными чиновниками, доверенными секретарями императоров своего времени. Оба ее родителя живы, и я встречался с ними обоими. Они высокообразованны и безошибочно воспитаны. Они небогатые люди, но живут в очень красивой квартире в элитном квартале Петрограда.

Уже более десятка лет мадам Virubova жил по условия близкая дружба с царицей. Она не жила при дворе, по крайней мере, до тех пор, пока после убийства Распутина не отправилась во дворец, чтобы быть рядом с испуганной и отчаявшейся императрицей. У нее был собственный дом в Царском Селе, и именно в ее доме императрица познакомилась с монахом, которому суждено было оказать на нее такое зловещее влияние после смерти. Императрице, которая никогда не пользовалась популярностью при дворе и никогда не была там счастлива, нравилось иметь место, куда она могла пойти и сбросить с себя императорский облик, побыть женщиной среди своих близких друзей, беззаботной. Такой приют был мадам. Дома Virubova к меланхолии Александра, жена императора всея Руси. Мне. Муж Виуровой был офицером военно-морского флота, и ходили слухи, что он не одобрял дружбу своей жены с императрицей и еще больше не одобрял людей, которые были приглашены встретиться с ней в его доме. Похоже, Распутин был не единственным из мистиков и шарлатанов, с которыми она встречалась и разговаривала. Императрица была глубоко религиозна и интересовалась всевозможными странными и мистическими доктринами. Муж мадам Дж. Виурова не была такой, и он вполне мог опасаться, что почти любой политический заговор может быть задуман той "маленькой группой серьезных мыслителей", которые собирались в его гостиной и в надушенном будуаре его жены. Они поссорились. Он попал в точку, где они не сделали ничего, кроме ссоры, и в один прекрасный

день мадам Virubova был предоставлен выбор между мужем и подругой. Она выбрала подругу и с тех пор одна жила в доме в Царском Селе. Муж ушел в море, а через год или два умер.

Кое-что из этого мне рассказала мадам Вирубова, а остальное мне рассказал друг мужа. В ее рассказе муж предстает ревнивым, неразумным, со скверным характером человеком, почти сумасшедшим. В рассказе ее подруги он предстает мучеником. “У меня была не очень веселая жизнь”, - сказала Анна Вирубова, говоря о своем замужестве. Она улыбнулась, немного горько. “Возможно, это одна из причин, почему меня, как и императрицу, привлекала религия, почему мы оба любили Распутина и доверяли ему. Мы действительно доверяли ему, и до конца все, что он делал, оправдывало наше доверие. Что касается чувств императрицы к нему, я даю вам торжественное слово чести, что это были исключительно чувства благодарной матери и набожного члена православной церкви”. И тогда она произнесла слова, которыми я открыл эту главу. “Пусть любая американская мать вообразит, что у нее был единственный сын, который появился на свет слабаком, чья жизнь всегда висела на волоске, и что этот ребенок внезапно и чудесным образом выздоровел. Пусть она предположит, что человек, совершивший эту чудесную вещь, был не врачом, а монахом ее собственной церкви. Разве не было бы естественно для этой матери всю оставшуюся жизнь относиться к этому мужчине с почти суеверной благодарностью? Не было бы также естественным, если бы она захотела держать монаха рядом с собой, по крайней мере, до тех пор, пока ребенок не подрастет, чтобы воспользоваться его советом и помощью в случае возвращения болезни? Что ж, это вся правда об императрице и Распутине”.

“Но действительно ли Распутин исцелил царевича и вернул ему здоровье?” - Спросил я.

“Судите сами”, - ответила она. “Возможно, вы знаете, как страстно желали рождения сына и император, и императрица. У них родились четыре девочки, но женщина не может унаследовать российский престол. Был нужен мальчик, и когда он наконец появился, бедный маленький болезненный младенец, императрица была почти в отчаянии. У ребенка было редкое заболевание, которое врачи так и не смогли вылечить. Были поражены кровеносные сосуды, так что пациент истекал кровью при малейшем прикосновении. Даже небольшая рана могла поставить под угрозу его жизнь. Он мог истечь кровью из-за порезанного пальца. В дополнение к этому у мальчика развился туберкулез бедра. Казалось невозможным, что он когда-нибудь доживет до взросления. Он всегда был милым ребенком, красивым, умным и привлекательным. Даже если бы его жизнь зависела не столько от престолонаследия, сколько от него, было бы трудно отказаться. Каждая из его последовательных болезней повергала императрицу в такой ужас и тоску, что она едва не лишилась рассудка. Долгое время она была настолько меланхолична, что ей пришлось жить в уединении под присмотром медсестер. Она боялась не столько убийц. Дело было в том, что ребенок должен был умереть от поразивших его болезней. И, в дополнение ко всем этим ежедневным и ежечасным тревогам и боли, которые она испытывала, бедную императрицу разрывали на части великие князья и все члены придворного круга. У каждого было лекарство или метод лечения, который они хотели применить к ребенку. В воздухе постоянно носились новые врачи, новые методы лечения, новые операции. Императрицу жестоко критиковали за то, что она не перепробовала их все. Вдовствующая императрица...Ну...” Вирубова посмотрела на меня, и мы обе улыбнулись. Шутка со свекровью так же печально забавна во дворце, как и в гарлемской квартире.

“Затем появился Распутин”, - продолжала мадам Вирубова. “И он сказал императрице: ‘Не беспокойтесь о ребенке. Он будет жить, и он поправится. Ему не нужны лекарства, ему нужно столько здоровой жизни на свежем воздухе, сколько может выдержать его состояние. Ему нужно поиграть с собакой и пони. Ему нужны санки. Не позволяйте врачам давать ему ничего, кроме самых мягких лекарств. Ни в коем случае не позволяйте им оперировать. У мальчика скоро заметятся улучшения, и тогда он выздоровеет”.

“ Распутин говорил, что собирается исцелить его? - Спросил я.

“Распутин просто сказал, что мальчик выздоравливает, и он назвал нам почти день и час, когда мальчик начнет выздоравливать. ‘Когда ребенку исполнится двенадцать лет, ’ сказал нам Распутин, ‘ он начнет поправляться. После этого его состояние будет неуклонно улучшаться, и к тому времени, когда он станет мужчиной, у него будет обычное здоровье, как у других мужчин ’. И очень скоро после того, как ему исполнилось двенадцать лет, он действительно начал поправляться. Ему быстро становилось лучше, как и предсказывал Распутин, и уже через несколько месяцев он мог ходить. До этого, когда он уходил, он был в объятиях солдата, который любил его больше собственной жизни и с радостью отдал бы свою жизнь, если бы это могло принести здоровье его принцу. Радость мужчины, когда ребенок действительно начал ходить, начал играть с его собакой и пони, была сравнима только с радостью императрицы. Впервые в своей жизни в России она была счастлива. Вы вините ее, вы вините меня за то, что я был благодарен Распутину? Он ли вылечил его или Бог вылечил его, я знаю не больше вашего. Но Распутин сказал нам, что должно было произойти и когда это должно было произойти. Делайте из этого что хотите”.

Распутин сказал российской императрице, что ее сын начнет поправляться, когда ему исполнится двенадцать лет. Почти любой врач мог бы сказать ей, что вполне вероятно, что его состояние начнет улучшаться, как только наступит подростковый возраст. Известно, что многие детские слабости и даже некоторые очень серьезные конституциональные недостатки постепенно исчезли с того периода. Императрицы и фрейлины обычно не являются медицинскими экспертами, но они могли бы многому научиться из обычного чтения, если бы врачи не просветили их. Но ни Александра, ни Вирубова этого не знали, и когда Распутин бросил им этот гигантский блеф, они ухватились за него. Как гадающий, Распутин был чудом, потому что произошло почти невозможное, и больной маленький царевич оправдал свое предсказание. Вот что я об этом думаю.

Когда царевич повзрослеет, если он когда-нибудь повзрослеет, и прочтет историю последних лет правления своего отца и матери в России, какой предмет для размышлений даст ему весь этот эпизод с Распутиным! Он был пешкой, которую гоняли взад-вперед по шахматной доске, где решались судьбы почти двухсот миллионов россиян, не говоря уже о семье Романовых. Он был приманкой, с помощью которой велась самая крупная игра в современной европейской политике. Он, хитрый монах и две женщины со вкусом к мистической религии.

“Это было началом тесной дружбы между Распутиным и царской семьей”, - продолжила мадам Вирубова. “Но это ни в коем случае не было единственной связью между ними. Что бы кто ни говорил о Распутине, что бы ни было нерегулярного в его личной жизни, что бы он ни делал в плане политических заговоров, я всегда буду верить в то, что он был ясновидящим, у него было второе зрение, и он использовал его, по крайней мере иногда, для добрых и святых целей. Его предсказание о здоровье царевича было только одним примером. Часто и подобострастно он

говорил нам, что произойдет то-то и то-то, и это всегда происходило. Император и императрица консультировались с ним в нескольких кризисных ситуациях в своей жизни, и он всегда говорил им, что они должны делать. В каждом конкретном случае совет был мудрым. Он был удивительно мудрым. Никто, кроме человека, одаренного вторым зрением, не мог знать, как его передать”.

“Был ли Распутин таким плохим, как о нем говорят?” - Спросил я.

“Он не мог быть таким”, - ответила она. “Но он, возможно, был более или менее распущенным. К сожалению, вы находите мужчин, даже в священном сане, которые в определенных отношениях слабы. Я могу ответить положительно только за себя и императрицу. Обвинение в том, что кто-либо из нас когда-либо имел какие-либо личные отношения с Распутиным, было грязной клеветой. Ничего подобного никогда не существовало и не могло существовать. О, ” воскликнула она, и внезапный румянец окрасил ее белые щеки, “ как легко, очень легко говорить подобные вещи о женщине. Никто никогда не требует доказательств. Обвинение и суждение мгновенно соединяются воедино. Да ведь Распутин был всего лишь странствующим монахом, когда мы его встретили. Он был грязным, необразованным, неотесанным. Он научился носить чистую рубашку и сохранять своего рода культурные манеры, когда появлялся при дворе. Кстати, это случалось не очень часто. Я уверен, что императрица виделась с ним не чаще шести или восьми раз в год, а император виделся с ним еще реже”.

“Был ли он немецким агентом? Был ли он частью политической интриги, которая угрожала сепаратному миру для России?”

Анна Вирубова долго молчала. Казалось, она размышляла. Затем она заговорила, и ее глаза были искренними глазами ребенка. “Честно говоря, я не знаю. Конечно, я не верил в это при жизни Распутина, но сейчас — я не знаю. Насколько я знаю, при русском дворе было трудно, очень трудно не быть втянутым в политические интриги. Вы, конечно, знаете, что такое двор”.

“Нет, ” сказал я, “ я ничего не знаю о суде. Расскажи мне, на что это похоже”.

“В английском языке есть только одно слово, чтобы описать это”, - ответила мадам. Вирубова. “Это слово "гнилой". Двор состоит из бесчисленных маленьких группировок, каждая со своими бесконечными сплетнями, шепотом, секретами и заговорами, большими и малыми. Нет ничего слишком большого или слишком маленького, о чем могли бы беспокоиться эти группировки. Они замышляют международные политические перемены, и они замышляют частные убийства. Они замышляют разрушить разум и мораль императора, и они замышляют разрушить дружбу между двумя женщинами. Они замышляют привести эту к власти, и они замышляют привести к падению другую. Они строят козни и в мирное время, и во время войны. Человек, который живет при дворе и не вовлечен в некоторые из этих козней, является исключением из правил. Это все, что я могу сказать. Однако Распутин, как я вам уже говорил, никогда не жил при дворе. Он даже не жил в Петрограде. Большую часть своего времени он провел в Сибири, и он должен был быть в Сибири в день своего убийства. Но у него был дом в Петрограде, где жили его жена и две дочери, пока девочки получали образование. Распутину очень нравились эти девушки, и он навещал их, когда этот Юсупов убил его”. Вирубова обычно говорила о принце Феликсе Юсупове как о “том Юсуповском мальчике”.

ГЛАВА XIII

БОЛЬШЕ ЛИСТЬЕВ В ТЕКУЩЕМ ГОДУ

Ровным, бесстрастным голосом Анна Вирубова продолжила рассказывать мне историю убийства во дворце Юсуповых, какой она предстала перед почитателями убитого в Царском Селе.

“Мы знали, что определенные люди замыслили убийство Распутина. Как вам, возможно, известно, на его жизнь покушались по меньшей мере три раза. Но нам никогда не приходило в голову, что принц Юсупов участвовал в заговоре. Он не был фаворитом императрицы, которая считала его очень распутным молодым человеком. Тем не менее, он время от времени бывал в Царском, потому что его жена, очаровательная девушка, часто приезжала, и иногда он приезжал с ней. В один из своих последних визитов он видел императрицу. Я был в комнате и слышал, как он совершенно случайно сказал, что пригласил Распутина прийти к нему домой. “Моя жена хочет с ним познакомиться”, - сказал он.

“Мы больше не думали об этом, но на следующее утро после того, как произошло это ужасное событие, одна из дочерей Распутина позвонила мне по телефону и спросила, знаю ли я, где ее отец, и если нет, то не мог бы я позвонить во дворец и узнать, там ли он. Какая-то интуиция, казалось, подсказывала мне, что произошло что-то ужасно неправильное.

Стараясь, чтобы мой голос не дрожал, я спросил девушку, когда ее отец ушел из дома и с кем. ‘Он ушел около полуночи’, - ответила она. ‘Я не знаю, чья это была машина, которая приехала за ним, но он сказал нам, что собирается навестить князя Юсупова’. Я не звонил во дворец, чтобы спросить о Распутине. Я отправилась туда так быстро, как только могла, и сообщила императрице свои новости. ‘Он поехал повидаться с Феликсом?’ - воскликнула она. ‘Зачем ему было ехать туда сейчас, когда Ирина в Крыму?’ Мы посмотрели друг на друга, и в ее глазах отразился тот же ужасный страх, который скопился в моем сердце. ‘Немедленно пошлите за начальником полиции’, - сказала императрица. ‘Скажи ему, чтобы он приехал как можно быстрее. Для меня это слишком ужасно, чтобы рассказывать тебе. Полиция обнаружила дом Юсуповых в самом ужасном состоянии, весь в крови и — тьфу!’ - воскликнула она. - Мне было больно слышать, как они это описывают, и мне становится дурно при одном воспоминании об этом.” Через мгновение она продолжила с неподдельным чувством в голосе. “Отследить это было нетрудно. Сын Юсупова сначала все отрицал, выдумал глупую историю о собаке, которую пришлось убить”.

Когда Мадам. Сказал Virubova этого я, признаюсь, вздрогнул. Было очевидно, что она не уловила тонкости этой “глупой истории о собаке, которую пришлось убить”.

“Пока принц Феликс все еще настаивал на том, что никакого преступления совершено не было, полиция обнаружила дыру во льду, а вокруг нее, на снегу, множество пятен крови. А потом они нашли несчастный труп. Они убили его, сначала застрелив, а затем применив все ужасные средства, которые были в их власти. Он был убит выстрелами в голову и в тело, раздавленный и искалеченный почти до неузнаваемости. Поперек его живота была одна ужасная, рваная рана, которая, как сказали нам врачи, могла быть нанесена только шпорой. Когда его избили до

беспомощности, эти люди связали его метрами веревки и бросили в реку, чтобы он утонул. Должно быть, в конце концов он пришел в сознание, потому что он частично высвободил одну руку, и по его руке мы поняли, что он пытался осенить себя крестным знамением. Юсупов настаивал на своем отрицании до тех пор, пока великий князь Михаил и его сын не приехали во дворец и не сказали царю, что все они более или менее согласны с этим, и что это было благое дело. Хорошая вещь - убить и искалечить беззащитного человека! Ну, вы спросили меня, на что похож суд.

“Во дворце было потрясающее время. Император был в ужасе, а императрица, я думаю, была ближе к безумию, в котором они ее обвиняли, чем когда-либо прежде. Они потребовали назвать имена всех мужчин и женщин, связанных с заговором, и пообещали, что каждый из них предстанет перед строжайшим судом. Но, в конце концов, какой властью они обладают? Великие князья и вся семья как один выступили против императора и императрицы. Они заявили, что никто не должен понести наказания за это чудовищное преступление. Я не могу рассказать вам всего, что они говорили и делали, потому что это было бы разоблачительной конфиденциальной информацией. Но они держали достаточно сильную дубинку над бедным императором, когда угрожали покинуть его в смутное и неопределенное время. Он был абсолютно вынужден согласиться с тем, что только главные заговорщики должны быть сосланы в свои поместья, а остальные должны остаться безнаказанными. Позже, когда мы вообще смогли поговорить об этом, ”мадам Дж. Вирубова продолжила: “Я напомнила императрице, что за день до убийства Распутина Юсупов позвонил мне и попросил устроить ему встречу с императрицей. Она отказалась встретиться с ним, и мы оба считаем, что, если бы она приняла его, он убил бы ее, а затем, весьма вероятно, и меня. Мы убеждены, что был подготовлен грандиозный заговор с целью убийства. Но доказательств нет.

Таким образом, убийство Распутина выглядит наоборот. Принц Феликс Юсупов не казался мне заядлым убийцей, но, с другой стороны, и Анна Вирубова не была похожа на заговорщицу с ядом. Очевидно, нужно привыкнуть к атмосфере суда, чтобы судить о таких вещах. Я никого не осуждаю в этой ужасной драме. Я оставляю это истории.

Я спросил мадам Вирубову, почему придворные группировки составили заговор против императрицы. “Это было неизбежно”, - ответила она. “Императрица приехала туда чужой, бедной, красивой, болезненно застенчивой молодой девушкой. Она не знала, как польстить или завоевать расположение. Она была прилежной и преданной своему мужу и детям. Они нуждались в ее преданности — о, гораздо больше, чем обычная семья нуждается в преданности матери. Я полагаю, вы слышали о некоторых чудовищных наветах, которые распространялись об императрице. Одна из них гласила, что она поощряла слабость императора к алкоголю, потому что хотела держать его в замешательстве, а самой быть настоящей правительницей России. Верно с точностью до наоборот. Бедный Император иногда действительно слишком много пил, но это была не ее вина. При том дворе были и другие люди, которые были жизненно заинтересованы в том, чтобы поддерживать своего императора в смятенном состоянии духа, и они постоянно играли на его слабости. Его жена отчаянно боролась за него, делала все, что было в ее силах, чтобы спасти его от этих мужчин.

“В другой клевете говорилось, что императрица пыталась онемечить двор и что она заставляла своих детей говорить с ней по-немецки. Дети почти никогда не говорили ни слова по-немецки ни с ней, ни с кем-либо еще. Конечно, их учили немецкому наряду с другими языками, но

английский и русский были единственными языками, на которых говорили в семейном кругу. Императрица стремилась к тому, чтобы все ее дети были хорошими лингвистами, но не все из них были одарены таким образом. Татьяна, вторая дочь, например, заявила, что никогда не сможет вести беседу по-французски, самому легкому из всех иностранных языков. Но все они говорили по-английски с пеленок.

“Что касается интриг императрицы с целью заключения сепаратного мира с Германией”, то здесь мадам. Голос Вирубовой дрожал от негодования: “Это была величайшая бессмыслица и самая гнусная клевета из всех. С начала войны и до февральской революции прошлого года императрица неустанно работала на благо русских солдат и их семей. Она честно жила в госпиталях Царского Села. Каждое утро сразу после завтрака она начинала свой обход, одетая в простое хлопчатобумажное платье медсестры Красного Креста. Для нее не было слишком скромных обязанностей, не было слишком трудной задачи. Она стояла рядом с хирургами в операционной, наблюдая за самыми ужасными ампутациями. Она сидела рядом со страдающими и умирающими в их постелях. “Стань рядом со мной, царица”, - кричал ей бедняга в своей тоске и страдании, и она брала его за грубую руку и успокаивала его, молилась за него, чтобы он вынес это ради России. Они любили ее тогда, эти мужчины, хотя потом отвернулись от нее. Мы обычно обедали дома на машине, а потом ездили в другие больницы. Домой мы возвращались только в 5 часов, а потом императрица всегда посылала за своими детьми. Скажите, пожалуйста, сколько у нее было времени на немецкие интриги?”

“В домашней жизни царской семьи был счастливым и гармоничным выше все, что я когда-либо видел”, интерполированное мадам. Virubova. “Царь боготворил свою жену, а дети боготворили их обоих. Вы бы поверили, что некоторые из этих придворных паразитов пытались разрушить этот счастливый дом? Однажды, когда император находился в Ливадии, в Крыму, кто-то каждый день присылал большую корзину цветов, которые ставили на его письменный стол. К корзине была прикреплена моя открытка. Они думали, что смогут заставить императрицу поверить, что я веду интригу с императором. На самом деле, императрица напрямую спросила меня, посылала ли я цветы. Я не слышал об этом ни слова раньше, и если бы она просто отослала меня, я бы никогда не узнал причину. Против меня постоянно строили заговоры. Почему? Потому что императрица любила меня и доверяла мне, и я бы умер за нее, и они все это знали. Они не одобряли нашу дружбу. Им было неприятно видеть, как мы часами сидим вместе над нашими книгами. Мы много читаем. Возможно, вам будет интересно узнать, что мы читаем много американских книг”.

“Какие американские книги читала императрица? - Спросила я.

- Мы, конечно, читали книгу миссис Эдди и полное собрание сочинений великого американского писателя Миллера.

“Миллер? Я перебил. - Какой Миллер?”

“Я не помню его имени”, - сказала мадам. Вирубова. “Но вы должны знать, кого я имею в виду. Он написал много религиозных и философских работ. Императрица их очень любила.

Я был вынужден признаться, что никогда не слышал о Миллере, и мадам. Вирубова выглядела удивленной.

“Еще одна причина, по которой императрица и, конечно же, я были непопулярны, заключалась в том, что дети проводили с нами так много времени. Императрица просто не позволила бы им общаться с сыновьями и дочерьми знати. Она хотела, чтобы они были милыми, чистоплотными и хорошими людьми, и она знала, что очень немногие дети из высшего общества в России были для них подходящими товарищами. Дочери нашей знати в большинстве своем легкомысленные, эгоистичные, пустоголовые девушки, а что касается сыновей, то они слишком часто распутничают в раннем детстве. Вы можете себе представить, что плохое мнение императрицы о них и ее отказ позволить своим детям познакомиться с ними вызвали сильное негодование. Знаешь, люди всегда считают своих собственных детей идеальными.

Бывшая императрица России - одна из загадок истории. Мне. Вирубова, которая знала ее лучше, чем почти любую другую живущую женщину, делает из нее религиозную приверженку и в чем-то пуританку. Она не раскрывает ее как интеллектуальную женщину, несмотря на ее любовь к книгам. По-настоящему умная женщина в ее положении не проводила бы так много времени в больничных палатах маленького городка Царское Село. Она бы использовала свои мозги, свое огромное богатство и почти неограниченную власть, чтобы организовать работу госпиталей по всей зоне боевых действий. Я видел некоторые из этих больниц, и хотя некоторые из них современны и хорошо оборудованы, многие из них соответствуют самому грубому описанию. Я никогда не видел такой вещи, как противомоскитная сетка, ни в одной российской больнице. Мухи, похоже, считаются безобидными домашними питомцами даже в инфекционных больницах России.

Императрица могла быть, а могла и не быть немецкой заговорщицей. Я слышал, как высокопоставленные лица говорили, что самые тщательные поиски во всех дворцовых архивах после революции не привели к обнаружению каких-либо свидетельств на этот счет. Однако практически все в России считают, что она была предательницей своей страны во время войны. Те, кто благосклонно относится к ней, говорят, что она была меланхоличной, безумной, безответственной и слабым орудием в руках врагов России. Но когда дни революции обрушились на Царскосельский дворец и ночь вечного вымирания начала опускаться на царский дом Романовых, именно эта женщина, императрица России, единственная проявила силу духа и характера. Она единственная из всего двора сохранила рассудок и хладнокровие, и сохраняла их до последнего.

Много говорилось о влиянии Александры на слабого и податливого императора. Говорят, что императрица, когда аргументы не могли его тронуть, впадала в истерические припадки, которые неизменно приносили результаты. Но это может быть всего лишь сплетней. Влияние Александры на своего мужа было, вероятно, таким же сильным, как у среднестатистической жены, но разве это не немного любопытно, что, хотя немногие страны разрешают женщинам наследовать трон и не все страны разрешают женщинам голосовать, когда что-то случается с династией, они всегда обнаруживают, что королева была единственным членом семьи, у которого были хоть какие-то мозги или сила характера? Беды всего дома Бурбонов были приписаны Марии-Антуанетте, а падение третьей империи и дома Бонапартов было вызвано пагубным влиянием Жозефины.

Распутин - еще одно действующее лицо драмы, судить о котором придется историкам. Я твердо верю, что Распутину как темную силу сильно переоценили. Я не сомневаюсь, что он был злым, лживым, замышляющим заговоры существом, чувственным монстром, самозванцем и

всеобщим сбродом. Кажется, это решено. Но я не могу найти много доказательств того, что он был чем-то большим, чем инструментом немецких заговорщиков, кем бы они ни были. Он пользовался большим влиянием, но мне кажется, что почти все, что он делал, было продиктовано личной злобой. Он потребовал подавления газеты, которая нападала на него, отстранения от должности священника, который оскорбил его. Его основная деятельность была направлена против мужчин в православной церкви. Здесь он был почти таким же ядовитым, как гремучая змея. Малоизвестный монах, он испытывал гордость и радость от того, что смирял епископа, лишал сана священника, влиял на назначения.

У Распутина был мелкий, подлый ум, а его эгоизм был колоссальным. Конечно, придворные дурочки, которые льстили ему и подчинялись, а может быть, и хуже, поощряли этот эгоизм до тех пор, пока он не достиг предела инфляции. Но Распутин, я верю, останется в истории скорее как скандал, чем как угроза России. Он также был угрозой, потому что плохой, слабый человек часто представляет даже большую угрозу, чем плохой, сильный. Слабак почти наверняка рано или поздно попадет в руки заговорщиков и преступников, и под их направляющей властью он становится таким же опасным, как бешеное животное.

ГЛАВА XIV

КОНЧИНА РОМАНОВЫХ

- Спросил я мадам . Вирубова попросила рассказать мне, что произошло во дворце во время революции и как королевская семья восприняла известие о ее свержении.

“Я могу рассказать вам только то, что знаю лично, - ответила она, - и я была очень больна и лежала в постели, когда это случилось. Все дети переболели корью, и, помогая императрице ухаживать за ними, я тоже заболела. Императрица была ангелом. Она переходила из одной комнаты в другую, заботясь о нас, прислуживая нам, в то время как все это время тревога, должно быть, жестоко терзала струны ее сердца. Раз или два она что-то говорила мне о беспорядках в Петрограде, о голодных бунтах.

“Нехватка продовольствия не давала покоя императрице в течение многих месяцев, и один из последних разговоров, которые она когда-либо вела с Распутиным, был на эту тему. Зима 1916 года наступила рано, и снега были такими глубокими, что перевозка всевозможных вещей, включая продовольствие, была сильно затруднена. Я помню, что императрица сказала Распутину, что в тот год, казалось, сама природа устроила заговор против бедной России.

“Беспорядки в Петрограде усилились, и даже в своей постели я слышал их отголоски по дворцу. Я слышал выстрелы и ужасные крики. Я попыталась встать с постели, но императрица успокоила меня. “Это плохо, конечно, - сказала она, - но скоро пройдет. Бедные люди сходят с ума от голода. Им дадут еды, и тогда все это закончится.’ Вскоре дворцовая стража, полки, дежурившие в Царском Селе, начали проявлять признаки деморализации. Они боялись за свои собственные жизни, и неудивительно, что так оно и было. Императрица часто выходила на улицу в холод и снег глубокой ночью и разговаривала с мужчинами, успокаивала их. ‘Ничего не

случится', - говорила она им. Если бы не она, я думаю, последний мужчина бросил бы оружие и сбежал. Только ее воля и решимость удерживали их на своих постах ”.

“ Как вы думаете, императрица действительно верила, что это был бунт, а не революция? - Спросил я. Эта женщина рассказывала мне историю, историю, которая будет жить в библиотеках тысячу лет после того, как мы двое и все мы превратимся в прах. Я хотел знать точную правду.

“Я уверена, что она это сделала”, - сказала мадам. Вирубова. “Если бы ей приснилось, что это революция, она бы раньше послала за императором, который, как вы знаете, был на фронте со своей армией. Она была одна, и она столкнулась с бедой в одиночку, но если бы она знала весь масштаб беды, она бы хотела, чтобы император был там, где он был бы в большей безопасности, чем там, среди этой банды убийц. Она не знала, что в России революция, и поначалу не поверила, когда ей сказали, что армия перешла на сторону революционеров. Офицеры охраны сказали ей об этом, но она просто покачала головой. Наконец, великий князь Павел примчался в Царское на своем мощнейшем автомобиле. Он убедил ее, что это правда. Даже тогда ее стальные нервы выдержали. ‘ Пошлите за императором, ’ сказала она спокойно и сурово. ‘Я возвращаюсь к своим больным детям’. И она ушла”.

Железные нервы, проявленные императрицей России, когда она узнала, что на дом Романовых обрушилась величайшая катастрофа, резко контрастировали с эмоциями, охватившими свергнутого императора по его возвращении в Царское Село. Во время своего отречения, находясь недалеко от армейского фронта, он вел себя с достоинством и самообладанием. Он с презрением отверг шепотом высказанное одним генералом предложение сбежать в одном из мощных автомобилей, которые всегда сопровождали императорский поезд. Если народ хотел, чтобы он отрекся от престола, он был готов это сделать, а также предоставить себя в их распоряжение. Николай также показал себя хорошим русским и, если верить сообщениям, не был орудием прогерманской партии. Говорят, когда пришло известие о том, что армия перешла на сторону революции, кто-то из приближенных императора сказал ему, что есть один отчаянный способ предотвратить катастрофу. Он мог открыть Двинскому фронт, впустить врага и, таким образом, пожертвовав своей страной, спасти свою династию. Николай отказался даже думать о таком преступлении. В свое время он совершил много грехов жестокости и еще больше грехов глупости. Но в конце концов он не показал себя предателем. По замыслу Керенского и других членов временного правительства, его возвращение в Царское Село должно было соответствовать его прежнему званию, и были отданы приказы относиться к нему со всем уважением. Эти приказы, если мадам. Следует полагать, Вирубова была проигнорирована солдатами, стоявшими на страже Александровского дворца, дома царской семьи.

В моем последнем разговоре с мадам Вирубовой. Она с глубоким чувством говорила о шумном приеме, оказанном вернувшемуся Николаю. “Они выпустили табачный дым ему в лицо, скоты!” - сказала она. “Солдат схватил его за руку и потянул в одну сторону, в то время как другие схватили его с другой стороны и потащили в противоположном направлении. Они насмехались над ним и смеялись над его гневом и болью. Когда он наконец остался наедине со своей семьей и близкими друзьями, он не смог сдержать своего горя и безудержно разрыдался. Если уж на то пошло, мы все плакали: мы, кто любил его”.

К чести Керенского и министров следует отметить, что они никогда не согласились бы ни на одно предложение бросить Николая в темницу или иным образом жестоко обращаться с ним.

Пока семья оставалась в Царском Селе, а это было до 1 августа по русскому стилю и 13 августа по западному календарю, она жила своим обычным порядком. Большинство слуг оставались на своих постах, и хотя никому из членов семьи не разрешалось покидать территорию дворца ни под каким предлогом, ни сам дворец, кроме как в сопровождении вооруженной охраны, они могли свободно находиться в своем доме и в обществе нескольких друзей. Им не разрешалось звонить по телефону, и все приходившие к ним письма должны были сначала быть прочитаны офицером, командующим гвардией. Вирубова рассказала мне, что, несмотря на благие намерения Керенского, свергнутые члены королевской семьи подверглись ряду мелких неприятностей, которые, должно быть, вызвали у них все то негодование и унижение, на которые рассчитывали их мучители. Электрический свет иногда выключали рано вечером, оставляя дворец в темноте. Бывали дни, когда отключали воду и семья была лишена купальных принадлежностей. Солдаты, стоявшие на страже, нередко бывали грубыми и невежливыми и открыто ликовали в присутствии своих пленников.

Керенский не может нести ответственность за эти вещи, но он был ответственен за лишение бывшей императрицы общества ее самой близкой подруги, мадам Вирубовой. Вирубова. Я уже рассказывал, как ее арестовали, когда она все еще страдала от последствий кори, и бросили в камеру в Петропавловске. В камере было сыро и антисанитарно, и больная женщина испытывала крайние страдания все время, пока находилась там. Постоянно окруженная солдатами, которые наблюдали за ней днем и ночью, она никогда не оставалась одна даже на то, чтобы одеться или принять ванну. Как я уже говорил, она хромает, и однажды она упала на скользкий пол своей камеры и долгое время не могла подняться. Солдаты на страже отказались помочь ей, а просто стояли и смеялись над ее попытками добраться до кровати. “Дважды за месяцы моего заключения моей матери разрешали навестить меня”, - сказала она мне. “Но мне разрешили поговорить с ней только в присутствии охраны и через широкий стол в кабинете губернатора”.

Подруга мадам. Вирубова рассказала мне еще более ужасную историю о ее заключении. Несколько раз ее отца навещали солдаты из Петропавловска-Камчатского и заставляли платить большие суммы денег, чтобы обезопасить свою дочь от самых ужасных унижений со стороны людей, которые ее охраняли. Он заплатил этому шантажисту. Он должен был. В России не было власти, к которой можно было бы апеллировать, и сам Керенский не смог бы предотвратить убийство или надругательство над этой хромой и беспомощной женщиной в Петропавловской крепости. Она избежала последнего оскорбления, которое мужчины способны нанести женщинам, и правительство, после тщетных попыток повесить на нее преступление государственной измены, освободило Анну Вирубову под наблюдением военных. Но они не удовлетворили просьбу императрицы отправить ее подругу обратно в Царское Село.

После того, как прошел первый шок ошеломления, королевская семья, которая никогда не верила, что ее могут свергнуть, восстановила самообладание и приняла свою судьбу со спокойной покорностью. Император стал наставником своего обожаемого сына, а императрица - постоянной спутницей своих дочерей. Когда пришла весна, вся семья отправилась разбивать сад. Сотни солдат в Царском и тысячи людей из Петрограда совершили паломничество на территорию дворца и наблюдали через высокую железную ограду, как бывший царь копает землю, а бывший наследник и его сестры сажают и окучивают картофель. Бывшая императрица, передвигавшаяся в кресле на колесиках или низкой коляске, запряженной пони, поскольку отличалась слабым здоровьем, обычно смотрела на происходящее с улыбкой.

Конечно, товарищи, или, по крайней мере, экстремисты в Совете делегатов солдат и рабочих, были возмущены уважительным и внимательным отношением к пленным членам королевской семьи. Они постоянно требовали, чтобы императора и императрицу поместили в какую-нибудь темницу в Кронштадте или Петропавловске. Время от времени газеты публиковали резолюцию на этот счет, принятую комитетом совета в Петрограде или Царском, или в более отдаленном городе. Депеша из Гельсингфорса гласила, что экипажи трех военных кораблей, стоящих неподалеку, приняли пламенные резолюции, требующие, чтобы царь был передан на милость негодяев в Кронштадте. Экипаж крейсера *Gangoute* официально заявил: “Это уже третий раз, когда мы выражаем нашу волю в этом вопросе, и мы не мелочились. Это наше последнее решение. В следующий раз мы применим силу”.

Правительство, однако, проигнорировало все эти резолюции и бормотало угрозы. Однако вполне возможно, что окончательное решение отправить Николая и его жену в сибирскую ссылку было принято в результате давления со стороны советов. Керенский, возможно, опасался кровавой трагедии в Царском Селе, и, возможно, у него были причины бояться этого. Как бы то ни было, где-то в июле временное правительство решило перевезти семью в одно из самых отдаленных мест империи - Тобольск в Восточной Сибири. Правительство держало это решение в абсолютном секрете, насколько это касалось свергнутого императора, а также широкой общественности. За несколько дней до передачи один из советов, я думаю, в Царском, провел бурное собрание, на котором было выражено большое возмущение легкостью и комфортом, в которых жила некогда царская семья. “Мы едим черный хлеб, они - белый”, - жаловался один пылкий оратор. “Мы пьем холодную воду, а Николас - вино. Моя жена гуляет, а он едет в экипаже. Где в этом справедливость?”

Не звучит ли это как намеренный плагиат одной из речей, произнесенных против разрешения Людовику шестнадцатому остаться в Тюильри? Многое изменилось со времен Французской революции, но часть человеческой натуры остается такой же мелкой и подлой, как всегда.

Только когда семья Романовых была уже на пути в Сибирь, о переводе упомянули в газетах. Конечно, многие знали об этом, и новость передавалась из уст в уста в столице через несколько часов после того, как специальный поезд покинул Царское Село. В газетах от 3 (16 по старому стилю) августа была опубликована тщательно отобранная цензурой история отъезда. Полная история, насколько я ее знаю, показывает, что за три недели до этого гарнизон в Царском знал или подозревал, что с пленными вот-вот что-то случится. За два дня до этого события Керенский лично отправился в гарнизон и попросил солдат выбрать из своих рядов эскадрон самых надежных людей. Они были необходимы, объяснил он, для выполнения миссии огромной важности. Было отобрано триста восемьдесят четыре человека, восемь из сорока восьми полковых групп. 31 июля (12 августа) в полночь Керенский появился в казарме, созвал отобранных людей и сказал им, что их миссия состоит в том, чтобы сопроводить человека, который был их императором и самодержцем, в ссылку в далекую Сибирь.

Королевская семья знала о своей судьбе еще до этого времени, но когда именно им сообщили об этом, не разглашается. Керенский сказал им, и я уверен, что он сделал это мягко и вежливо. Но он отказал им во всякой информации относительно того, куда они направляются. 30 июля (11 августа) духовник семьи провел богослужение для тех, кто собирается отправиться в дальний путь. Затем они принялись за работу по упаковке сундуков и выбору одежды, безделушек, мехов, личных вещей, книг, икон, ковров и других необходимых вещей, которые скрасили бы

изгнание и сохранили бы их в память о других днях. Говорят, что ни Николай, ни Александра не спали в ночь перед отъездом, а бродили из комнаты в комнату, держась за руки, молча и печально прощаясь со своим любимым домом. Многие другие жители Царского Села не спали в ту ночь. Гарнизон был дико возбужден, и улицы живописного маленького городка были полны людей. В 3 часа ночи на территорию дворца въехали автофургоны, и те, кто находился достаточно близко к воротам, могли видеть, что фургоны загружают сундуками и коробками. В 6 часов длинный поезд медленно въехал задним ходом на станцию Царское Село, станция была окружена солдатами, и войска с заряженными винтовками вышли маршем и выстроились по обе стороны дороги от дворца до станции, у каждого солдата за поясом было по шестьдесят патронов.

Те, кто видел отъезд, конечно, различаются в незначительных деталях, потому что двое людей никогда не видят одно и то же событие совершенно одинаково. Особенно важное событие, о котором мы хотели бы знать все подробности. Но все наблюдатели сходятся во мнении, что Николай вышел из дворца и сел в ожидающий автомобиль со спокойной манерой человека, собирающегося совершить увеселительную прогулку. Александра сделала то же самое. Она ходила без посторонней помощи, очевидно, восстановив свое пошатнувшееся здоровье. Бывший царевич в матросском костюме и кепке танцевал перед своими родителями, в радостном предвкушении путешествия, и юные великие княжны тоже были в приподнятом настроении. Все они чрезвычайно красивые девушки, и люди довольно сочувственно отмечали, что во время их февральской болезни все они коротко подстригли свои роскошные волосы.

Некоторые наблюдатели говорят, что бывший царь поехал на вокзал один, другие говорят, что Керенский последовал за ним в машину, а третьи говорят, что семья поехала вместе. Некоторые говорят, что Николай носил форму офицера русской армии, другие особенно обратили внимание на его серый костюм. Для одних он выглядел удрученным и заплаканным, а для других небрежным и холодным. Одни видели слезы на его глазах, когда он входил в поезд, другие поражались спокойствию, с которым он пожимал руки членам временного правительства, находившимся на платформе. По сей день мы не знаем, был ли Людовик XVI. он спокойно клал голову на плаху или сражался с палачом повсюду, хотя несколько тысяч французов были свидетелями казни.

Говорят, что император покинул Царское под впечатлением, что его везут в Ливадию, прекрасное крымское поместье, по которому он тосковал во время своего отречения. Должно быть, он был глубоко потрясен, когда узнал, что вместо этого мчится в одно из самых мрачных мест Сибири. Говорят, что перед отправлением поезда император спросил Керенского, который сопровождал его до последнего, разрешат ли семье когда-нибудь вернуться в Царское Село. Если так, то ответ Керенского, должно быть, был уклончивым, поскольку Николай сказал одному из своих приближенных, или, как говорят, сделал это, что он рассчитывает вернуться после войны.

Говорят, что императрица, когда ей сообщили, что семья находится на пути в Тобольск, холодно улыбнулась и сказала: “Я рада, что мы увидим Тобольск. Это место вызывает приятные ассоциации”. Следует помнить, что Тобольск или его ближайшие окрестности были первым домом Распутина. Женщины французской аристократии взойшли на гильотину именно с такими речами на устах - последний вызов толпе.

“Почему в этом поезде так много солдат?” - спросила одна из молодых великих княгинь. Она привыкла, что ее сопровождают солдаты, но в этот раз их было так много, что она удивилась. Все дети знали, что они отправляются в изгнание, и им был предоставлен выбор: остаться с родственниками или уехать со своими родителями. Мме. Утверждение Вирубовой о том, что семейные узы крепки, было подтверждено их единогласным решением отправиться туда, куда отправились их отец и мать.

Мме. Нарычкина, одна из верных фрейлин императрицы, поехала с ней, поскольку временное правительство не разрешило ей взять с собой мадам. Вирубова или даже позволить двум друзьям попрощаться друг с другом. Князю Долгорукому было разрешено поехать с императором. У детей осталась гувернантка, а у мальчика - наставник. Семью сопровождали двенадцать слуг.

В соответствии с глубиной его натуры и понимания, человек испытывает определенную жалость к бывшему самодержцу всея Руси или дико радуется его нынешнему положению. Его должны были сослать, и, возможно, Сибирь была лучшим местом для его отправки. Но Сибирь отличается большим разнообразием климатических условий и мест на выбор, и многим людям кажется, что временное правительство могло бы быть немного более гуманным в выборе места жительства для Николая и его семьи. Какими бы ни были его недостатки, каким бы справедливым ни было его наказание, его пятеро детей никогда никому не причиняли вреда и не заслуживают никакого наказания. Согласно рассказам, каждый час, проведенный ими в Тобольске, будет наказанием, и их пребывание там будет коротким, потому что все они, вероятно, умрут из-за ужасного окружения.

Тобольск - город с населением около 25 000 человек, расположенный на реке Иртыш, небольшом полноводном ручье, который осушает или частично осушает одно из великих болот Восточной Сибири. Город построен на болоте, и говорят, что размножающиеся там комары достигают таких размеров и свирепости, каких нет нигде в мире. Малярия поражает миазмы болотистых лесов, которые простираются на многие мили вокруг города и вдоль берегов реки. Ближайшая железная дорога находится в 300 верстах отсюда. Зимой, которая длится восемь месяцев в году, это место отрезано от мира. Оно так же удалено от человеческого общения, как Луна. Временное правительство приносит извинения за выбор Тобольска в связи с необходимостью удаленности.

ГЛАВА XV

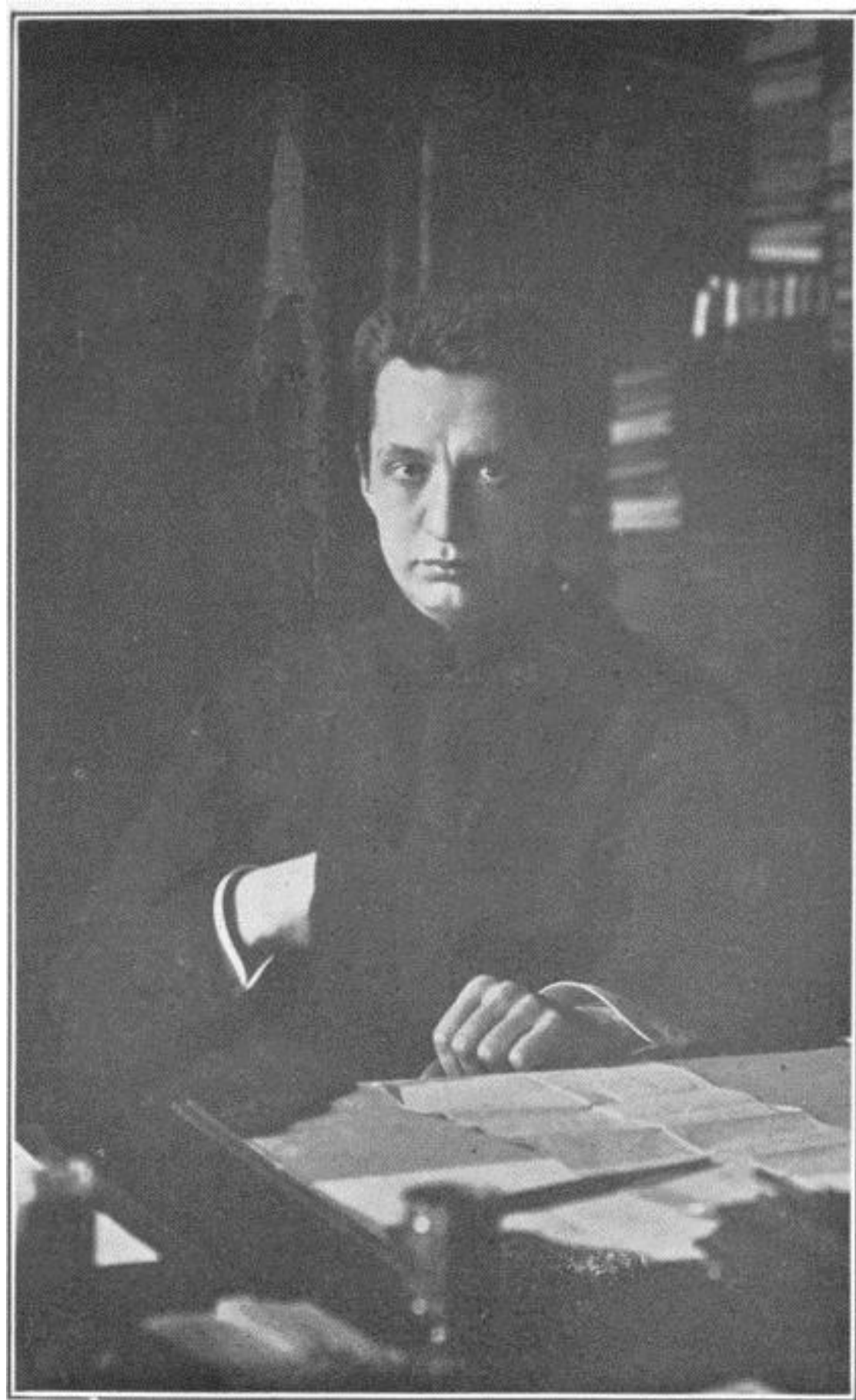
ДОМ МАРИИ И МАРФЫ

Во второй половине дня того дня, когда Николай II, свергнутый император и самодержец всея Руси, со своей женой и детьми покинул Царское Село и отправился в долгое путешествие к месту своей ссылки в Сибирь, я сидел в тихой монастырской комнате в Москве и разговаривал почти с последним оставшимся членом царской семьи, оставшимся на полной свободе в империи. Это была Елизавета Федоровна, сестра бывшей императрицы и вдова великого князя

Сергея, дяди императора. Великий князь Сергей был убит, разорванный на куски бомбой, почти на глазах у своей жены, революционером 4 февраля по старому стилю 1905 года. Он был убит, когда собирался присоединиться к великой княгине в одной из церквей Кремля в Москве. Она выбежала и увидела его изуродованные останки, лежащие на снегу. Великая княгиня Серж долгое время была известна как благородная и святая женщина, и ее поведение после ужасной смерти мужа прекрасно иллюстрирует ее характер. Она умоляла царя смягчить смертный приговор, вынесенный убийце, и когда он отказался, она отправилась в тюрьму, где несчастный ожидал своей смерти, добилась доступа в его камеру и почти до конца молилась вместе с ним и утешала его. У нее никогда не рождалось детей, и после события, которое оборвало последние узы, связывавшие ее с жизнью, полной королевской пышности и блеска, она удалилась от общества и посвятила себя религии. Как только стало возможно, она стала монахиней. Ее личное состояние до последнего рубля, инвестиции, дворцы, мебель, произведения искусства, драгоценности, автомобили, соболи и другие изысканные наряды были обращены в наличные деньги, а вырученные деньги пошли на строительство монастыря и основание ордена, настоятельницей которого она стала. Великая княгиня Сергия буквально повиновалась указу Христа богатому молодому человеку: “Продай все, что имеешь, и раздай бедным”.

Женский монастырь Марии и Марфы ордена Милосердия в Москве является живым свидетельством ее великой жертвы. Здесь в течение последних восьми лет она жила и работала среди своих монахинь, по крайней мере, одна из которых была придворной дамой, и многие из них - женщины из интеллектуальных слоев общества. Некоторые монахини были из скромных семей, поскольку орден совершенно демократичен. Каждый, кто входит в Дом Марии и Марфы, делает это с пониманием того, что его жизнь должна быть проведена в служении, духовном служении, таком, какое давала Мария из Евангелий, и материальном служении, такое, какое практичная Марта оказывала своему Господу. Несколько мечтательные и пассивные россияне скажут вам, что женский монастырь Елизаветы Федоровны - одно из самых эффективных учреждений в империи, и обычно добавляют: “Говорят, она заставляет своих монахинь ужасно много работать”.

Когда наступили дни революции, в феврале 1917 года, огромная толпа направилась к Дому Марии и Марфы, распахнула ворота и взбежала по ступеням монастыря, требуя впустить ее. Дверь открылась, и высокая серьезная женщина в бледно-серебристо-сером одеянии и белой вуали вышла на крыльцо и спросила толпу, чего она хочет.

Александр Федорович Керенский.

“Нам нужна эта немка, сестра немецкого шпиона в Царском Селе”, - вопила толпа. - Нам нужна великая герцогиня Серж.

Высокая и белая, как лилия, женщина стояла там. “Я великая герцогиня Серж”, - ответила она чистым голосом, который перекрыл шум. - Что тебе от меня нужно?

“Мы пришли арестовать вас”, - кричали они.

“Очень хорошо”, - последовал спокойный ответ. “Если вы хотите меня арестовать, мне, конечно, придется пойти с вами. Но у меня есть правило, что перед тем, как покинуть монастырь с какой-либо целью, я всегда иду в церковь и молюсь. Пойдем со мной в церковь, и после того, как я помолюсь, я пойду с тобой”.

Она повернулась и пошла через сад к церкви, толпа последовала за ней. Все, кто смог собраться в маленьком здании, последовали за ней. Перед дверью алтаря она преклонила колени, а монахини подошли и, плача, опустили на колени вокруг нее. Великая княгиня не плакала. Она немного помолилась, перекрестилась, затем встала и протянула руки к безмолвной, вытаращившей глаза толпе.

“Теперь я готова идти”, - сказала она.

Но ни у кого не поднялась рука взять Елизавету Федоровну. То, чего не смог бы сделать Керенский, то, что ни одна полиция в России не смогла бы сделать с теми людьми в тот день, сделали ее безупречное мужество и смирение. Это устранило и победило враждебность, это разогнало толпу. Эта огромная толпа опьяненных свободой, обезумевших от крови мужчин спокойно разошлась по домам, оставив охрану для защиты монастыря. Вероятно, сегодня это единственное место в России, где, можно сказать, существует абсолютная неприкосновенность для любых представителей ненавистной “буржуазии”, как большевики называют интеллектуальные классы.

В тот августовский день, когда я позвонила в колокольчик у массивных коричневых ворот монастыря, я на самом деле не знала, что мне предстоит увидеть великую княгиню и поговорить с ней. Мистер Уильям Л. Казале из Москвы, друг, который отвез меня туда, очень сомневался, что меня смогут принять таким неформальным образом, без предварительной записи. Серьезность времени и особенно положение семьи Романовых поставили великую княгиню Серж в крайне деликатное положение, и г-н Казале откровенно сказал, что ожидал застать ее живущей в строгом уединении. Лучшее, что он мог пообещать, сказал он, это то, что я увижу монастырь, где одна из его юных кузин была монахиней.

Женский монастырь, расположенный в самом центре Москвы, представляет собой группу домов из белого камня и лепнины, построенных вокруг старого сада и окруженных высокой белой стеной, по которой вьются виноградные лозы и ниспадает листва. Повернулся ключ, коричневая калитка распахнулась на наш звонок, и мы ступили в сад, утопающий в пышном цветении. Я помню розовый и белый душистый горошек у стены, белые лилии мадонны, которые склонялись вниз, и ковер из веселых вербен, который тянулся вдоль дорожки к дверям монастыря. Там было много старых яблонь и целый лес сирени, фиолетовой и белой.

В ее маленькой комнате, служащей одновременно кабинетом и гостиной, нас приняла исполнительный настоятель монастыря мадам. Гардеев, на протяжении многих лет близкий друг Елизаветы Федоровны. Как и у великой княгини, у нее была жизнь, полная слез и невзгод, несмотря на ее положение и богатство, и когда великая княгиня приняла постриг, она последовала ее примеру и стала монахиней. Дела монастыря ведутся под ее руководством, и весьма умело, как мне сказали. Эффективность и способности проявляются в каждой черте мадам. Прекрасное лицо Гардив, ее четкий, чистый голос и быстрые, хотя и грациозные движения. Было приятно слышать ее произношение, особенно для меня, потому что я с трудом понимаю довольно невнятный французский, на котором говорит среднестатистический россиянин. Мне. Французский Гардив был таким безупречным, что на нем говорят в Туре чаще, чем в Париже или где-либо еще. Я понимала каждое слово. Светская женщина до кончиков пальцев, мадам. Гардив носила живописное одеяние ордена с тем же изяществом, с каким она носила бы последнее творение ателье. Она улыбнулась и поболтала с мистером Казале, которого очень хорошо знают в монастыре, и он был очень добр и сердечен со мной. После нескольких минут разговора мой друг сказал ей, что я рассказал ему несколько чрезвычайно интересных вещей о государственных школах в Америке, и он хотел, чтобы я повторил их ей.

Итак, я рассказал ей кое-что об экстраординарных экспериментах, которые проводились в Гэри, штат Индиана, и о работе, которая проводилась в Нью-Йорке и других местах, чтобы дать детям, как богатым, так и бедным, полное образование, которого они заслуживают. Пока я говорил, она время от времени восклицала: “Но это превосходно! Я нахожу это восхитительным! Великая герцогиня должна услышать об этом!”

Я с надеждой сказал, что мне бы очень хотелось встретиться с великой герцогиней, и она ответила, что, по ее мнению, это можно устроить. Однако не сегодня, поскольку время великой княгини было полностью заполнено. Как долго я рассчитывала пробыть в Москве? Неделю? Это, конечно, можно было бы устроить, подумала она. Тем временем, что бы я хотел увидеть в монастыре? Все? Она засмеялась и коснулась маленького колокольчика на столе рядом с ней. Появилась маленькая монахиня и мадам. Гардив передал меня ей с приказом, чтобы я все осмотрел.

Я увидела небольшую, но прекрасно оборудованную больницу с операционной, продуманной до мелочей. До войны больница предназначалась для бедных женщин и детей. Сейчас большинство палат заполнено ранеными солдатами. Я видел комнату, заполненную ослепшими солдатами, которых монахини с милыми лицами учили читать шрифт Брайля. Слепота тяжела для любого человека, но для неграмотных это, должно быть, полное отчаяние. Я видел дом, полный монахинь-беженцев из захваченных районов Польши. Я видел сиротский приют, полный детей убитых солдат. Я долго задержалась в прекрасном саду, где монахини работали, некоторые в своих привычках, среди картофельных грядок, некоторые подрезали деревья и живые изгороди, некоторые подметали посыпанные гравием дорожки вениками, сделанными из прутьев, некоторые учили девочек-сирот вышивать в больших рамках, вязать и шить. Они представляли собой завораживающую картину, и я едва мог оторваться от них даже для того, чтобы посмотреть церковь, которая является одной из самых красивых маленьких жемчужин архитектуры, которые можно найти в Европе. Как оказалось, я вообще никогда по-настоящему не видела эту церковь, потому что как только мы вошли и у меня сложилось первое впечатление о ее сине-бело-золотой красоте, посыльный поспешно открыл дверь и сказал, что меня хочет видеть великая герцогиня.

Мы вернулись в монастырь, и меня отвели в крошечную гостиную, которая является личным убежищем леди-настоятельницы. Она не намного больше спальни в холле, и создавала то же общее впечатление голубого, белого и золотого, которое можно увидеть повсюду. Там было много книг в лазурно-голубых переплетах, которые, по-видимому, были любимым цветом великой герцогини; несколько картин, в основном Мадонны с Младенцем; несколько маленьких столиков, на одном из которых лежала книга Стивена Грэма “Дом Марии и Марты”, открытая небрежно уроненной вышивкой. Здесь стояли мягкие кресла из английской ивы с голубыми подушками и небольшой письменный стол делового вида, заваленный бумагами. Повсюду, у окна, на столах и на письменном столе, стояли вазы с цветами. Фактически, каждая комната в этом заведении была заставлена цветами.

Дверь открылась, и вошла великая княгиня с лучезарной приветственной улыбкой и протянутой белой рукой. - Я так рада, что у меня нашлось время познакомиться с вами сегодня, миссис Дорр, - сказала она на редкость приятным голосом.

“ Ваше высочество говорит по-английски? - Удивленно воскликнул я, и она ответила, указывая мне на удобное кресло: “Почему бы и нет?” Моя мать была англичанкой.

На мгновение я забыла, что великая герцогиня и ее младшая сестра, бывшая императрица России, были дочерьми английской принцессы Алисы и внучками королевы Виктории. Россия, казалось, тоже забыла об этом и помнила только, что отцом этих женщин был великий герцог Гессенский и Рейнский. Великая герцогиня добавила, когда мы сели, что, когда она была ребенком, дома они всегда говорили со своей матерью по-английски, а с отцом - по-немецки. “Я рад возможности говорить по-английски, потому что если человек полностью русский, как я, и особенно если он православный, он мало что слышит, кроме русского или французского”. Затем она сказала с еще одной лучезарной улыбкой: “Скажи мне, что ты думаешь о моем монастыре”.

Я сказал ей, что чувствую себя так, словно вернулся в яркий и романтический тринадцатый век.

“Именно таким я и хотела видеть свой монастырь, - ответила она, “ одним из тех занятых, полезных средневековых типов. Такие монастыри были удивительно эффективными помощниками цивилизации в средние века, и я не думаю, что им следовало позволить исчезнуть. Россия, безусловно, нуждается в них, в таком монастыре, который заполняет пространство между строгими, замкнутыми порядками и жизнью внешнего мира. Мы здесь читаем газеты, следим за событиями, принимаем людей, ведущих активный образ жизни, и консультируемся с ними. Мы Мэри, но мы также и Марты ”.

Интерес великой княгини к внешнему миру очевиден. Она нетерпеливо попросила меня рассказать ей, как идут дела в Петрограде, и ее лицо опечалилось, когда я рассказал ей о буйных и кровавых событиях, свидетелем которых я был в дни июльской революции, едва прошедшей. “Сейчас у нас очень плохие времена, ” сказала она, “ но я уверена, что скоро они улучшатся. Русские люди хороши и добросердечны в душе, но в основном это дети — большие, невежественные, импульсивные дети. Если они смогут найти хороших лидеров, и если они только поймут, что должны подчиняться своим лидерам, они выйдут из этого ужасного хаоса и построят сильную, новую Россию. Вы видели Керенского и что вы о нем думаете?”

Я ответил довольно осторожно. Как и все остальные, я все еще надеялся, что Керенскому удастся загнать своего освобожденного гиганта обратно в бутылку, и я не хотел подрывать ничье

доверие к нему даже до степени выраженного сомнения. Я сказал ей, что Керенским очень восхищаются и его любят, и я надеюсь, что он может оказаться сильным лидером, в котором нуждается Россия в этой беде.

“Я надеюсь на это”, - ответил последний из Романовых. - “Я молюсь за него каждый день”.

Колокола маленькой церкви тихо пробили назначенный час, и великая княгиня остановилась, чтобы набожно перекреститься. “Я хочу услышать об этих ваших замечательных государственных школах, - сказала она, - но сначала расскажите мне, что Америка делает в плане подготовки к войне”.

Пока я говорил, она слушала, кивая и улыбаясь, как будто была безмерно довольна. Огромный парк строящихся самолетов, казалось, поразил и восхитил ее, и когда я рассказал ей о сохранении запасов продовольствия и ограничении производства алкоголя, она буквально засияла. “Америка просто потрясающая”, - воскликнула она. “Как я жалею, что так и не побывала там. Конечно, теперь я никогда этого не сделаю. Для меня Соединенные Штаты олицетворяют порядок и эффективность наилучшего вида. Такой порядок может создать только свободный народ. Такой, о котором я молюсь, может быть, когда-нибудь будет построен здесь, в России”. И затем она сделала свой единственный намек на свергнутого царя. Я не знал, что в ту минуту царь был на пути в Сибирь, но весьма вероятно, что она это знала. Она сказала: “Я рада, что вы собираетесь защитить своих солдат от опасности алкогольного зла. Никто не может знать, сколько пользы принесла отмена водки нашим солдатам и всему нашему народу. Я думаю, история должна воздать должное императору за его участие в этом деянии, не так ли? Я согласился, что императору следует воздать должное за то, что он сделал, и говорил со всей искренностью.

Елизавета Федоровна продержала меня почти три четверти часа, рассказывая о школах Гэри, которые она очень хочет видеть в России; об американских женщинах и их роли в войне, а также о социальной работе с детьми, особенно с туберкулезными и анемичными детьми. “Это чудесно”, - сказала она со вздохом. “Я едва могу удержаться от греховной зависти к тебе. Подумайте о великой, молодой, стремительной нации, которая все еще может найти время для изучения всех этих ужасных проблем бедности и болезней и борьбы с ними. Я надеюсь, что вы будете продолжать делать это и по-прежнему находить все больше и больше способов привнести красоту в жизнь рабочих. Как вы можете ожидать, что у рабочих, которые целыми днями трудятся на жарких, отвратительных фабриках или на отдаленных фермах, у которых в жизни нет ничего, кроме работы и забот, будет красота в душе?”

Великая княгиня Елизавета Федоровна, сестра покойной царицы,
и вдова великого князя Сергея (который был убит

во время революции 1905 года), ныне настоятельница Дома Марии и Марфы в Москве.

Она очень хотела узнать о женщинах-солдатах и сказала, что очень восхищена их героизмом. На что была похожа их жизнь в лагере и были ли они достаточно сильны, чтобы выдержать все трудности? Великая княгиня Серж - убежденная феминистка, и она согласилась со мной в том, что в условиях кризиса в России, как и в ситуации во всех странах, созданной войной, было полностью продемонстрировано, что отныне женщины должны играть роль, столь же важную и заметную, как и мужчины.

Им пришлось бы наравне с мужчинами участвовать в успешных военных операциях, будь то на поле боя или в тылу. Она всегда испытывала особую преданность Жанне д'Арк и верила, что та была вдохновлена Богом. Другие женщины также были призваны Богом совершать великие дела.

“ Я рада, что вам нравится мой монастырь, - повторила она, когда мы расставались. “
Пожалуйста, приходите еще. Вы знаете, что он больше не принадлежит мне, а Временному правительству, но я надеюсь, что они позволят мне сохранить его”.

Я надеюсь, что они это сделают. Дом Марии и Марфы с прекрасной женщиной в нем - одна из тех вещей, которые новая Россия меньше всего может позволить себе потерять.

ГЛАВА XVI

ТАВАРИШИ СТАЛКИВАЮТСЯ С ГОЛОДОМ

Романовы ушли, советы, очевидно, уступив требованию Керенского о создании коалиционного правительства и, наконец, проголосовав за предоставление ему почти верховной власти, что же тогда стояло на пути восстановления порядка в армии и гражданской жизни? Читатели сообщений в ежедневной прессе в сентябре прошлого года и позже, должно быть, ломали голову над этим вопросом. Дело в том, что, хотя были признаки того, что последний съезд, проведенный в Петрограде российскими социалистами, так называемый Демократический совет, завершился частичной победой Керенского, оставались все свидетельства того, что большевистский элемент все еще был очень силен. Керенскому удалось сформировать коалиционное министерство, но Петроградскому совету солдатских и рабочих делегатов в то же время удалось избрать большевистский центральный исполнительный комитет с печально известным Львом Троцким в качестве председателя, сместив Н. К. Чейдсе, члена Думы от Грузии, видного члена Совета, но против искренности и честности которого я никогда не слышал ни слова.

Троцкий был избран потому, что большевики тогда не смогли вернуть Ленина. В Демократическом совете не хватило смелости добиться от правительства обещания неприкосновенности Ленина от ареста, если он появится на заседании, поэтому его держали на заднем плане, а Троцкий был назначен председателем Петроградского исполнительного комитета вместо него.

Ленин сегодня является настоящим лидером большевиков, точно таким же, каким он был в роковые июльские дни, когда он послал взбунтовавшихся солдат и праздных рабочих на улицы столицы спулеметами убивать население. Троцкий, однако, способный и верный лейтенант. Он еврей, и его настоящая фамилия Браунштейн. Он один из тех евреев, к несчастью, слишком заметных в российских делах прямо сейчас, которые делают все, что в их силах, чтобы настроить народ России против расы и сдержать движение за полную свободу евреев империи.

Троцкий, или Браунштейн, известен многим в Нью-Йорке. Он получил известность в газетах, когда прибыл в Нью-Йорк из Испании незадолго до Февральской революции. Он изображал из себя мученика социалистических принципов, человека, которого преследовали правительства четырех стран — России, Германии, Франции и Испании. Все четверо исключили его, по его словам, за то, что он редактировал действительно успешные социалистические газеты. История Троцкого основана на фактах. По крайней мере, четыре страны сочли его гражданина слишком нежелательным, чтобы его удерживать. Изгнание из России при старом режиме не является позором, поэтому мы можем начать сагу о Троцком с августа 1914 года, с первых дней мировой войны. Он редактировал еврейскую газету в Берлине. По его словам, ему дали несколько часов, чтобы уехать, и он вместе со своей семьей бежал через швейцарскую границу в Цюрих. Оттуда он отправился в Париж, где чудесным образом смог, каким бы бедным он ни был всегда и какими бы высокими ни были цены на белую бумагу, основать социалистическую газету на русском языке. Когда русский контингент союзных армий достиг Франции в апреле 1916 года, *"Наши слова"*, так назывался пикантный листок Троцкого, был бесплатно распространен среди 65 000 солдат. Девиз газеты был "Долой войну" в гораздо большей степени, чем "Долой социализм". С первой по четвертую страницу она была заполнена прогерманскими материалами, которые проделали свою смертоносную работу с мужчинами на русском фронте, побуждая их отказаться воевать и, таким образом, открывая их страну для немецкой армии.

Французское правительство, у которого было по горло собственных подстрекателей к мятежу, никогда раньше не слышало о Троцком, но теперь оно велело ему двигаться дальше. Он сделал. Он отправился в Испанию, где был арестован как крайний нарушитель спокойствия и через короткое время выслан из страны. Он приехал в Соединенные Штаты, где оставался до русской революции конца февраля 1917 года, когда улетел обратно в Петроград. У Троцкого всегда были деньги на эти длительные поездки. В Галифаксе его остановили, поскольку английскому правительству был известен его послужной список. Английские власти рассматривали возможность интернирования его на время войны, но многие люди заступились за бедного русского изгнанника, и ему разрешили вернуться в Россию. Бедная Россия!

Троцкий был избран членом Петроградского совета рабочих и солдатских делегатов, поскольку был пацифистом и никогда не занимался физическим трудом. Прошлым летом, когда я был в России, я почти ежедневно читал в отчетах Национального Совета Советов пламенные речи Троцкого, в которых он призывал к сепаратному миру с Германией или, что было бы в точности то же самое, к немедленному прекращению Россией боевых действий. Троцкий высмеивал идею о том, что отказ от союзников каким-либо образом нанесет России материальный ущерб или запятнает национальную честь. Его идеи об экономике и финансах были простыми и часто повторялись. Арестуйте всех капиталистов и заставьте их раскрыть секрет того, как они разбогатели, и повесьте всех банкиров — предположительно, в качестве первого шага к конфискации содержимого банков. С этим человеком в качестве председателя центрального исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских советов и с

октябрьским восстанием немецких моряков на пяти кораблях, на которое он мог указать как на доказательство того, что социальная революция в Германии близка, жизнь последнего коалиционного правительства вряд ли могла быть мирной.

Но конец большевиков близок, несмотря на Ленина, Троцкого и все большинство в Совете солдатских и рабочих делегатов. Оно приближалось крадучись в течение многих месяцев, и теперь руки посланцев взяли за щеколду. Имена посланцев - Голод и Холод.

Когда я спустился на свой первый ужин в Петрограде в мае прошлого года, я был поражен, увидев цену в карточке меню - пять рублей пятьдесят копеек, около 1,80 доллара. Во время предыдущего визита в Петроград я отлично пообедал в этой же гостинице и заплатил за это один рубль семьдесят пять копеек, или около семидесяти пяти центов, по тогдашнему курсу рубля. Блюдо, предложенное более чем за вдвое большую сумму, состояло из водянистого супа, небольшого кусочка не очень свежей рыбы, тонкого ломтика телятины с горошком и водяного льда, приправленного вишневым соком. Был подан один кусочек черного хлеба без масла. Если я хотел выпить воды во время еды, мне приходилось платить два рубля за воду в бутылках, ибо один глоток простой воды в Петрограде - это попытка самоубийства тифозным путем. Если я хотел кофе, мне приходилось платить на один рубль шестьдесят пять копеек больше, и после я добавлял обычные 10 процентов. на чаевые мой чек составлял десять рублей шесть копеек. Три доллара тридцать пять центов.

Это было достаточно скверно, но перед моим отъездом из России цена этой скудной трапезы выросла до тринадцати рублей, а качество ужина ощутимо ухудшилось. Выросли и чаевые, потому что после забастовки официантов по всей России, насколько я путешествовал, была принята система, при которой чаевые были отменены и составляли 15 процентов. был внесен в счет владельцами отелей и ресторанов.

Теперь вы платите дополнительно 15 процентов. всего вашего гостиничного счета в России, который распределяется в виде чаевых всем слугам, кроме лифтеров и великолепного человека, стоящего перед дверью отеля, который помогает вам выйти из дрожек, когда вы прибываете, и прикасается к шляпе, отделанной павлиньим пером, когда вы входите и выходите. Его называют швейцарцем, что, как я полагаю, указывает на происхождение его самого раннего предшественника, и почему он и лифтеры не участвуют в общем распределении, я так и не выяснил.

Прогуляйтесь по Невскому проспекту или Большой Морской, которая начинается с изысканных магазинов и заканчивается дворцами, такими как Пятая авеню. Побродите по лабиринту маленьких магазинчиков в огромной галерее под названием Гостиный двор. Пройдите далеко по Невскому, перейдите красивый Аничков мост с четырьмя группами вздыбленных лошадей, сверните на Литейный, где есть магазины подешевле, и попробуйте что-нибудь купить.

Неважно, что, просто попробуйте купить что-нибудь поесть, выпить, надеть или использовать. Когда официант принес кофе тем утром, он весело сказал: "Ниет малако", без молока.

Попробуйте купить несколько банок сгущенного молока, чтобы избежать подобного опыта. Я обошел весь Петроград, пытаюсь купить сгущенное молоко, потому что, когда я приехал, нехватка свежего молока была серьезной и неуклонно усугублялась. Я нашел одну банку, за которую заплатил два доллара. Вскоре после этого из Японии приехала подруга и подарила мне две банки, которые она пощадила в своем магазине.

Русская неграмотность настолько распространена, что вывески магазинов не написаны, а проиллюстрированы. На ярких вывесках снаружи изображены товары, которые владелец магазина продает. В молочной лавке будет изображение коровы, кувшины с маслом, цыплята, утки, гуси, корзины с яйцами, сыр многих сортов и так далее. Вывеска зеленщика оформлена как обложка каталога семян, в то время как магазин одежды рекламируется изображениями одежды и шляп, которые были модны лет десять назад. Когда-то это придавало улицам веселый вид, но только сейчас это усиливает их тревожный и зловещий вид. Сотни магазинов пустуют, двери заперты, и только яркие вывески указывают на то, что здесь когда-либо велись дела. Одним из самых печальных зрелищ Петрограда для меня был заброшенный магазин, где когда-то продавали французский хлеб и кондитерские изделия. Раньше я отворачивал голову от издевательского плаката, изображавшего хрустящий белый хлеб в буханках длиной в ярд, вкусные полумесяцы для завтрака, паштеты и пирожные. Стандартный хлеб, который подают в России в настоящее время, черный, сырой, кислый и неудобоваримый. Он продается на развес, следовательно, в него добавляют воду и выпекают как можно меньше, чтобы получился хлеб, а не тесто. Кто-то предположил, что этот хлеб предназначался для совместной еды и питья, и, несомненно, он настолько влажный, что быстро плесневеет. Но каким бы плохим он ни был, его мало и он дорогой. Хлебный талон стоит три четверти фунта - ежедневная норма на человека, когда я уезжал в конце августа. Это стоит десять копеек за фунт. Раньше это стоило три с половиной копейки за фунт, и хлеб был хороший.

Сливочное масло, когда его вообще можно было купить, стоило три рубля за фунт, примерно доллар. Отличное сливочное масло год или два назад стоило меньше пятидесяти копеек за фунт, поскольку Россия быстро превращалась в молочную страну. Телятина, а телятина - едва ли не единственное мясо, которое можно было есть, стоила почти доллар за фунт. Корма для крупного рогатого скота настолько дефицитны и дороги, что коровам не дают вырасти до размеров говядины, отсюда преобладание телятины. Если вы можете позволить себе заплатить от трех долларов и выше, меню можно разнообразить курами. В день на человека можно было купить только полфунта мяса небольшого веса, за исключением воскресного обеда, когда разрешался фунт.

Даже в отеле Militaire, где я жил большую часть времени и где питание поступало из государственных источников, у нас пять дней в неделю была телятина или ее производные, хэш, крокеты и т. Д. Иногда они предлагали то, что они называли говядиной, но это была не конина. Это была конина, грубая и крепкая. Примерно раз в неделю у нас была курица, приятная перемена. Когда наступил август, у нас появилась дичь, в основном рябчики разных видов. В этом году в России и Финляндии дичи очень много, потому что после войны мужчины охотились только друг на друга. Но дичь, которая доставляет удовольствие, когда вы едите ее время от времени, становится наказанием, когда вы едите ее чаще одного раза в неделю. Вы терпеть не можете, когда оно появляется на столе три раза в неделю, и если оно появляется чаще, вы выбираете постный день в качестве альтернативы.

Кофе стоил около полутора долларов за фунт, не так уж и плохо, а чай был еще более умеренным по цене. Что бы делали русские люди, если бы чай кончился, я не могу себе представить. Все пьют чай, обжигаяще горячий, несколько раз в день. Даже младенцы пьют чай, и это факт, что в лучшей детской больнице, которую я видел в России, старшая медсестра с гордостью показала мне на столе с горячей водой целый ряд бутылочек с чаем для вечернего ужина больных младенцев. Чай у них еще есть, но сахар к нему почти закончился. В отеле или ресторане вам

подают с тремя крошечными кусочками сахара в каждом стакане чая, и это все, что вы можете съесть. Если по какой-либо причине вы используете не весь свой сахар, вы кладете его в карман. Вы делаете это независимо от того, ведете ли вы хозяйство или нет, потому что вы не можете купить много конфет, а когда мяса мало, все жаждут сладостей.

Сахар - не единственное, что остается дома. Однажды я зашел поужинать в венский ресторан на улице Гоголя и сел за столик, который только что освободил очень подтянутый молодой офицер. Он оставил на подоконнике маленький сверток, аккуратно завернутый в белую бумагу и перевязанный розовой бечевкой. Возможно, это был ювелирный сверток. Я взял его с порывом передать официанту, но сначала из предосторожности, чтобы оно не оказалось действительно ценным, я развернул уголок бумаги и изучил содержимое. Кусок довольно белого хлеба величиной с небольшую репу, возможно, остатки обеда в доме богатого друга. Незадолго до отъезда я зашел в модную чайную в Москве, и там к чаю вместо сахара подали что-то вроде липкого варенья. К чаю без сахара я съела пирог, приготовленный без муки и сахара. По вкусу он напоминал миндальную пасту, и все это обошлось мне в доллар и десять центов.

Большинство магазинов закрыты, но перед большинством из тех, что остаются открытыми, вы можете увидеть в любое время дня и ночи очередь людей, мужчин, женщин и детей, ожидающих возможности войти и сделать покупку. Люди часто стоят в очереди двадцать четыре часа и более. Они ждут несколько дней, чтобы купить некоторые вещи. Возвращаясь домой из поездки в любое время ночи, в полночь, в три часа ночи, в любой час, вы видите эти длинные, терпеливые очереди людей. Они сворачиваются калачиком на камнях мостовой и спят, члены семьи время от времени сменяют друг друга, но каждый отчаянно цепляется за свое место в очереди.

Не только владельцы мелких лавок и уличные торговцы вынуждены пополнять свои скудные запасы, стоя таким образом в течение нескольких дней, но и домработницы должны таким образом кормить и одевать свои семьи. Люди, которые могут позволить себе прислугу, конечно, отправляют своих слуг стоять в очереди. В ежедневных газетах часто публикуется объявление "Требуется горничная в очередь", что означает женщину, единственной обязанностью которой является спать на тротуаре и приносить домой ужин на следующий день.

Когда я был в Петрограде и Москве, было лето. Сон на тротуаре оставлял желать лучшего даже в теплую погоду. Первый намек на осень витал в воздухе, когда я уезжал 30 августа. К первому октября было холодно, а к концу ноября похолодало. Когда зимние штормы и сильный снегопад разразятся всерьез, люди не смогут спать на тротуарах. Где они будут добывать еду, и когда голод посмотрит им в лицо, что они будут делать? Тогда в России наступит настоящий кризис, политический и экономический, и большевики будут не тем народом, который сможет его преодолеть.

ГЛАВА XVII

ГЕНЕРАЛ ЯНВАРЬ, ЗАВОЕВАТЕЛЬ

После того, как разбитые легионы Наполеона Бонапарта бежали из России, мерзли, голодали и умирали тысячами в безумной попытке вернуться во Францию, победоносный командующий русской армией сказал, что двумя его лучшими помощниками были генерал Январь и генерал Февраль. Безжалостный холод и бури русской зимы были слишком сильными врагами, чтобы Бонапарт мог их победить. Они отправили его на остров Святой Елены, и те же самые сильные враги этой зимой собираются разгромить и изгнать большевиков. Русская революция началась с хлебного бунта, и кульминацией ее станет хлебный бунт. Когда народ России достаточно проголодается, он перестанет говорить о “никаких аннексиях или контрибуций”, “вся власть советам” и остальном, и потребует создания правительства, которое будет управлять страной, и как можно скорее вернет страну к нормальной жизни. Когда столбик термометра опускается до 45 градусов ниже нуля, а ветер со скоростью пятьдесят миль в час швыряет в лицо мокрый снег, люди больше не могут двадцать четыре часа стоять в очереди, чтобы купить еду для своих детей. Особенно когда их одежда тонкая и поношенная, а ботинки сваливаются с ног.

Я уже рассказывал кое-что о ситуации с продовольствием в России. Ситуация с одеждой и топливом, пожалуй, еще хуже. Если вы хотите купить пару обуви в Петрограде, вам нужно потратить на это два дня и положить в свой кошелек много денег. На Невском проспекте есть магазин американской обуви, и каждый день очередь людей, пытающихся войти и купить обувь, была настолько велика, что перекрывала движение, и городским властям в конце концов пришлось закрыть вход на улицу. Теперь очередь выстраивается во дворе или переулке в задней части магазина, и покупателей впускают, по несколько за раз, через заднюю дверь. Этот американский обувной магазин очень популярен, потому что обувь отличного качества, а цены считаются разумными. Женщина может купить там пару ботинок всего за 25 долларов. Мужская обувь несколько дороже. Но запасы были на исходе, когда я был там летом, и когда они закончатся, я не вижу, как они собираются их пополнять. На углу Большой Морской был еще один обувной магазин, перед которым весь день и всю ночь стояла толпа. Очередь растянулась за углом, и я видел ее, когда она тянулась до канала Мойка в очень длинном квартале отсюда. В этом магазине продавалась более дешевая обувь. Это была попытка одного из быстротечных министерств сократить дефицит обуви. Было закуплено большое количество обуви и кожи, которые затем распространялись по авторизованным каналам в магазине на Морской.

Чтобы купить пару этих туфель, мужчина или женщина шли туда и занимали место в очереди. Каждый стоял в очереди, пока не подошла его или ее очередь пройти в магазин, что было долгим и утомительным занятием. Когда он получил допуск в магазин и продавец удосужился его обслужить, он получил — пару туфель? Ни капельки. Он получил билет с указанным на нем номером. Билет давал клиенту право вернуться в какой-то момент в будущем, отстоять очередь и получить пару обуви, которая, вероятно, была в то время изготовлена, при условии, что он мог позволить себе заплатить за нее минимум десять долларов.

Когда я была в Польше с женщинами-солдатами Батальона смерти Бочкаревой, дальнейшее продвижение полка к линии боевых действий было задержано из-за нехватки обуви для марша. Около половины женщин-солдат получили сапоги вместе с другим снаряжением перед отъездом из Петрограда, но другая половина надела вместе с формой цвета хаки женскую

обувь, часто поношенную и изодранную, в которой они поступили на службу. Однажды в казарме царило большое ликование. Сапоги доставили, и остаток дня был потрачен на то, чтобы выбрать из кучи по паре, которые подошли бы каждой девушке. Меня заинтересовали эти ботинки, потому что они были немymi, но красноречивыми свидетелями бедности жизни в России. Ни одна пара не была новой. Все это были подержанные, переделанные и заштопанные ботинки, и я сильно подозреваю, что большинство из них были сняты с ног погибших солдат. Во многих случаях у них были новые ступни или подошвы, но большинство из них были просто заштопаны. Грубые, жесткие, дурно пахнущие и плохо скомпонованные, какими бы они ни были, девушки были только рады их заполучить. Адъютанту Скридловой и одному или двум состоятельным солдатам сшили сапоги на заказ, и они заплатили за них по девятидесяти долларам за пару. Семьдесят пять долларов за пару женских сапог - не такая уж неслыханная цена.

То, что верно для ботинок, верно и для почти всех других товаров одежды. У меня закончились перчатки, когда я был в России, но, услышав, сколько стоят перчатки в Петрограде, я обошелся без них. Хлопчатобумажные перчатки можно было купить по цене доллар восемьдесят центов за пару. Они были уродливыми и бесформенными, но люди их покупали и носили. Если вам нужна пара лайковых перчаток, и вы знаете, где их можно найти, и у вас есть время, вы можете купить их за три-пять долларов. Они были из тех, что в американском универсаме выставляют на столик в центральном проходе и продают по пятьдесят центов, чтобы привлечь покупателей в пасмурное время года. В Петрограде человек платит доллар за пятнадцатисентовый воротничок. Он платит несколько долларов за приличную пару носков. Сумма, которую он платит за костюм, поражает воображение. В России сейчас можно дешево купить только две вещи: кошек и собак. В Петрограде вы можете купить великолепного волкодава или другую чистокровную собаку, чистокровную персидскую или ангорскую кошку за бесценок, потому что люди не могут позволить себе кормить домашних животных. Мистер Бэзил Майлз, прикрепленный к миссии Root, забрал с собой домой двух русских волкодавов, которые сделают его самым завидным человеком на следующей выставке собак в его городе, а песня, которую он спел, чтобы заполучить их, была слишком короткой, чтобы упоминать.

Россия - очень холодная страна, и почти все, как богатые, так и бедные, носят меха. Богатые носят соболя, норку и горноста, а бедные - кроличьи и овечьи шкуры. Но меха сейчас купить так же сложно, как и другие предметы первой необходимости для одежды. Существует несколько особых причин такой нехватки меха в меховой стране. Со времен войны на пушнину охотится не так много людей, и шкурок стало меньше; и, кроме того, русские никогда не выделывали и не красили свои собственные меха. Они отправили их в Германию для подготовки к продаже, и, конечно, война положила этому конец. Помимо этих особых причин, нехватка меха и всего остального продовольствия, одежды и прочего вызвана двумя основными препятствиями. В империи вдоволь еды, вдоволь сырья для одежды. Но транспортная система практически вышла из строя, и они не могут раздавать еду или одежду. Также практически разрушена фабричная система, и они не могут производить одежду. Помимо этого, существуют незначительные препятствия, некоторые из которых я опишу. Главная причина, по которой Россия будет голодать и мерзнуть этой зимой, заключается в том, что народ России позволил своей железнодорожной системе развалиться на куски, и потому что они в почти невероятной степени перестали выполнять какую-либо работу.

Я не могу говорить как эксперт о ситуации на железной дороге, и простые цифры и статистика не дадут читателю сколько-нибудь адекватной картины деморализации железных дорог. Сказать, что 15 мая 1917 года тогдашний министр путей сообщения доложил Думе, что более 25 процентов из общего количества локомотивов в империи, которые были поставлены на ремонт, не стал бы выражать суть дела. Средний читатель не знает, что 5 процентов количество "больных" локомотивов считается высоким компетентными железнодорожными менеджерами. Я мог бы пойти дальше и сказать, что количество грузовых вагонов, загруженных с 15 по 31 мая 1917 года, было на 87 000 пудов меньше, чем количество, загруженное между этими датами в 1916 году, но это мало что значило бы. Мало кто за пределами России знает, что такое пуд. На самом деле это тридцать шесть фунтов. Но цифры не могут адекватно описать ситуацию.

Что мне поведало о деморализации железных дорог, так это постоянная тревога, которую я слышал со всех сторон от людей, пытающихся закупить свои зимние запасы дров и угля. В России бесконечное количество древесины. Огромные сосновые, кедровые и березовые леса — прекрасные леса. Я часто любовался ими из окна своего железнодорожного вагона, проезжая через Финляндию и местность между Петроградом и Москвой. Нарублено много этого дерева. Я видел тысячи и тысячи таких шнуров, сложенных вдоль железнодорожных путей, и, конечно, в других местах их должно было быть гораздо больше. Петроград построен на болоте, и земля осушается живописными, хотя и довольно дурно пахнущими каналами, которые проходят через город и впадают в Неву. По одному из самых широких из них — Мойке, которую я пересекал каждый день, — медленно плыла вереница барж, груженных лесом, влекаемых лошадьми, а иногда и людьми, идущими по буксирной тропинке вдоль канала. Я часто наблюдал за этими поленницами дров и удивлялся, почему при таких почти беспрецедентных способах распределения дров после их доставки жители Петрограда должны беспокоиться о запасах топлива на зиму. Прошлым летом этого было недостаточно, вот и все. Количество, которое плыло по Мойке и другим каналам и скапливалось на лесных складах и во дворах многоквартирных домов, гостиниц, больниц, фабрик и даже дворцов, не превышало и половины нормального количества. Работало недостаточно вагонов-платформ и локомотивов, чтобы доставить древесину до границы города.

Я попробовал провести эксперимент по ведению домашнего хозяйства с женой корреспондента *Outlook* после того, как он уехал из России в командировку. Нам предложили очаровательную маленькую квартирку бесплатно, с прислугой, если мы будем жить в ней и уберем ее от разграбления. Каждый, кто знал казака или другого надежного солдата, или американца, делал это, когда они приезжали в страну из Петрограда. Через неделю мы отказались от уборки номеров и вернулись в отели, отчасти потому, что горничная не могла достать нам достаточно еды, а отчасти потому, что у нас никогда не было горячей воды. Хозяин многоквартирного дома вырубил дрова. Он сказал, что не сможет раздобыть достаточно дров, чтобы обогреть дом следующей зимой, не говоря уже о том, чтобы обеспечить жильцам теплые ванны летом.

Ситуация на железной дороге была наглядно представлена мне во время ужасного двухдневного и ночного путешествия, которое я совершил по российской железной дороге в июле прошлого года. Мисс Битти из "*Бюллетеня* Сан-Франциско" была со мной, а поезд был таким маленьким и таким переполненным, что единственное место, которое мы смогли занять, было верхнее шириной в три фута. Мы вдвоем спали на этой койке, головой мисс Битти в одну сторону, а моей - в другую. Каждый раз, когда поезд наезжал на неровности рельсов,

"Бюллетень" едва не терял своего звездного репортера, потому что она выходила наружу, прямо над открытым окном. В этом железнодорожном вагоне при тесноте могло поместиться одиннадцать пассажиров. В последнюю ночь путешествия в него набилось двадцать пять человек. Они сядились по очереди.

Каждый поезд, на который вы садитесь, примерно так же переполнен, и одна из самых сложных вещей, которую сейчас купить, - это железнодорожный билет. Чтобы купить билет, обычно приходится давать взятку билетному агенту или менеджеру отеля. Вы идете в офис международных вагонов и говорите им, что хотите отправиться в Москву или Казань. Вы хотите отправиться завтра или через три дня, в ближайшее время. Клерк качает головой. "Возможно, я смогу достать вам билет и спальное место за три дня", - скажет он. "Конечно, вам придется заплатить дополнительную плату; скажем, шестьдесят рублей". На запрос подробностей он объяснит, что кому-то придется заплатить за то, чтобы он отстоял очередь за билетом. Я доплатил сорок рублей "Беннету", который является кулинарным магазином Петрограда, за билет до Москвы, и это считалось выгодной сделкой. Когда я захотел вернуться, я спросил администрацию отеля в Москве, сколько они возьмут за то, чтобы отправить меня на вокзал и купить мне билет, и они ответили, что сто рублей. Рубль тогда стоил около тридцати центов, так что мне пришлось бы заплатить, в дополнение к стоимости билета, которая только что была повышена примерно на 50 процентов, тридцать долларов. Я получил билет почти единственным возможным способом. Я действовал как курьер, перевозивший конфиденциальные бумаги из иностранного консульства в Москве в посольство в Петрограде, и консул использовал свое официальное влияние, чтобы достать мне билет только по обычной цене.

21 июля министр путей сообщения распорядился о сокращении на 50 процентов. количество пассажиров, проезжающих между Петроградом и Москвой, увеличилось ввиду, как он объяснил, нехватки топлива и подвижного состава. Скоро купить билет или спальное место между двумя пунктами в России за деньги будет практически невозможно.

Сейчас это почти верно для Транссибирской магистрали. Каждый вторник вечером в 8 часов еженедельный экспресс на этой знаменитой линии отправляется с Николаевского вокзала в Петрограде, и каждую неделю все места заполняются. То, сколько эти пассажиры доплатили за свои билеты, является одной из главных тем для разговоров во время долгого путешествия по Сибири. Пассажиры развлекают утомительное путешествие, обмениваясь впечатлениями о том, как они вообще там оказались. Я знал людей, которые неделями ждали возможности заплатить грабительскую надбавку. Транссибирский почтовый поезд, который отправляется каждую ночь и делает остановки по пути, представляет собой зрелище, на которое стоит посмотреть перед отправлением. Люди толпятся на железнодорожной платформе и борются за место у края. Когда поезд медленно въезжает в ангар станции, путешественники бегут ему навстречу, влезают в окна, втаскивают внутрь своих женщин и детей, бросаются на платформы и дерутся, как тигры, чтобы проникнуть в двери. Количество вагонов в каждом поезде постепенно сокращалось, пока сейчас поезд не стал слишком коротким, чтобы вместить пассажиров.

Но разве мы не отправляли железнодорожную комиссию в Россию, и разве в газетах не говорилось что-то о примерно 5000 локомотивах и 23 000 товарных вагонах, отправленных во Владивосток? Мы направили железнодорожную комиссию во главе с Джоном Стивенсом,

известным благодаря Панамскому каналу, одним из величайших организаторов и руководителей в Соединенных Штатах. Эта комиссия проделала хорошую работу. Это показало русским, как они могли бы немедленно повысить эффективность своих железных дорог на 60 процентов. Мы отправили в Россию много локомотивов и грузовых вагонов. Тем не менее транспортная проблема остается нерешенной.

ГЛАВА XVIII

КОГДА РАБОЧИЕ ВЛАДЕЮТ СВОИМИ ИНСТРУМЕНТАМИ

Джон Стивенс, глава железнодорожной комиссии, направленной в Россию из Соединенных Штатов, показал российскому правительству, как увеличить свои транспортные возможности на шестьдесят процентов. В отчете, опубликованном в середине августа, г-н Стивенс сказал, что главной причиной кризиса на железной дороге было плохое управление. Локомотивы преодолевали 2800 верст в месяц, когда их можно было заставить преодолевать 5000 верст. Верста - это примерно три четверти мили. По словам мистера Стивенса, можно было бы перевезти вдвое больше груза, чем перевозилось. Грузовые вагоны постоянно отправлялись загруженными лишь наполовину. мистер Стивенс рекомендовал установить правительственную диктатуру на всех железных дорогах, как государственных, так и частных. Это было довольно наивно, учитывая, что правительство было бессильно контролировать, а тем более диктовать какие-либо направления деятельности в империи. Чуть ранее г-н Некрасов, тогдашний министр путей сообщения, издал циркуляр, в котором изложил свой план выхода из железнодорожного кризиса. Он посоветовал передать всю систему железных дорог рабочим, инженерам, кочегарам, кондукторам и машинистам. Среди инженеров раздался вопль протеста, а в прессе России раздался взрыв смеха. Но дело в том, что железные дороги были и остаются до сих пор, для всех практических целей, в руках трудящихся, как и любая другая отрасль промышленности в России.

Одна из величайших мечтаний социалистов и философствующих анархистов - о дне, когда рабочий будет владеть своими инструментами, как они выражаются, когда вся промышленность будет принадлежать людям, которые управляют машинами, и они будут делиться всей прибылью. Это действительно великая мечта, и, вероятно, когда-нибудь она в какой-то мере осуществится. Но не сейчас. Человечество еще не приучено к такой Утопии. Самым убедительным доказательством того, что капиталистическая система еще не готова к падению, является хорошо известный факт, что тайное стремление почти каждого человека во всех сферах жизни состоит в том, чтобы стать капиталистом, большим или малым. Это только что было доказано в огромных масштабах в России. Рабочие захватывали фабрики, магазины, универмаги и офисы, и ни в одном случае, о котором я мог узнать, и я усердно искал, они не использовали свою великую возможность мудро или бескорыстно для общего блага. Они использовали это, чтобы вытянуть из работодателей как можно больше денег и оказать в ответ минимум услуг.

Вот в чем проблема с транспортной системой в России. Это причина, по которой жители Петрограда, Москвы и других городов будут мерзнуть и голодать этой зимой, одна из причин, по

которой уровень смертности детей и стариков, и без того ужасающе высокий, станет еще более ужасающим в течение следующих нескольких месяцев; одна из причин, и очень веская, почему в России не восстановлен порядок. Какими бы высокими ни были цены на все продукты питания и промышленные товары, у трудящихся, как класса, достаточно денег, чтобы заплатить за них, и слепые рабочие осознают свое положение только после того, как запасы у торговцев полностью иссякнут, а погода станет слишком холодной, чтобы часами стоять в очередях за покупками. Только тогда они поймут, что их эгоизм и жестокая глупость сделали с ними самими и со всем рабочим классом страны.

Я был настолько поражен дефицитом товаров в магазинах и стремительным ростом цен почти на все товары, что пошел к министру труда и попросил его рассказать мне что-нибудь о промышленных условиях в стране. Я не был полностью неосведомлен об этих условиях. Я знал, например, что Россия не является исключительно сельскохозяйственной страной, что, напротив, ее развитие как страны-производителя шло семимильными шагами, особенно в последние десять лет. В России есть пролетариат и фабричная система, хотя и не такая многочисленная пропорционально, как в Соединенных Штатах. Ее металлургическая промышленность, хлопчатобумажные фабрики, механические цеха огромны, и в обычное время они удивительно производительны. После подавленной революции 1905-06 годов были проведены важные реформы в земельном законодательстве, и впервые крестьянам были предоставлены их земли в безвозмездное пользование. То есть им была предоставлена возможность при определенных обстоятельствах оформить право собственности на свою долю в общинных землях. Это давало им возможность продавать, если они того пожелают, и большое количество крестьян-ремесленников действительно продали свои земли, переехали в города и стали фабричными рабочими. До этого времени заводские рабочие более или менее чередовали городскую и сельскую жизнь.

Лидеры социал-демократической партии всеми доступными им средствами поощряли продажу земель крестьянами-владельцами, потому что они хотели, чтобы рабочие переехали в города, организовались в профсоюзы и стали политической силой. По их собственным словам, они хотели создать безземельный рабочий класс, который, не имея доли в собственности, легче восстал бы против правительства и более искренне поддержал движение за создание кооперативного содружества. До определенного момента это было разумное рассуждение. Человек, имеющий участок земли, дважды подумает, прежде чем подвергать эту землю опасности быть поглощенным его соседями. Он колеблется, прежде чем предпринять действия, которые могут свергнуть даже плохое правительство. Плохое правительство защищает его титул. Но лидеры социал-демократов не учли важный человеческий фактор в своих рассуждениях. Безземельный человек становится хорошим революционером, это правда, но из него не обязательно получается хороший сотрудник. В девяти с тремя четвертями случаях из десяти он так же силен в борьбе за первое место, как и владелец недвижимости. Когда у него появляется шанс захватить власть и деньги, он делает это, и делит ровно столько, сколько ему позволяют другие.

В России рассказывают историю, иллюстрирующую эту черту характера. Кто-то спросил малороссийского крестьянина, что бы он делал, если бы стал царем. “Я бы украл сто рублей и убежал”, - последовал быстрый ответ. Одним словом, это фактически то, что сделали

трудящиеся России, как только февральская революция 1917 года превратила их в единоличных российских царей.

Когда я позвонил министру труда и спросил его, что случилось с промышленностью, его лицо приняло выражение смешанного веселья и отчаяния. “Если вы действительно хотите знать, - фактически сказал он, - пойдите и посмотрите на некоторые из наших заводов”.

Мне выдали официальный документ, тщательно заверенный печатью и подписью, разрешающий мне посещать и инспектировать любой завод в Петрограде, и я начал, ясным ранним утром следующего дня, с одного из крупнейших военных заводов в Выборгском районе города. Я показал свой пропуск человеку у ворот, который с сомнением прочитал его и сказал, что, по его мнению, он не годится. “Какое право имеет министр труда давать вам разрешение на посещение этого завода?” он поинтересовался. “Если бы кто-нибудь имел право дать вам такое разрешение, я бы подумал, что это был военный министр, поскольку здесь производятся только военные материалы. В любом случае, я не думаю, что ты сможешь туда попасть.”

Я мягко спросил его, уверен ли он, что у него есть право не впускать меня, и предложил ему передать дело в вышестоящий орган, например, менеджеру. Он повернулся к настенному телефону в своем маленьком домике у ворот и поговорил с кем-то на другом конце провода. Затем он сказал: “Комитет на заседании и примет вас”.

Долгая прогулка по огромному двору и мимо множества цехов привела меня к административному зданию завода, и там, в маленькой комнате, я нашел комитет, то есть группу рабочих, избранных всем коллективом завода для управления производством и исправления всех условий труда. Каждая отрасль в России управляется таким образом. У меня был долгий разговор с этим комитетом, но я не попал на фабрику. Этот человек не разрешил мне войти. Они даже не позволили мне увидеться с кем-либо, связанным с офисными подразделениями. Любезно, но твердо они дали мне понять, что они - вся сила, которая есть на этом заводе, и они могут предоставить мне всю информацию, которая мне может понадобиться. Итак, я посидел там около часа и через своего переводчика узнал, как происходит производство, когда рабочие владеют своими инструментами.

Поскольку я мог вывезти из страны лишь несколько заметок, я не уверен, сколько делегатов на тысячу рабочих составляет комитет управления на российской фабрике, но я думаю, что каждое подразделение из ста человек выбирает представителя. Возможно, в отряде двести человек. Моя память на цифры не всегда надежна. В любом случае, члены комитета, которые обычно являются умными и высокооплачиваемыми работниками, не выполняют никакой работы, кроме работы в комитете. Но они получают полную оплату. Работодатель не имеет права голоса в ведении своего собственного бизнеса. Комитет сообщает ему, сколько он платит своим сотрудникам, сколько у них часов работы, когда они приходят и когда уходят и сколько они производят. И работодатель платит комитету за его добрые слова и поступки. Я спросил конкретный комитет, который таким образом сообщил мне, кажется ли это работодателю справедливым. В основном мужчины сказали, что, по их мнению, это справедливо. Один человек спросил меня, кто, по моему мнению, должен платить членам комитета. Я сказал ему, что, по моему мнению, рабочие могли бы выплачивать по крайней мере часть своей зарплаты и, возможно, также предоставить работодателям решающий голос в случае равенства голосов или что-то в этом роде. Казалось, они сочли эту идею забавной, все, кроме одного прекрасного, вдумчивого молодого человека, который сказал: “В некоторых нынешних условиях может быть

элемент несправедливости, но время все исправит. Нет никаких сомнений в том, что рабочие должны владеть промышленностью, и они это сделают. У рабочего класса никогда не было честной сделки, и теперь, когда они захватили государственную власть, ничто иное, как конфискация промышленности, не удовлетворит их”.

У рабочего класса в России было гораздо меньше честных сделок, чем у любого другого в современном мире, это правда. Фабричная система была сравнительно новой в России, и у рабочих не было времени для тесной организации, а при самодержавии было мало или вообще не было шансов получить просвещенное фабричное законодательство. У русского рабочего почти не было шансов достичь очень высокого уровня мастерства во многих отраслях промышленности. Как правило, он не мог освоить тончайшие процессы своего ремесла, потому что до начала войны большая часть этих процессов находилась в руках Германии и под ее контролем. Когда я был в России в 1906 году, одной из самых поразительных вещей для меня было преобладание немецких владельцев магазинов, немецких менеджеров, немецких мастеров. Вы вряд ли когда-либо видели русского, руководящего какой-либо отраслью. Я рассказал об этом своему русскому другу и сказал ему, что мне бы не хотелось, чтобы в моей стране весь бизнес контролировался иностранцами, поскольку эти немцы даже не были гражданами России. Он пожал плечами и сказал “Нитчево”, что означает почти все, что угодно, и является общим выражением безразличия или покорности неизбежному. “Мы, русские, не разбираемся в подобных вещах”, - извинился он.

“Но что, если вы когда-нибудь вступите в войну с Германией?” - Спросил я. И он, немного протрезвев, сказал: “В таком случае нам следовало бы научиться быть бизнесменами и квалифицированными механиками, и у нас ушло бы на это чертовски много времени”.

Восемь лет спустя, почти с точностью до одного дня, они действительно вступили в войну с Германией, и у них действительно было чертовски много времени на приведение своей промышленности в соответствие с кризисом, вызванным массовым бегством тысяч высококвалифицированных немецких менеджеров и начальников отделов с сотен фабрик и магазинов по всей империи.

Я считаю, что одна история, рассказанная мне в Москве, является репрезентативной. Было обнаружено, что очень крупный завод, захваченный правительством из-за прекрасных инструментальных мощностей, которые обеспечивали его станки, управлялся исключительно немецкими мастерами и менеджерами. Они не только годами получали большую зарплату на этом заводе, но и настояли на том, чтобы нанять для последних процессов и выполнения наиболее высококвалифицированных работ рабочих из Германии. Они не хотели, или, скорее, немецкое правительство не хотело, чтобы русский народ знал, как выполнять квалифицированную работу. Они хотели поддерживать Россию в совершенно нужном состоянии для постоянной коммерческой эксплуатации отечеством.

Я углубляюсь в это, потому что считаю справедливым по отношению к российскому рабочему классу объяснить, что им не позволили развить интеллект и навыки, которые были достигнуты английским и американским рабочим классом. Из-за этого невежества русского рабочего класса за несколько месяцев разгула свободы и контроля над промышленностью они разрушили свою страну в промышленном плане и поставили себя и свой собственный народ на грань голодной смерти. Они поступили со своим классом примерно так же, как взбунтовавшиеся солдаты на фронте поступали с мужчинами, которые хотели идти вперед и

сражаться — стреляли им в спину. Я знаю это, потому что я это видел. На следующей фабрике, к которой я обратился, комитет впустил меня.

ГЛАВА XIX

ПОЧЕМУ ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ТКАНИ НЕ ХВАТАЕТ

Когда я сел в поезд, чтобы уехать из России в Соединенные Штаты, первое знакомое лицо, которое я увидел, было лицо мистера Дэниела Чешира, владельца фабрики в Петрограде. “Я возвращаюсь домой, в Англию, чтобы записаться в армию”, - сказал он, когда мы пожали друг другу руки.

“Что вы сделали со своими заводами? - Спросил я.

“Я оставил их тавариши, - ответил мистер Чешир. - Я подумал, что тоже могу это сделать”.

Дэниел Чешир - не единственный крупный промышленник, который отказался от своего бизнеса после тщетной борьбы за то, чтобы справиться с ситуацией, сложившейся в результате русской революции и захвата контроля над промышленностью трудящимися. Другие отказались от борьбы, и многие другие, вероятно, последуют их примеру. Но историю мистера Чешира я знаю из первых рук. Его отказ от своих заводов полон значения, отчасти из-за важности его отрасли производства, а отчасти потому, что его поступок может приблизить тот день, когда из-за явного отсутствия предметов первой необходимости русский народ перестанет преследовать свою утопическую мечту и удовлетворится правительством, которое, хотя и остается капиталистическим, спасет его от голода и разорения.

Тем, кто думает о России как о стране снега и льда, будет интересно узнать, что в Туркестане и Закавказье, а также в других провинциях юга и востока выращивают миллионы фунтов очень хорошего хлопка, семена которого первоначально были привезены из Америки. Те, кто думает, что каждый российский крестьянин занимается только сельским хозяйством, будут удивлены, услышав, что более миллиона россиян работают на текстильных фабриках, в основном на хлопчатобумажных тканях.

Когда в России началось прядение и ткачество хлопка, владельцы фабрик в большинстве случаев отправляли в Англию своих мастеров и управляющих, и потомки некоторых из этих англичан до сих пор живут и по-прежнему управляют хлопчатобумажными фабриками в России. Показательным примером является семья Чешир. Настоящий Чешир уехал из Манчестера в 1840-х годах, чтобы управлять небольшой хлопкопрядильной фабрикой в Петрограде. Он скопил денег, купил товарищество и расширил бизнес. Его сыновья расширили его еще больше, и сегодня его внуки владеют десятью крупными хлопчатобумажными фабриками в Петрограде и его окрестностях и управляют ими. Дэниел Чешир, энергичный молодой человек тридцати с чем-то лет, является главой семьи и главным владельцем заводов. То есть им был до февраля 1917 года. После этого его не стало. Тавариши, или “товарищи”, которым он платил зарплату,

стали тогда фактическими владельцами, а 30 августа 1917 года они стали, по крайней мере временно, единственными владельцами.

Именно на одной из чеширских хлопчатобумажных фабрик я получил самое близкое представление о том, что происходит с промышленностью, когда рабочие владеют своими инструментами. Возможно, было бы справедливее сказать, когда рабочие хватаются за свои инструменты. Возможно, когда-нибудь они узнают, как честно владеть ими, и тогда они будут использовать их с умом и для общего блага.

Это была счастливая случайность, которая впервые привела меня на чеширскую хлопчатобумажную фабрику. После того как мне было отказано в разрешении осмотреть крупный завод по производству боеприпасов, на который я подал заявление, — отказано рабочим комитетом, а не владельцами, — я бродил по Выборгскому району Петрограда, пока не нашел другой крупный завод. На этот раз разрешение, выданное мне министром труда, сработало лучше, и меня провели в главный офис завода. Это был большой, современный офис, обставленный обычными столами, папками, сейфами и тому подобным, но, чтобы напомнить мне, что я нахожусь в революционной России, стены были украшены множеством красных флагов и транспарантов, на которых белыми буквами были написаны девизы и декларации. Глава комитета рабочих, вышедший мне навстречу, казалось, немного сомневался, стоит ли пропускать меня через фабрику, но как раз в этот момент дверь открылась и вошел рослый молодой англичанин. “Посмотрите, как работают?” сказал он. “Конечно, можете. Я бы ничего так не хотел, как прямо сейчас показать свои фабрики газетчикам. Я пока называю их своими заводами, но только в шутку.

Он сказал что-то по-русски рабочему, который пожал плечами и отошел в сторону, а мы с мистером Чеширом прошли в ближайшее помещение мельницы. По сути, это была кладовая, помещение для приема огромных тюков грубой пряжи, пряденой на другой фабрике. Тюки были мягкими и служили отличными постелями, и этот факт не был упущен из виду, поскольку двое усталых русских фабричных рабочих блаженно отдыхали на груде тюков, когда мы проходили мимо, и спали сном праведников. Они были не единственными спящими, которых я видел на той мельнице. Несколько женщин дремали на грудах ткани возле своих станков, и очень многие рабочие, мужчины и женщины, с таким же успехом могли бы спать, потому что они не занимались никакой работой. Одна женщина демонстрировала новую пару обуви группе других женщин, которые остановили свои машины, чтобы посмотреть. Обувь в России сейчас такая дорогая, что, я признаю, стоит посмотреть на новую пару, но, возможно, выставку отложили до закрытия. Эти женщины стояли и обсуждали обувь, по-видимому, со всех точек зрения, и не вернулись к своим машинам, когда мы остановились и обсудили женщин.

“Вы хотите сказать, что не можете приказать им вернуться к работе? - Спросил я.

“О, я могу их заказать”, - последовал ответ. “Но если они решат не ехать, я буду выглядеть довольно глупо, не так ли?”

“Вы могли бы выписать их, не так ли? - возразил я.

“Я, конечно, не мог”, - заявил мистер Чешир. “Никто не может уволить работника до тех пор, пока цеховой комитет не рассмотрит это дело и не решит, что он не хочет видеть этого мужчину или женщину на фабрике. Все, что я могу сделать, это подать свои жалобы в комитет и попросить его действовать”.

Мистер Чешир родился в России и прожил там всю свою жизнь, за исключением нескольких лет, проведенных в английской школе. И все же он говорит по-английски своего дедушки, с тем же безошибочно узнаваемым маленьким ланкаширским акцентом. У него также ланкастерское чувство юмора, и он смеялся даже тогда, когда рассказывал мне о деморализации и разрухе, в которые фантазии о революции ввергли его бизнес. Полная абсурдность происходящего была так же очевидна в его сознании, как и катастрофа.

“Посмотрите на этого человека”, - сказал он, указывая на машину, за которой сидел мужчина и наматывал хлопчатобумажную ткань на огромные круглые цилиндры. “Ему и другим сотрудникам на его конкретной работе повысили зарплату до шестнадцати рублей (около 5,25 доллара) в день. Да, конечно. Решение о шкале заработной платы принимает комитет. Со мной не консультировались. Даже если бы это было так, у меня не было бы ничего, кроме одобрительного голоса, одного против сотен. Этот парень получает шестнадцать рублей в день, и вдобавок я должен нанять девушку за четыре рубля в день, чтобы она снимала рулон ткани с машины.

Мы прошли в типографию, все еще обсуждая работу комитета. Я спросил мистера Чешира, правда ли, что эти рабочие комитеты были высокооплачиваемыми работниками, которые не оказывали никаких услуг своим работодателям и все еще получали свою обычную зарплату.

“Это правда”, - ответил он. Затем он рассказал мне следующую историю: “Работа, которую мы выполняем в этой комнате, немного необычна для России. Немногие фабрики пока оснащены такими машинами, и наша продукция - почти единственное хлопчатобумажное изделие такого рода, которое можно купить на российских рынках со времен войны. До этого значительная ее часть импортировалась из Англии и Германии. Естественно, в настоящее время его не хватает, и не так давно один из наших сотрудников пожаловался, что вообще не может его купить. ‘Конечно, вы не можете,’ сказал я ему, - потому что эти фабрики производят очень мало металла. Зайдите в типографию и посмотрите сами, сколько станков простаивает из-за нехватки рабочих’. И тогда я сделал ему такое предложение, поскольку он был членом комитета: ‘Позвольте мне вернуть четырех человек из вашего комитета для работы над этими машинами, и я гарантирую, что вскоре вы сможете покупать товары, которые вам нужны’. Что ж, он согласился, и он убедил остальных членов комитета согласиться, и я вернул людей. Но как вы думаете, чего требовали эти четверо мужчин? Они сказали, что в течение двух месяцев выполняли тяжелую умственную работу в комитете и подумали, что, прежде чем вернуться к машинам, им следовало бы взять месячный оплачиваемый отпуск. Я действительно подвел черту. Я сказал им, что сначала закрою работы. Но с тех пор, насколько я понимаю, комитет начал обсуждать два месяца вперед и один выходной в качестве будущей политики. Они говорят, что умственная работа — они называют заседания комитета умственной работой — намного тяжелее физического труда”.

“Я рад, что они это выясняют”, - заметил я. “Возможно, через некоторое время они обнаружат, что даже вы принадлежите к пролетариату”.

“Если они снова повысят зарплату,” сказал мистер Чешир, “я собираюсь попросить их дать мне работу. Мне придется. Тогда им придется серьезно поработать умом, выясняя, как расплатиться со мной или с самими собой. Эта фабрика и все другие, созданные от нашего имени, месяцами отстают все больше и больше. Скоро нам придется закрыться. Мы должны были закрыться

раньше, если бы не надеялись, что будет сформировано сильное правительство и промышленность, а также армия и флот будут поставлены под диктатуру”.

Комитеты установили восьмичасовой рабочий день в этой конкретной отрасли. В некоторых отраслях промышленности установлен шестичасовой рабочий день, и мне сказали, что многие работающие люди утверждали, что двухчасовой рабочий день был идеалом, к которому они стремились. Я также слышал из достоверных источников, что определенные группы выступали за полное прекращение всех заводских работ в течение трех жарких месяцев лета.

Предполагалось, что фабрики мистера Чешира будут работать по восемь часов в день, но он заявил, что в нынешних обстоятельствах был бы удовлетворен хорошей, солидной пятичасовой работой своих людей. Он думал, что если бы они оставались на работе и действительно производили по пять часов каждый рабочий день, то могли бы предотвратить банкротство. “Мы закрываемся в пять”, - сказал он мне. “Но примерно в 4 часа вы наблюдаете, как они начинают расходиться по домам”.

Я наблюдал, как они это делали. Мужчина за мужчиной и женщина за женщиной прекращали всю работу и начинали обуваться. Многие рабочие на фабрике работают босиком. Они собирались небольшими группками у окна и смотрели на улицу, бесцельно разговаривая. Они прогуливались по комнатам. Некоторые просто бросали работу и выходили. В половине пятого в комнатах, через которые я проходил, не работала и половина машин.

“Неужели так обстоят дела на всех заводах России?” Я спросил: “Или этот завод - исключение из правил? Он хуже среднего?”

“Это не хуже, чем у большинства”, - последовал ответ. “Это лучше, чем у некоторых. Промышленная Россия в некоторых местах полностью разрушена. Она повсюду быстро разрушается”.

То, что я увидел впоследствии, полностью подтвердило это утверждение. Промышленный мир в такой же степени находится в руках большевиков или экстремистов, как иссоветы рабочих и солдатских делегатов. В то время как временное правительство в первые недели революции обсуждало пути и средства, с помощью которых рабочие заводов и фабрик могли бы постепенно приобрести интерес к своей отрасли и право голоса в советах управляющих, рабочие уладили все дело, выгнав работодателей и взяв управление промышленностью в свои руки. Они сами назначили себе огромные зарплаты, короткий рабочий день и мало работы. Но они мало что сделали или вообще ничего не сделали для обеспечения постоянства заработной платы. Скоро вместо восьмичасового рабочего дня вообще не будет рабочего дня. Все магазины и фабрики закроются.

В Москве находится крупнейший и лучший универмаг в России. Это английский концерн Muir & Merrilies, которым управляет и в значительной степени владеет г-н Уильям Л. Казале. Я хорошо его знаю, и его показания, когда я видел его в августе, подтвердили это заявление. Комитет Muir & Merrilies проголосовал за то, что они сочли неудобным, чтобы клерки и другие служащие уходили домой на обед в разное время. Поэтому они приказали закрывать магазин каждый день с 12 до 2 часов. Соответственно, магазин был закрыт.

“Я не возражаю”, - бодро сказал мистер Казалет. “Мои запасы на исходе, транспортная система на грани краха, и я не могу получить больше товаров. Поскольку все линейки товаров исчерпаны, я закрою отдел. Когда придет время, я закрою магазин и поеду домой в Англию на каникулы”.

Он уйдет, как ушел Дэниел Чешир, за ним последуют другие, и рабочие получают свои инструменты. Больше им ничего не будет принадлежать.

ГЛАВА XX

МИССИС ПАНКХЕРСТ В РОССИИ

Эммелин Панкхерст, английская активистка избирательного права, известная тысячам жителей этой страны, отправилась в Россию в конце июня этого года, чтобы организовать женщин страны и помочь им поддержать временное правительство и выступить против большевиков или экстремистов. Ей удалось организовать группу сильных и влиятельных женщин-лидеров, и она могла бы добиться большого успеха, если бы Керенский не отнесся к этому движению неодобрительно. Проект миссис Панкхерст, по моему мнению, был одной из многих упущенных возможностей Керенского.

Это ответит на естественное любопытство читателя относительно того, почему миссис Панкхерст оказалась в революционной России. Она поехала по собственной инициативе и под эгидой своей организации по защите избирательных прав, Женского общественно-политического союза, но ее план получил горячее одобрение премьер-министра Англии мистера Ллойд Джорджа, который лично выдал ее паспорт и паспорт ее секретаря Джесси Кенни. Мистер Ллойд Джордж также распорядился разрешить миссис Панкхерст и мисс Кенни путешествовать на единственном пассажирском судне, которое регулярно курсирует между Великобританией и Норвегией. Это судно находится под усиленным конвоем, и им пользуются очень немногие люди, не состоящие на службе у английского правительства. Никто в Англии так не уважает миссис Панкхерст, как Ллойд Джордж, и с начала войны два бывших врага стали друзьями и союзниками. Суфражистки миссис Панкхерст подожгли дом, который мистер Ллойд Джордж строил в деревне, и миссис Панкхерст была приговорена за это к трем годам каторжных работ. Она отбыла несколько недель заключения с перерывами на голодовку, которые длились более года или больше, когда разразилась война и все внутренние распри в Англии были прекращены. Панкхерсты сразу же объявили военное перемирие и с тех пор служат йоменами по набору в армию, сбору денег для пострадавших на войне, особенно в Сербии, и во многих других направлениях патриотической работы.

Весь мир восхищался государственной мудростью этой политики, но лишь немногие люди знают, насколько она была действительно государственной. Среди тех, кто действительно знает, есть английский премьер, потому что без этого он, возможно, не стал бы премьером. Отказываясь от воинственности, миссис Панкхерст и ее дочь Кристabelle руководствовались двумя мотивами: они хотели, чтобы Англия и союзники выиграли войну, и они видели в войне возможность продвинуть дело избирательного права женщин. Они не питали иллюзий, что

благодарная страна предоставит право голоса своим женщинам в награду за их бескорыстную военную службу. Женщины оказали самую благородную услугу во всех войнах, которые когда-либо велись, но ни одна страна никогда не выражала своей благодарности, делая их за это гражданами. Миссис Панкхерст и Кристабель знали, что избирательное право появится в Англии, когда политическая ситуация претерпит определенные изменения, и никак иначе.

Они были во Франции в июле 1914 года, миссис Панкхерст вышла из тюрьмы по знаменитому акту "Кошки-мышки" и отдыхала перед очередной схваткой с тюремщиками Холлоуэя. Кристабель жила в Париже и редактировала там еженедельную газету британских суфражисток. Они с глубоким волнением наблюдали за мобилизацией французской армии и видели, как француженки бросают все свои другие занятия и мобилизуются для работы в больницах и оказания помощи. Они согласились, что должны вернуться в Англию и организовать своих женщин для той же работы, и сказали: "Наконец-то! Шанс избавиться от Асквита и сэра Эдварда Грея!"

Эти двое мужчин, особенно мистер Асквит, были заклятыми врагами женского дела. мистер Асквит последовательно блокировал законопроекты о избирательном праве женщин в парламенте, даже когда подавляющее большинство членов Палаты общин хотело проголосовать по ним положительно. Мистер Ллойд Джордж, с другой стороны, был, по крайней мере теоретически, суфражистом. Он хотел, чтобы у женщин были голоса, но гораздо больше он хотел чего-то другого. Он хотел с серьезностью, граничащей с космическим порывом, стать премьер-министром Англии. Всей душой стремясь к этой цели, он не собирался отвлекать внимание людей от своей кандидатуры, ввязываясь в спор о женском избирательном праве. Поэтому он отложил всю тему в сторону для дальнейшего использования.

Миссис Панкхерст, великая и мудрая государственная дама, какой бы она ни была, прекрасно понимала это. Она знала, что, если мистер Ллойд Джордж станет премьер-министром, он, вероятно, проведет законопроект о избирательных правах через парламент, и она и Кристабель знали, что новый военный кабинет, в появление которого они верили, вероятно, возглавит Ллойд Джордж. Поэтому они направили всю свою энергию на то, чтобы сместить мистера Асквита и повысить мистера Ллойда Джорджа. Они язвительно критиковали пером и голосом военную политику кабинета министров, они обрушили целый том презрения на сербские промахи Англии и провал в Дарданеллах. Они объехали всю Англию, рассказывая о мистере Асквите и его министрах и рассказывая об их работе. Поэтому, когда миссис Панкхерст решила поехать в Россию и сделать все, что в ее силах, чтобы сплотить женщин этой обезумевшей страны, мистер Ллойд Джордж знал, что она сделала бы это, если бы кто-нибудь мог. Он дал ей паспорт и охранную грамоту, и она ушла. Чуть позже Рамзи Макдональд, лидер "маленькой группы своевольных людей" Англии, выступающей против войны, решил, что поедет в Россию и уничтожит все хорошее, что могла бы сделать миссис Панкхерст.

Мистер Ллойд Джордж сначала отказался выдать мистеру Макдональду паспорт, но его отказ настолько разозлил большевистский элемент в Петроградском совете солдатских и рабочих делегатов, что Керенский был фактически вынужден просить английского премьера разрешить мистеру Макдональду посетить Россию. Поэтому английский премьер согласился выдать паспорт, но Союз моряков, который ни в малейшей степени не боялся петроградских солдат и рабочих или каких-либо международных недоразумений, наотрез отказался разрешить мистеру Рамзи Макдональду совершить какой-либо морской переход в Норвегию. Профсоюз уведомил,

что в тот момент, когда мистер Макдональд ступит на борт любого судна, покидающего Англию, моряки с этого судна сойдут. Соответственно, мистер Рамзи Макдональд никогда не ступал на борт судна.

Миссис Панкхерст была очень хорошо принята в России. Газеты публиковали колонки о ней, государственные деятели и послы навещали ее, почти как королевскую особу, а лучшие женщины Петрограда приходили к ней и приветствовали предложенную ею помощь. Что, безусловно, обескураживает тех суфражисток, которые всегда стараются быть хорошими и воспитанными и никогда не пикетируют Белый дом и не мешают послеобеденному сну конгрессмена. Для миссис Панкхерст была организована серия встреч, но они не были ни хорошо организованы, ни хорошо управляемы. Некоторые из них попали в руки женщин, у которых были свои собственные движения, которые могли продвигать их и которые были готовы использовать способность миссис Панкхерст рисовать, чтобы заполнить комнату, но не были готовы передать собрание ей, когда она туда доберется.

Я присутствовал на таком собрании, председателем которого была титулованная леди, у которой был какой-то план, а ораторами были в основном женщины, у которых были другие планы, и все они говорили и говорили о своих планах, пока я не испугался, что миссис Панкхерст вообще никогда не дадут возможности высказаться. Одна женщина больше часа рассказывала о ситуации с продовольствием. Ее выходом было послать комиссию в Америку и просить отправить корабль с продовольствием через Архангельск в Петроград. Мистер Макалистер Смит, американский бизнесмен, живущий в Петрограде, довольно подробно объяснил ей, что ближе к дому, чем в Америке, есть много еды и что ее не нужно выпрашивать.

Все это время миссис Панкхерст сидела тихо, но я, хорошо знавший ее, заметил, как на ее щеках появился подозрительный румянец, а в серых глазах вспыхнул боевой огонек. Я не знаю, что могло произойти, но то, что произошло, было драматичным. Высокая, хорошо выглядящая женщина в конце зала вскочила на ноги и разразилась страстной речью протеста. Пока женщины в той комнате тратили время на пустые разговоры, немцы неуклонно наступали, русские войска отступали, и разруха и запустение были у самых их дверей. Она умоляла их ради истекающей кровью России прекратить все споры и позволить миссис Панкхерст, если она сможет, сказать им, что делать.

Когда она села, или, вернее, в изнеможении опустилась на свое место, миссис Панкхерст встала. Она невысокая женщина, но когда она в определенном настроении, ей каким-то образом удается выглядеть высокой. В этот раз она выглядела высокой. Она говорила по-французски, и ее выступление длилось не более пятнадцати минут, но когда она закончила, половина женщин в комнате бросилась бы в окопы вслед за ней. Остальные выглядели испуганными. Миссис Панкхерст рассказала женщинам, что 250 русских женщин покинули свои дома, надели солдатскую форму и были готовы отдать свои жизни за свою страну и демократию во всем мире. Миссис Панкхерст, естественно, была поклонницей Бочкаревой и ее Батальона смерти и за несколько дней до этой встречи провела смотр полка. Она сказала этим праздным женщинам, что если работающие женщины готовы рисковать своей жизнью на поле боя за свободу России, то женщины, оставшиеся дома, должны быть готовы рисковать своей жизнью на улицах. Всякий раз, когда большевистский уличный оратор проповедует сепаратный мир или прекращение боевых действий, образованная и способная женщина должна встать и сказать той же уличной толпе правду. Женщины должны штурмовать советы по всей России и

заставить мужчин поддержать Керенского и Временное правительство в их усилиях сплотить армию и разгромить немцев.

Движение, сказала она им, должно быть только российским женским движением. В нем вообще не должно быть иностранцев. Они должны выполнять свою работу, но она была там, чтобы в полной мере воспользоваться своим опытом организатора. Она показывала им, как выполнять работу, как обучать ораторов, как управлять политиками, как устраивать демонстрации. Одна из первых вещей, которые она посоветовала им сделать, - это создать штаб-квартиру на видном месте и организовать большую демонстрацию женщин, чтобы они всем скопом прошли к Зимнему дворцу или Таврическому дворцу, где в это время проводило свои заседания Временное правительство. Они должны предложить свои услуги правительству и позволить стране увидеть, что женщины были на местах, чтобы поддержать войну. Эта речь и эта программа сбили женщин с толку. Были предприняты немедленные шаги по организации, и несколько женщин, не дожидаясь организации, действительно вышли на улицы и выступили против большевиков.

Затем наступили дни июльской революции, когда все уличные выступления прекратились, и это помешало женскому плану. Что больше всего обескураживало, так это циничное отношение Керенского к этому делу. Высокопоставленная женщина с большими способностями, хорошо знавшая Керенского, подошла к нему и рассказала, что они собираются сделать, и попросила его о сотрудничестве. К ее удивлению, он наотрез отказался и сказал ей, что женщинам не разрешат устраивать демонстрацию или маршировать ко дворцу. Естественно, она спросила его почему, и он уклончиво ответил, что демонстраций и так было слишком много.

Посол Фрэнсис разделял разочарование женщин до такой степени, что обратился к Керенскому и попытался заставить его увидеть ценность их помощи в час кризиса, но Керенский упорствовал в своем отказе.

Я не понимаю, почему он действовал таким образом. Его собственные домашние дела в то время были в плачевном состоянии, ходили слухи, что мадам Дж. Керенская разводилась со своим знаменитым мужем. Возможно, Керенский находился в состоянии общего предубеждения против всех женщин. Возможно, у него наполеоновское представление о положении женщин в государстве. Я не знаю. Но если он антисуфражист, то он почти единственный в России придерживается своего мнения. Миссис Панкхерст не нужно было переводить страну на избирательное право. Насколько я смог выяснить, нигде нет высказанных возражений против этого. Считается само собой разумеющимся, что женщины будут голосовать по новой конституции. Они уже проголосовали на муниципальных выборах, и во многих городах они были избраны в городские думы. Прошлым летом четырнадцать женщин были избраны в Московскую городскую думу.

Россия также не выступает против воинствующего суфражизма. Однажды вечером миссис Панкхерст была почетной гостьей на большом съезде казаков в Петрограде. Когда она появилась на сцене, ей устроили овацию, и профессор. Представление Милюковым знаменитой англичанки было высоким панегириком. Автобиография миссис Панкхерст переведена на русский и широко распространена. Ее миссия провалилась, потому что Керенский уничтожил ее. Вот и все. Однако ее визит в Россию не был полным провалом, поскольку ей удалось пробудить по крайней мере у одной группы российских женщин острое чувство своей

политической ответственности. Они приступили к работе, и когда в стране будет восстановлен порядок, об их работе узнают все.

Они сказали ей при мне, что никогда раньше не осознавали, что им предстоит, и не предполагали, что новую конституцию должен писать кто-либо, кроме лучших людей России. На мой взгляд, от российских женщин в будущем можно многого ожидать.

Среди трудящихся женщины показали, что они, по крайней мере, так же готовы к гражданству, как и мужчины. Они, конечно, появляются среди большевиков, и их можно увидеть среди бездельников в промышленности. Но одна группа работниц играла лояльную роль на протяжении всей Февральской революции и последующих волнений. Это был телефонный персонал, особенно девушки из большого центрального офиса на Морской. Эти девушки, без каких-либо указаний или приказов, присоединились к категорическому отказу соединять штаб-квартиру большевиков во дворце танцовщиц на Неве или военный завод, который был их другим оплотом. Лишенные возможности пользоваться телефоном, взбунтовавшиеся солдаты и рабочие оказались в тяжелом положении, и правительству была оказана материальная помощь.

Женщины из образованных слоев населения будут играть важную роль в восстановлении России. Они будут занимать должности и могут занимать посты в министерстве. Одна женщина уже была назначена заместителем министра общественного благосостояния. Это была хорошо известная и деятельная графиня Панин, чья общественная деятельность известна по всей империи. Графиня Панина занимала свой пост лишь короткое время, потому что ни одно министерство не держалось долго. Кажется, нет никаких сомнений в том, что она вернется на свой пост, когда будет обеспечена стабильность.

ГЛАВА XXI

КЕРЕНСКИЙ, ЧЕЛОВЕК-ЗАГАДКА

К сожалению, о Керенском никогда не было написано ничего, кроме хвалебных речей. Какими бы заслуженными они ни были, хвалебные речи имеют тот недостаток, что они неинформативны. Кто такой Керенский? Что он за человек? Почему он не восстановил порядок в России? Если он не может восстановить порядок, дисциплинировать армию и заставить ее сражаться, почему бы ему не отойти в сторону и не позволить попробовать кому-нибудь другому? Эти вопросы задавали со всех сторон.

Возможно, я не смогу ответить на все или ни на один из них однозначно. Но я пробыл в России три месяца и наблюдал, как Керенский прошел путь от военного министра до министра-президента Временного правительства и фактического президента Российской Республики. Я могу рассказать о своих собственных наблюдениях за этим человеком и представить свидетельства событий, позволив читателю сделать свои выводы. Я часто видел Керенского, несколько раз слышал его речи и, как почти все остальные, пережил период крайнего увлечения им. Определенный энтузиазм я сохранил. Я все еще думаю, что он добился чудес в том, что сохранил единство правительства и оставался почти шесть месяцев во главе этого правительства. На самом деле Керенский, что бы еще о нем ни говорили, по крайней мере,

какое-то время держал перед ошалевшими, помешанными на свободе массами русского народа несомненный факт, что правительства должны быть, что государство не может существовать без лидеров.

Очевидно, в России не было другого человека, который мог бы это сделать. Старая теория о том, что великие события всегда порождают великих людей, похоже, в данном случае потерпела неудачу. Самое грандиозное событие в современной истории, русская революция, до сих пор не породило ни одного великого или даже, если не считать Керенского, почти великих людей. В первое временное правительство входили такие способные люди, как Львов и Милюков. Но они могли справиться с ситуацией, сложившейся в результате падения самодержавия в России, не больше, чем многие дети могли управлять железной дорогой.

Эти люди думали, что помогли совершить политическую революцию. Они плохо знали свою Россию. В том первом служении был только один способный человек, который знал правду, но он знал только часть ее. Александр Федорович Керенский, социалист, назначенный министром юстиции, знал, что мир вот-вот станет свидетелем социальной революции в России. Но он тоже был слеп к стоящей перед ним задаче. В самом начале своей карьеры на посту министра юстиции Керенский настаивал на отмене смертной казни. “Я не желаю, чтобы это была кровавая революция”, - заявил он. Одним предложением он показал, как мало он тоже знал свою Россию.

У большинства других министров было какое-то оправдание их невежеству. Князь Львов, например, был крупным землевладельцем, человеком, который большую часть времени жил в деревне, человеком, активно участвовавшим в делах своего земства или уездного совета, другом и советчиком крестьян, но всегда большим джентльменом, аристократом. Милюков был профессором университета, книголюбом, любителем музыки. И так далее по списку.

Но Керенский не был аристократом. Он был малоизвестным юристом, специализировавшимся на делах мужчин и женщин, обвиняемых в политических преступлениях. Он с пламенным рвением защищал молодых студентов, революционная деятельность которых втягивала их в тигриные когти самодержавия. Он был другом бедных. Он был одним из членов исполнительного совета партии социалистов-революционеров, состоявшего в основном из крестьян. Почему он не знал и не понимал своих соотечественников? Почему он не мог знать, что отмена смертной казни в этот час величайшего кризиса zalьет революцию кровью?

Вначале Керенский был крайним идеалистом, проповедником, пророком. Он сильно изменился между февралем и ноябрем 1917 года. Но события, я думаю, в целом доказывают, что он крайний идеалист, мечтатель, а не деятель. Такие мужчины и женщины никогда не бывают по-настоящему великими лидерами. Они могут вызвать огромный энтузиазм, довести толпу до высшей точки вдохновения, даже заставить ее на какое-то время совершать монументальные поступки. Но на этом полезность мечтателя заканчивается.

Где-то в России, возможно, в одном из университетов, на каком-нибудь фермерском доме или в какой-нибудь безлюдной степи, живет большой, крепкий, с сильным мозгом, безжалостный мальчик, который может и когда-нибудь будет править так, как говорит Керенский, и который добился бы этого, если бы мог. Возможно, этот мальчик черпал вдохновение, слушая речь Керенского. Но мальчик - настоящий лидер. Он протянет свою руку толпе, и толпа подчинится его неукротимой воле.

Подчинялась ли толпа когда-либо воле Керенского? Возьмем, к примеру, ситуацию в армии. В день моего прибытия в Петроград, 28 мая, у меня состоялся разговор с тогдашним американским консулом мистером Норманом Уиншипом. Он рассказал мне о том, что видел во время революции, и серьезно и с опаской заговорил о будущем. Мятеж во многих полках на фронте был, по его мнению, самой злобещей угрозой, которая когда-либо возникала. “Керенского, нового военного министра, только что отправили на фронт”, - сказал он мне. “Он спасет ситуацию, если это сможет сделать хоть один живой человек. Его влияние на русских огромно. Своим красноречием он может раскачивать их, как морские волны.

Керенский, которого весь мир знает как болезненного человека, в те критические дни не щадил себя ни на йоту. Он проехал на автомобилях весь фронт. Он произнес множество речей, волнующих речей. Каждый, кто читал в газетах о его замечательных выступлениях, дышал свободнее и шептал: “Мы спасены”. Но были ли они спасены?

Один инцидент. Возможно, об этом сообщили американские газеты. На одном фронте, где выступал Керенский, солдат, несомненно, назначенный менее храбрыми в полку, выступил вперед и сказал: “Все это очень хорошо - призывать нас сражаться за свободу, но если человек погибает в бою, какая ему польза от свободы?” Гнев Керенского мгновенно выплеснулся потоком красноречия. Он назвал этого человека предателем и позором. Человек, который думал о своей жалкой шкуре, когда свобода его метрополии была под угрозой, не годился для того, чтобы жить с храбрыми людьми. Обратившись к полковнику полка, он потребовал, чтобы солдата разжаловали и немедленно выгнали из армии, отправив домой заклеянным трусом.

Полковник ответил, что в полку есть и другие, с которыми по справедливости могло бы быть то же самое обращение. Но нет, сказал Керенский, достаточно одного опозоренного человека. Он стал бы символом бесчестия. Российской армии больше ничего не было нужно. Говорят, что несчастный упал в обморок. Я бы не удивился, если бы это было так. Но, вероятно, после выздоровления он был достаточно рад, что его отправили домой. Русской армии также было недостаточно символа бесчестия. Она продолжала дезертировать.

Часто после одной из речей Керенский призывал войска объявить, будут они сражаться или нет. Они всегда кричали, что будут, до смерти. Иногда они это делали, это правда, но иногда и нет. В настоящее время никто не может сказать, пойдут ли какие-либо солдаты, кроме казаков и женщин, вперед по команде.

Когда деморализация армии, братание и дезертирство начали приобретать в последнее время ужасающие масштабы, Керенский издал манифест, в котором рассказывал солдатам, что он готов делать с дезертирами. Их не расстреляли бы — нет, смертная казнь в России была навсегда отменена. Но с дезертирами обращались бы как с предателями. Их семьи не получали бы солдатских пособий, и им не разрешалось бы участвовать в перераспределении земли. Министр-президент, поскольку к этому времени Керенский возглавил Временное правительство, дал бы дезертирам время вернуться в свои полки. Он назвал дату примерно за три недели. Но в этот день, на крайнем пределе, все солдаты должны вернуться в свои полки. Этот манифест был издан не один раз, а трижды, как я уже говорил. Были названы три отдельные даты, выдвинуты три ультиматума. Но деморализованные солдаты даже не обратили на них внимания. Правда, в один прекрасный день, 18 июня, приказ Керенского о наступлении был выполнен. Во всяком случае, в тот день войска перешли в наступление и вели

победоносный бой. Возможно, это было сделано в ответ на приказ Керенского, а возможно, это было совпадением.

Идеализм Керенского начал страдать. Он начал видеть в своем народе неуправляемую, неразумную, кровожадную толпу. Но он любил толпу и не мог заставить себя прибегать к насилию даже ради ее же блага. В июле он согласился с тем, что Корнилова следует назначить главнокомандующим армией, наделив его полномочиями расстреливать дезертиров перед лицом битвы. На требование Корнилова о полном командовании армией, как на фронте, так и в резерве, с правом расстреливать всех бездельников, Керенский не согласился. Однако в том же июле 1917 года Керенский продвинулся так далеко, что заявил миру, что готов спасти Россию и русское единство кровью и железом, если аргументов и разума, чести и совести окажется недостаточно. Очевидно, их было недостаточно, но где были кровь и железо? Заставить Россию подчиниться было бы большой работой для любого в то время, и было бы интересно узнать, как именно Керенский думал, что сможет это сделать. Он был единственным человеком первоклассных способностей в своем министерстве, единственной сильной силой. Ему нужна была бы какая-то поддержка, а где он мог ее получить?

Советы? Они снова и снова, после ожесточенных боев, голосовали за поддержку Керенского. Однажды они проголосовали за предоставление ему верховной власти. Но они никогда не говорили об этом всерьез, и Керенский это очень хорошо знал. Они доказали, что были неискренни, как мне кажется, своими действиями в октябре, отказавшись поддержать любое министерство, не состоящее исключительно из социалистов, а затем подвергнув такой орган критике и контролю.

“Немцы у самых наших ворот”, - сказал Керенский этим людям. “Пока вы сидите здесь и разговариваете, и отказываетесь прислушиваться к доводам разума вашего главнокомандующего, ваша революция находится под угрозой уничтожения. Неужели у меня нет слов, которые помогли бы тебе понять это?”

Слова, слова, слова! Страстно вырвавшиеся из пылающего сердца во вращающуюся пустоту. Мне кажется, это типичный пример того, как Александр Федорович Керенский разговаривает с русской революционной толпой.

Французская революция не может провести параллель с этим. Каждый из сменявших друг друга лидеров этой толпы совершил что-то хорошее или плохое. Мирабо довел массы до учредительного собрания. Марат и Дантон избавились от короля. Робеспьер навязывал Парижу свою волю до конца правления террора. Робеспьер, “неподкупный цвета морской волны”, - ближайшая параллель к Керенскому, которую предлагает французская революция. Он повел толпу в том направлении, в котором она хотела идти. Керенский последовал за ней в том направлении, в котором она хотела двигаться, умоляя ее со всем своим красноречием развернуться и последовать за ним. Толпа аплодировала ему, преклонялась перед ним, увивала его чело лаврами, но не следовала за ним.

Он не мог обратить толпу. Возможно, никто не смог бы этого сделать. Возможно, то, что произошло в России, было неизбежным, единственно возможной реакцией на три столетия правления Романовых. Чтобы было иначе, Керенский едва не расстался с жизнью. Он страдает каким-то заболеванием почек, и незадолго до Февральской революции перенес операцию,

которая едва не прикончила его. Его правая рука недееспособна и обычно носится на перевязи или спрятана под пальто. Он худой, с впалой грудью и ходит слегка сутулясь.

Рост Керенского, тридцатисемилетнего мужчины, составляет около пяти футов восьми дюймов. У него густые каштановые волосы, которые пышно топорщатся на его голове прекрасной формы. Его близорукие глаза голубые или серые, в зависимости от настроения. Такие глаза можно увидеть в России: иногда они глубокого, красивого синего цвета, иногда - серо-стального. Глаза Керенского смотрят прямо на вас и вселяют в вас уверенность в его искренности. Иногда, когда он страдает физически, глаза, кажется, западают ему в затылок и теряют весь свой блеск. Когда он устал или обескуражен, они горят, как мрачные огни. Его лицо бледное, а иногда даже пепельно-серое, с глубокими морщинами и шрамами от тревожных мыслей. Нос большой и сильный, рот глубоко изогнут, а сильный подбородок с ямочкой, с глубокой линией, а не с ямочкой.

Речи Керенского, на мой взгляд, читаются лучше, чем звучат. Он сильно нервничает на платформе, дергается, ходит из стороны в сторону, расхаживает вверх-вниз, выпячивает подбородок — такой вид манеры держаться мне особенно не нравится. Все его жесты отрывистые и нервные. Его голос довольно пронзительный. Но, несмотря на все это, он действительно красноречивый оратор, и он доводит своих слушателей до такой степени энтузиазма, что я видел только одного человека, равного ему. Конечно, я имею в виду Теодора Рузвельта.

Я слышал, что раньше Керенский был образцовым семьянином, но что-то пошло не так, и прошлым летом мадам Дж. Керенская и двое ее маленьких сыновей, девяти и семи лет, жили одни в этом скромном доме. Керенский жил в апартаментах в Зимнем дворце, ездил на царских автомобилях, и его обслуживала целая свита верных слуг. В заявлении нет намерения унижить его. Зимний дворец был его штаб-квартирой, а что касается автомобилей, то он имел право ездить в них и все права в мире на то, чтобы его обслуживали и о нем заботились.

Родители этого обреченного дитя революции были хорошо образованы и имели довольно хорошие обстоятельства. Старший Керенский был школьным инспектором и смог дать своему сыну университетское образование. Упорно ходят слухи, что мать Керенского была еврейкой, но я не знаю, правда это или нет.

ГЛАВА XXII

ПРАВА МАЛЫХ НАРОДОВ

Одно из главных утверждений экстремистов русской революции касается прав на самоуправление государств, больших и малых, составляющих империю. Я не встречал в России никого, кто не соглашался бы с тем, что каждое из государств имеет право на местную автономию, но я встречал многих, кто сильно опасался, что империя будет расчленена и распадется на ряд маленьких, слабых государств. Особенно катастрофичным это было бы как для России, так и для союзников, если бы это произошло во время войны. То, что Германия делает все, что в ее силах, для достижения этого конца, является достаточным доказательством

того, что это было бы катастрофой для союзников. Армия и флот Германии, а также немецкая дипломатия работают сверхурочно, чтобы разделить российские государства. Вражеские силы сейчас работают над изоляцией прибалтийских государств и Финляндии, а немецкие агенты заняты по всей империи распространением пропаганды отделения.

“Право малых народов на самостоятельное управление” - одно из самых простых евангелий в мире для проповеди. В принципе это даже не подлежит обсуждению. Однако на практике это очень часто оказывается далеко нецелесообразным. Но недавно освобожденные русские, каждая отдельная языковая и расовая группа, страдающая от обид, нанесенных старым правительством, загорелись идеей самоуправления, и в каждом уголке России есть провинции, правительства, даже города, отвергающие центральное правительство и создающие собственные республики. Прошлым летом временные правительства были созданы в губерниях Сибири, в богатой провинции Украина, в городе Кронштадт, в сибирских городах Томске и Царицыне и в ряде других населенных пунктов. Финляндия очень рано начала агитацию за создание отдельного правительства, и только закрытие сейма и предотвращение созыва нового сейма вооруженной силой помешали социалистическому манифесту об отделении. Социалисты составляют большинство в сейме, и они рассчитывали на поддержку достаточного количества людей в трех “буржуазных” партиях — шведской, старофинляндской и молодофинляндской партиях - для проведения своей меры до конца.

Каждая из этих попыток отделения была отмечена беспорядками, убийствами и разного рода эксцессами. В репортаже из Кирсанова, города, который в июне прошлого года хотел стать самостоятельной республикой, рассказывалось о гарнизоне солдат, которые вырвались на свободу, напали на жителей города, грабили и убивали их, оскорбляли женщин, жгли дома, грабили магазины и вообще вели себя как обезумевшие животные. Казалось, не было никаких причин, по которым солдаты, которые ранее вели себя как порядочные люди, должны были внезапно поддаться криминальной мании. Свобода просто действовала на их организм как смертельный наркотик.

То же самое было и в Кронштадте, только в Кронштадте у них развилась, так сказать, наркотическая зависимость. Этот укрепленный город с населением около 60 000 человек расположен в устье Невы на берегу Финского залива. Кронштадтская крепость, возвышающаяся над городом, в обычное время представляет собой одно из главных оборонительных сооружений Петрограда, расположенное в нескольких милях вверх по реке. Кронштадтский залив, на берегу которого стоит крепость, является главной станцией Балтийского флота. Обладая сильным гарнизоном, флотом линкоров и хорошо организованными большевиками, Кронштадт был способен в течение многих недель бросать вызов Временному правительству, сохранять то, что он называл собственным правительством, и совершать более ужасные преступления и более глупые эксцессы, чем почти в любом другом месте России. Массовые убийства ознаменовали ход революции в крепости и на линкорах. Прошлой весной в крепости за один день было убито более десятка молодых офицеров, проходивших обучение. Их даже не арестовали и не судили по каким-либо обвинениям. Их просто зарезали. Ряд других офицеров были убиты, включая коменданта и заместителя коменданта крепости, а другие офицеры были брошены в камеры и содержались там месяцами даже без фарса в виде судебного разбирательства.

В конце мая в Кронштадте была провозглашена республика, а к середине июня оргия была в самом разгаре. Гражданское население мародерствовало, а солдаты и морские пехотинцы искренне помогали им. Однажды банда мародеров, разграбивших склад, была арестована милицией после оживленной перестрелки и посажена в тюрьму. Случаи, когда милиция действительно арестовывала воров, были настолько редки в России прошлым летом, что этот случай получил широкую огласку в газетах. Газеты были вынуждены зафиксировать, что через несколько часов после ареста мужчин толпа вооруженных солдат и матросов потребовала освобождения заключенных. Конечно, их требования были выполнены.

Временному правительству удавалось частично контролировать Финляндию, угрожая лишить ее зерна и других припасов в случае отделения. Но в Кронштадте, как в крепости, было вдоволь провизии, как и в России в наши дни. В Кронштадте было больше еды и топлива, чем в Петрограде. Вот почему ее оргия могла длиться так долго. Это продолжалось до дней июльской революции, когда тысячи верных солдат были отозваны с фронта для восстановления порядка, многие главари мятежных войск были изгнаны из армии, а несколько полков с позором расформированы. В крепости до определенной степени все еще продолжается оргия, и никто пока не знает, насколько далеко зашло недовольство среди военно-морских сил.

Кронштадтский совет, или Совет рабочих и солдатских делегатов, покрыл себя славой за время существования республики. Совет или один из его комитетов взялся за решение жилищного вопроса следующим образом: комитет объехал весь город и осмотрел дома и квартиры. В каждом конкретном случае они спрашивали в разных местах о размере арендной платы, а затем приступали к ее снижению от трети до половины. Они ничего не сказали о сокращении арендодателю, но сообщили об этом Тавариши. Последовал настоящий исход арендаторов из своих квартир в квартиры побольше и получше. Все переехали, и когда наступил день арендной платы и домовладельцы или их агенты нанесли визит новым арендаторам, им спокойно сказали: “Ни в коем случае не ставьте мою арендную плату в тридцать рублей в месяц. Это пятнадцать рублей, и если ты их не возьмешь, то ничего не получишь”.

Землевладельцы обратились в Совет, но единственным удовлетворением, которое они там получили, была угроза конфискации. “Вы достаточно долго грабили рабочий класс”, - сказал Совет. “Мы не должны платить вам никакой арендной платы, и, возможно, через некоторое время мы этого не сделаем”.

С одной точки зрения, не в последнюю очередь надругательством, которое советский союз учинил над беспомощным населением Кронштадта, была попытка заговорить его до смерти. В Кронштадте есть прекрасный кафедральный собор, а перед ним, как это принято в России, большая открытая площадь. На этой площади Совет установил трибуну для ораторов, и каждый день население, или та его часть, которая могла попасть на площадь, собиралось и часами слушало пламенные ораторские выступления. Люди должны были прийти, потому что Советский Союз приказал им это сделать, и, очень вероятно, поначалу им было весело. Однако даже в России непрерывный политический митинг, продолжающийся три месяца подряд, каждый день в 5 часов вечера, должен быть испытанием.

Томск был еще одним городом, где прошлым летом было продемонстрировано право малых народов на самоуправление. В газетах от 8 июня по старому стилю появилась телеграмма из Томска министру-президенту Керенскому, министру юстиции и Всероссийскому Совету депутатов, рабочих и солдат, заседавшему в то время в Петрограде. Телеграмма была

отправлена командующим лояльными полками, и в ней, в частности, говорилось следующее: “Преступные и взбунтовавшиеся солдаты совместно с другими преступными элементами населения организовались в банды и стали систематически заниматься грабежами и убийствами. Под флагом анархии они разграбили банки, магазины, коммерческие предприятия всех видов. Они были готовы убить всех руководителей общественных организаций и заявили, что в следующий раз переедут в другие города и продолжат там свои грабежи”.

Телеграмма подробно описывала эти безобразия и заканчивалась сообщением, что 3 июня в Томске было введено военное положение, 2300 человек были арестованы и в городе, благодаря присутствию там нескольких храбрых и преданных войск, теперь царит порядок.

Таким образом, рассказ можно было бы продолжить. Финляндия, обычно мирная, упорядоченная, законопослушная и интеллигентная страна, безусловно, самая просвещенная в России, полностью потеряла голову из-за идеи права малых народов. Гельсингфорс пережил дни насилия в старые годы правления огнем и мечом. Но Финляндия никогда не отвечала огнем и мечом, а оказывала самое разумное пассивное сопротивление. С революцией пассивное сопротивление превратилось в насилие. Большая часть этого, правда, исходила от солдат и матросов Свеаборга, островной крепости Гельсингфорс. Убийства офицеров продолжались и там, и в городе. Морские пехотинцы преследовали своих незадачливых офицеров по улицам, рубили их мечами и ножами, стреляли в них и умерщвляли пытками на глазах у женщин и детей. Горожане не совершали таких шокирующих поступков, как этот, но были кровавые забастовки и многочисленные беспорядки, и, наконец, попытка открыть незаконный сейм и добиться отделения от империи. Керенский очень хорошо справился с этой ситуацией, отправив лучших людей вправительстве в Гельсингфорс, где было заключено своего рода перемирие, временное, без сомнения, но перемирие.

Самая ожесточенная битва Керенского прошлым летом была с Украиной, где было создано настоящее правительство. Во всяком случае, это было достаточно реально, чтобы добиться своего рода признания со стороны центрального временного правительства. Украина - огромная территория на юге России. Она простирается в юго-западную Сибирь и на юг до Черного моря. Одесса является ее главным портом, а в пределах ее границ расположено множество важных городов. Киев - один из крупнейших из них. Около 35 000 000 человек населяют Украину, как ее называют в России. Строго говоря, эти люди не являются русскими. Они славяне, но у них есть свой язык, литература, культура. Они были подданными России почти 300 лет.

Украина - самодостаточная страна, и ее можно было бы сделать очень богатой. Она уже богата сельскохозяйственными ресурсами, "черноземы" некоторых регионов дают самые великолепные урожаи пшеницы и других зерновых. Фрукты на Украине - лучшие в России, а виноградники дают виноград для производства превосходных вин. Россия действительно была бы бедной без этой страны.

В июне прошлого года Украинская Рада, или местный сейм, проголосовала за создание республики, восстановление старого языка и обычаев и полное отделение себя от Российской империи. Они фактически создали временное правительство на месте. Некоторые из наиболее умеренных членов Рады высказались за то, чтобы остаться в составе империи в качестве федеративного государства с полной автономией, и это, я полагаю, было в конце концов принято большинством. Но сразу же большевики с юга начали требовать отделения, а украинцы

в армии начали проявлять опасные признаки волнения. В середине июня в Киеве состоялся съезд украинских армий, на котором было решено, что армии юга и юго-запада должны быть полностью и исключительно сформированы из украинцев. Если бы это было сделано, Рада была бы в идеальном состоянии, чтобы диктовать любые условия российскому временному правительству.

Как бы то ни было, была произведена значительная диктовка. Военная рада, собравшаяся в июне в Одессе, уведомила Временное правительство о том, что, если украинским солдатам не помешают сформировать свои собственные полки, ни один солдат из их состава больше не будет отправлен на фронт. Были сформированы украинские полки, некоторые из них в Петрограде, и звуки национального гимна “Украина не умерла” звучали на улицах в исполнении военных оркестров или в исполнении солдат почти так же часто, как классическая “Марсельеза”.

Керенский совершил отчаянный бросок в Одессу, Киев и другие города Украины. Он взял с собой министра иностранных дел Терещенко и еще одного или двух министров, и они встретились с новым временным правительством в ходе переговоров. Результатом стало то, что Керенский пошел на полную капитуляцию, признал временное правительство — по крайней мере, неофициально - и согласился с тем, что Украина должна быть отдельным государством. Когда министры вернулись в Петроград, поднялась настоящая буря протеста. Остальные члены министерства заявили, что Керенский превысил свои полномочия, поручив всему правительству проводить политику, решение о проведении которой следовало бы предоставить учредительному собранию. Они заявили, что его поступок, совершенный без ведома или согласия всего правительства, был незаконным. Возможно, так оно и было; но оно устояло, и все, что самые обиженные министры могли с этим поделать, - это уйти в отставку.

Величайшая задача, стоящая перед Россией, - это федерация, и она, вероятно, в конце концов научится тому, как предоставить автономию своим штатам и создать центральное правительство, которое свяжет все штаты вместе в счастливом союзе. Но впереди у нее годы борьбы и монументальных усилий, прежде чем задача будет выполнена. Самые мудрые люди в России — даже проф. Дж. Миллюков, который много лет прожил в Соединенных Штатах, по—видимому, находится в полном тумане относительно предмета федерации. Половина мудрецов хочет создать империю, подобную Великобритании или Германии, практически со всей властью в одном центральном руководящем органе. Другая половина не видит впереди ничего, кроме расчленения империи. Очевидно, никто не может рассматривать Россию как еще одно Соединенные Штаты.

Я считаю, что частью нашей ответственности после войны — возможно, до того, как это время наступит, — будет научить Россию тому, как создать мирную федерацию на республиканских началах. Россию, возможно, не нужно учить демократии. Когда она выйдет из нынешней анархии, ей можно будет доверить создание безопасной демократической цивилизации.

ГЛАВА XXIII

ВОЗЬМУТ ЛИ НЕМЦЫ ПЕТРОГРАД?

Доберется ли немецкая армия до Петрограда и Москвы? Ответ на этот вопрос таков: они, вероятно, смогут, если захотят, но вряд ли это возможно. Если у них есть такая цель, и если им удастся взять Москву, это просто добавит еще одну психологическую ошибку, совершенную германским правительством с начала войны. Дезорганизованная российская армия, возможно, и не сможет собраться с силами и сражаться за Петроград, но армия и народ будут сражаться насмерть за Москву. Это их святой город, их венец славы, их мечта. Москва - это Россия, и тот, кто никогда ее не видел, не знает русского народа.

Петроград - современный европейский город, построенный Петром Великим в начале XVIII века и Екатериной II, также называемой “Великой”, во второй половине того же века. Петр, который был бы мастером в любом веке и в любой стране, независимо от того, родился ли он во дворце или на ферме, был тем более чудом, что он был русским, родившимся в то время, когда русский народ все еще был средневековым и все еще восточным. Петр не позволял тому факту, что он был наследником восточной автократии, мешать его амбициям или деятельности. Он покинул золотой дворец в Кремле, покинул Москву, столицу и священное сердце империи, вообще покинул Россию и отправился поденщиком на верфи Англии и Голландии. Петр узнал все, что мог, за короткое время и вернулся, чтобы основать западную цивилизацию в России. Он выбрал место для своей новой столицы во многом так же, как United States Steel Company выбрала Гэри, штат Индиана, из-за его близости к хорошей гавани, легкого доступа к торговым путям и прекрасного вида спереди на лучшие коммерческие центры. Питер называл свой город “окном в Европу”.

Петербург, как его называл наполовину немец Питер, был более выдающимся инженерным сооружением, чем Гэри, штат Индиана, хотя стальной город является одним из величайших триумфов инженерного дела, которым может похвастаться эта страна. Он был построен на болоте, которое нигде не возвышалось над мутными водами Невы более чем на два-три фута и в большинстве мест было частично или полностью затоплено. Это болото никогда не осушалось полностью. Когда в 1765 году Исаакиевский собор был построен взамен небольшой деревянной церкви петровских времен, сначала пришлось вбить в мягкий грунт более тысячи двухсот огромных свай. Из 40 000 рабочих, трудившихся под руководством Петра над созданием первого Петрограда, большинство умерло от переохлаждения и лихорадки, вызванной миазмами болот.

Екатерина, ставшая царицей чуть более полувека спустя, значительно улучшила город. Она расширила его, построив множество великолепных дворцов и общественных зданий и привнесла огромное количество западной культуры в виде библиотек, художественных галерей и театров. Памятники Петру и Екатерине являются самыми заметными объектами в столице. Можно сказать, что призраки Екатерины и Петра разгуливают по каждой улице Петрограда. Но русские, при всем их восхищении своими величайшими монархами, по-настоящему не любят город, который они построили.

Призрак Ивана Грозного разгуливает по улицам Москвы; тем не менее, русские любят это место так же, как мусульмане любят Мекку. Это один из самых красивых городов в мире и один из самых странных. Здесь сотни церквей, настолько изобилующих сокровищами искусства,

золотом, серебром и драгоценными камнями, что при созерцании их уму становится дурно. Здесь есть древняя стена, увитая листвой, которая окружала Москву в тринадцатом веке, и Кремль, или крепость, которая появилась раньше города. Внутри Кремля находится старый дворец правителей России, построенный, отчасти, за столетия до того, как они стали царями. Первые кремлевские дворцы были построены московскими князьями в двенадцатом и тринадцатом веках.

Некоторые из самых красивых храмов-сокровищниц Кремля были построены Иваном Грозным в шестнадцатом веке. Один из них, сразу за стенами, собор Василия Блаженного, является жемчужиной такого сияния, что полубезумный Иван решил, что его никогда не следует превзойти. Когда строительство было закончено, он подозвал к себе архитектора и спросил, сможет ли он когда-нибудь спроектировать церковь получше. Архитектор, гордясь своим достижением, скромно сказал, что, по его мнению, мог бы. "Ты никогда этого не сделаешь", - сказал грозный Иван и приказал выжечь ему глаза раскаленным железом.

На большой площади перед Кремлем до сих пор стоит высокое место казни, где Иван и другие почти такие же ужасные цари пытали и убивали своих жертв. На боковой улочке до сих пор стоит чудесный золотой дом, который был домом и резиденцией бояр Романовых и где родился первый (или второй) российский царь. Москва - настоящий символ царизма; тем не менее русские любят ее всем сердцем. Германия могла бы послать туда свои армии, но они могли бы взять ее или удержать не больше, чем они могли бы взять и удержать Вашингтон. Внутри кремлевских стен громоздятся тысячи бронзовых пушек, ярких и красивых, как змеи, все они украшены орлами, буквами "Н" и амбициозными девизами. Наполеон Бонапарт оставил их там, когда бежал, побежденный и разгромленный русскими, только для того, чтобы потерпеть еще более сокрушительное поражение от снега, бури и лютого холода. Эти пушки действительно свидетельствуют о непобедимости Москвы.

Германия должна знать, что марш на Москву, каким бы легким он ни был, приведет к объединению русской армии против врага. Возможно, Германия этого не знает, поскольку она, похоже, ничего не знает о сердцах и умах ни одного народа. Механику национальности она знает и понимает. Психологию этого она никогда не понимала. Однако я не верю, что недавнее нападение Германии и частичное завоевание островов перед Ригой являются прелюдией к походу на столицу или на Москву. Чего, вероятно, хочет Германия, так это великолепной добычи, которую можно найти в Курляндии и Эстонии. Рига, город с населением 400 000 человек, является, рядом с Петроградом, самым важным портом на Балтийском море. Из Риги экспортируются огромные объемы древесины, льна и пеньки, льняного семени и многих зерновых культур. Страна к востоку и югу от Риги производит эти товары в огромных количествах, и Германия нуждается в них в своем бизнесе именно сейчас, и нуждается настолько сильно, что готова рискнуть несколькими своими кораблями и людьми, чтобы получить их.

Германия не стремится к завоеванию в этом походе; она стремится к еде, топливу и припасам. Немного южнее Риги расположены правительства Ковно, Вильно и Минска, а немного южнее и западнее раскинулась Русская Польша, уже частично находящаяся в руках Германии. Прошлым летом я путешествовал по части этой страны и наблюдал из окон поезда за бескрайними полями ржи и пшеницы и тысячами акров картофеля. Я видел не так уж много полей сахарной

свеклы, но они находятся где—то в этом регионе - сотни тысяч акров, уже убранных или ожидающих уборки. И Германия жаждет этих урожаев.

Могут быть и другие причины, по которым Германия так отчаянно атакует оборону Риги. Не очень далеко, к северу, омываемое тем же Балтийским морем, раскинулось великое княжество Финляндское, единственная провинция Российской империи, проявившая дружелюбие к Германии. Финляндия также является единственной провинцией, которая уже заявила о своей неизменной решимости больше не входить в состав Российской империи. Финляндия желает создать отдельное правительство и быть независимым государством. По крайней мере, масса народа, выражающая себя через социалистическое большинство в местном сейме, высказалась за эту политику.

Для Германии было бы чрезвычайно выгодно, если бы большая Российская империя разделилась на отдельные государства, и правительство Германии усердно работало над тем, чтобы поощрять финский народ в его политике отделения. Финляндия - такая Мекка для немецких агентов, и так много финнов находятся на жалованье у этих агентов, что временное правительство в июле прошлого года практически закрыло великое герцогство, так сказать, изолировало его от остальной империи. Путешественник не может выехать в Финляндию из России без специального разрешения, полученного от военного министерства. Житель Петрограда не мог поехать в один из многочисленных и очаровательных финских приморских городков недалеко от столицы даже на выходные без такого разрешения. Я провел некоторое время в Финляндии и знаю очень многих людей в столице страны Гельсингфорсе. Я пытался получить разрешение на остановку в Гельсингфорсе по пути из России, но военное министерство отказало в выдаче разрешения.

Когда путешественник выезжал из России в Англию или Соединенные Штаты, в любую страну, если уж на то пошло, он должен был сесть на определенный поезд, отходящий из Петрограда в 7.30 утра, и он сошел с этого поезда всего один раз, прежде чем достиг границы. Это когда-то было на Белом острове, для таможенного досмотра. После этого путешественник был пленником в своем поезде, пока не добрался до Торнеа, где его, наконец, осмотрели и переправили через узкую полосу воды в Швецию. Таково было отношение временного правительства России к Финляндии.

Великое герцогство по праву считается одной из величайших угроз будущей целостности империи. Германия справедливо считает это надеждой на будущее Германии, и очень может быть, что германский военно-морской флот ожидает и надеется вслед за захватом балтийского порта Рига захватить балтийский порт Гельсингфорс. Финляндия ненавидит Россию до такой степени, что, по-видимому, не видит опасности дружбы с Германией. Пятьдесят лет она ненавидела и боялась России, и, по-видимому, ей не укладывается в голове, что то, что она ненавидела и чего боялась, ушло навсегда. Я наблюдал такое состояние ума как у поляков, так и у финнов. Они так долго ненавидели Россию, что не могут остановиться сразу. Финны ненавидели Россию так сильно, что даже не смотрели на русских солдат, расквартированных у них старым правительством. Я провел зиму 1913 года в Гельсингфорсе, и для меня было одной из достопримечательностей этого места - каждый день наблюдать, как финны режут русских на улице. Русский полк маршировал по улицам, играли оркестры, бряцали мечи, топали ноги - великолепное зрелище. Но солдаты с таким же успехом могли быть невидимыми призраками, несмотря на то, что финны обращали на них внимание. Они спокойно шли, занимаясь своими

делами, беседуя со своими соседями, никогда не глядя на русских. На самом деле, для финнов было делом чести никогда не смотреть на русского. Что касается разговора с кем-то, знакомства с ним, приглашения его в свой дом, финн, совершивший такое, подвергся бы остракизму. Даже самые маленькие дети знали это.

Учитывая такое состояние ума финнов, в определенной степени объяснимо, почему для того, чтобы добиться своей независимости от России сейчас, они готовы пойти на очень большой риск быть поглощенными или жестоко эксплуатируемыми Германией после войны. Они добровольно стали частью Российской империи, поскольку в течение ряда лет были в очень плохих отношениях со своим старым повелителем Швецией. Это было в 1801 году. Затем царь заключил торжественный договор с Финляндией, как для себя, так и для своих наследников, о том, что страна должна иметь почти полную автономию. Она должна была содержать свою собственную армию, которая никогда не будет призвана служить на российской земле, но должна защищать финское побережье и границу на случай, если Россия будет вовлечена в войну.

Финляндия должна была иметь собственную чеканку монет, почтовую систему, школы, суды, язык и собственную местную диету. Царь сохранил за собой право налагать вето на законодательство, право взимать иностранные пошлины и другие имперские права. Почти все обещания, данные в этом договоре, были нарушены российскими царями, особенно Николаем II, который сейчас находится в Сибири. Этот Николай пытался полностью разорвать договор, отменить его, но финны были слишком умны, слишком трезво мыслящи и слишком сплоченны, чтобы позволить ему сделать это. Их сопротивление его тираническому предательству само по себе является захватывающей историей. Финляндия никогда не нарушала ни одной части своего договора с Россией, но теперь она хочет отменить этот договор. Утверждается, что договор был заключен с царями России, и теперь, когда царей больше нет, этот договор утратил силу. Финляндия полна немецких агентов, и они, должно быть, изобрели эту блестящую логику и научили ей финских социалистов. Во всяком случае, они, должно быть, всюду поощряли это, и, возможно, военно-морской флот Германии считает, что визит в Гельсингфорс обратит на это внимание всю страну.

Есть даже более веская причина, по которой немецкий военно-морской флот усиленно работает в Финском заливе и почему весной он снова начнет действовать. Германия стремится еще больше разделить Россию и ее союзников. Есть только три пути, по которым Россия может общаться с Европой и Америкой. Один из этих путей лежит через Сибирь и Тихий океан, на большом расстоянии. Другой путь, через Архангельск, доступен только летом. Третий и самый короткий путь - через Финляндию и Швецию. Если Германия сможет частично захватить Финляндию и захватить железную дорогу, ведущую в Швецию, а там есть только одна главная железнодорожная ветка, она сможет очень эффективно отрезать Россию от ее союзников. Возможно, ее следующим шагом будет вмешательство с помощью подводных лодок в другой выход России в Тихий океан.

ГЛАВА XXIV

ВЕЛИЧАЙШИЕ ПОТРЕБНОСТИ РОССИИ

Было бы очень ужасно для демократии и мира во всем мире, если бы союзники, наблюдая за анархией, в которую впала Россия, ослабили любые свои усилия по возвращению ее к прочному военному, экономическому и социальному фундаменту. Первым побуждением является умолять правительство Соединенных Штатов отказаться давать деньги в займы такому нестабильному правительству и даже отказаться посылать помощь Красного Креста людям, которые не будут пытаться помочь себе сами. Но вторая мысль показывает, насколько неразумно покидать Россию во время ее кризиса, каким бы преднамеренным ни был этот кризис. Мы должны ссудить деньги России, даже если мы их потеряем. Мы должны посылать ей еду и припасы, даже если они будут приняты без особой благодарности. Ради демократии, в которую возрожденная Россия может внести свой вклад во всем мире, мы должны помочь ей сейчас. Задача будет не такой сложной, как показывают поверхностные факты. Россия стремительно приближается к кульминации своего горя.

Помимо ее военного положения, грядет банкротство, если оно еще не наступило. Банкротство для национальной казны, поскольку выплачивается мало налогов. Нехватка еды, одежды, топлива для всех людей, за исключением нескольких человек на фермах, и даже они будут страдать по многим причинам. Голод и холод уже на пороге. Русская армия может сплотиться, может повернуться против немцев и великолепно восстановить свою утраченную репутацию боевой силы. Но армия производителей, фермеров и трудящихся, никак не может разгромить врага, которого они впустили в свои ряды.

Класс фермеров России в этом году не собрал полноценный урожай, и они отказались отправлять на рынок очень большую часть того, что они действительно произвели. Они запасали свое зерно для собственного употребления, и, по крайней мере, часть его они превратили в водку. В городах России сухой закон почти действует, но крестьяне очень быстро овладели искусством незаконной перегонки, и я слышал от авторитетных лиц, которые вряд ли могли бы подвергнуть сомнению, что перегонные кубы установлены в половине деревень России. Это заявление в некоторой степени подтверждается тем фактом, что пьянство среди солдат растет, особенно в местах, удаленных от крупных городов. В Петрограде я почти не встречал пьянства, но чем дальше я продвигался на юг, в фермерские районы, тем больше я видел и слышал о нем. На военной позиции в Польше, где дислоцировался Батальон смерти Бочкаревой, я разговаривал с солдатом, который жил в Америке. В ходе нашего разговора он упомянул, что группа в его полку напилась и попала в беду.

“Где они могли достать спиртное? - Спросил я.

“О, они это понимают”, - ответил он. “Это новое и довольно ужасное, но они его пьют”.

Какой бы серьезной ни была нехватка зерна, ситуация с транспортировкой была еще более серьезной. Продовольствие, за которое Петроград и Москва заплатили бы почти любые деньги, гнило на земле, портилось в полупогруженных товарных вагонах и пропадало на перегруженных станциях из-за отсутствия транспортных средств и рабочей силы. В индустриальном мире дела обстояли не хуже. Рабочие, слепые к собственной опасности, сократили рабочие часы, стали халатно относиться к своей работе и сами назначили себе заработную плату, намного

превышающую их производственную деятельность. Последствия быстро накапливались. Фабрики закрывались, отчасти потому, что не могли достать уголь, а отчасти из-за вымогательства рабочей силы. Скоро в стране начнется страшный голод. Работающие люди узнают, что значит голодать с полными карманами денег.

Когда эти проблемы достигнут кульминации — а максимум через несколько недель мир будет в ужасе от состояния России — оргии большевиков, бунту мечтателей придет конец. Природа человека в России такая же, как и в других местах, такая же, как в Нью-Йорке или в Эмпории, штат Канзас. Мы все знаем, как в трудные времена, переживаемые страной, Республиканская партия выбирает своих кандидатов. В хорошие времена люди следуют за своими теоретизирующими и мечтающими лидерами, но когда наступают трудные времена, они обращаются к партии сильных бизнесменов, чтобы те снова поставили их на ноги. Аргумент о полном обеденном ведре сильно понравится российским массам предстоящей зимой, и если учредительное собрание будет отложено до осени 1918 года, я уверен, что люди проголосуют не за социалистическое тысячелетие, которое не сработает, а за разумную, практичную демократию, которая сработает.

Что России нужно превыше всего остального, так это лидеры. Что народ этой страны должен сделать для России, так это помочь ей найти и развить этих лидеров. Они где-то здесь. Россия показала, что она может произвести на свет великих мужчин и великих женщин, людей, последователями которых могла бы гордиться любая нация. Но при царизме единственные люди, которым разрешалось руководить, были настолько коррумпированы, настолько реакционны и деспотичны, что русские научились бояться любого руководства и не доверять ему. Когда они свергли царизм и изгнали тиранов и коррупционеров, они думали, что смогут обойтись без каких-либо лидеров. Теперь мир знает, насколько роковой была их ошибка, и очень скоро это поймут самые слепые из слепых в России.

России нужны не только политические лидеры, ей нужны, и даже более срочно, лидеры в экономической сфере. В настоящее время ей нужен деловой человек такого калибра, как Марк Ханна, человек, обладающий лучшими этическими стандартами, обладающий великим организаторским талантом Марка Ханны, его изумительными управленческими способностями. Такой человек редко поражает публику ораторским мастерством. Он тратит мало энергии на речи. Но он точно знает, что делать. Он говорит одному человеку “приходи”, а другому “уйди”, и вы можете быть уверены, что это именно те люди, которые выполняют нужную работу. Он говорит всем вокруг: “Сделайте это”, и они делают это “по вкусу короля”. России нужно много таких людей.

Никому не нужно быть рабом у лидеров, ответственных и сменяемых, вот так. Мы были рабами в Соединенных Штатах, пока у нас немного не открылись глаза. Время от времени мы все еще отступаем. Посмотрите на некоторые из наших муниципальных органов власти. Но свобода под сильным руководством вполне возможна. На самом деле, это единственная настоящая свобода, которая есть в мире.

Русским, возможно, будет нелегко достичь этого, поскольку они не совсем такая твердая, амбициозная, борющаяся за выживание раса, как англичане, французы и американцы. Они

фаталистичны и мечтательны. Именно по этой причине они так долго терпели своих автократов. Но в конце концов они этого добьются.

Россия нуждается в образовании, и здесь Америка снова должна указать ей путь. Система государственных школ, основанная на лучших принципах, которые мы смогли разработать, изменит русский народ за одно поколение. Девяносто процентов говорят, что нынешнее население неграмотно. Старое правительство в течение последних десяти лет пыталось расширить число обычных школ, но это мало повлияло на уровень неграмотности. Большинству детей было дано два года школьного обучения с целью научить их, по крайней мере, читать и писать. Большинство из них едва научились и практически все забыли, потому что их не поощряли использовать свои крохотные знания. В России нет концепции публичной библиотеки в том виде, в каком мы ее разработали. В городах есть библиотеки, великолепные библиотеки. Но это справочные библиотеки для образованных, а не библиотеки для чтения и выдачи напрокат для широких масс. Я уверен, что в России нет такого понятия, как детская библиотека, не говоря уже о библиотекаре, специально обученном и которому платят за то, чтобы он учил детей пользоваться книгами и любить их. России нужны школы, чтобы обучать детей знаниям, и ей нужны библиотеки, расположенные очень близко, если не непосредственно, к школам. Я разговаривал со многими людьми в России о замечательных школах Гэри, в которых дети работают, учатся и находят свой путь к становлению прекрасными, сильными, мыслящими мужчинами и женственностями, и в каждом случае реакция была одинаковой. “У нас должны быть такие школы по всей России. Вы поможете нам, когда придет время, организовать их?”

Они, конечно, не могут надеяться сразу погрузиться во всю интенсивную работу системы государственных школ Гэри, но они могут перенять ее общие принципы и дублирующее использование школьного оборудования. Таким образом, они смогут обучать больше детей в каждой школе и, таким образом, приблизить день, когда все дети пойдут в школу. Следующей большой работой Уильяма Вирта может стать организация школьных систем в новой России. Не имея возможности заменить старую систему, он не столкнется с глупыми и преступными препятствиями и оппозицией, с которыми были встречены его труды в Нью-Йорке.

Россия нуждается в полезных народных развлечениях, чтобы развлекать и обучать свое взрослое население. Если бы я должен был составить подробный список наиболее насущных потребностей России, я бы поместил в начале списка сантехников и движущиеся картинки. Империя вернулась в темные века в том, что касается санитарных условий в зданиях. Это немаловажно, потому что это влияет как на здоровье, так и на мораль людей. Это сказывается и на их манерах, как может засвидетельствовать любой, кому когда-либо приходилось заходить в туалет российского железнодорожного вагона или станции.

В России есть несколько кинотеатров, но они не отличаются высокой производительностью и ужасно дорогими. В России за поход в кино платят столько же, сколько за то, чтобы послушать первоклассный симфонический концерт. Я никогда не видел кинотеатров стоимостью 10 и 15 центов и не мог узнать, что они существуют где-либо в империи. Однажды вечером мы с миссис Панкхерст пошли в кино, заплатив что-то около полутора долларов за наши места. Спектакль был длинной, унылой драмой, закончившейся самоубийством и всеобщими страданиями. Игра была плохой, а актеры толстыми и пожилыми. Для current events pictures они представили

казацкие похороны, отмотанные в таком головокружительном темпе, что это было похоже не столько на похороны, сколько на автомобильную гонку.

Тщательно отобранные движущиеся картины, предлагаемые за небольшую вступительную плату, стали бы благом для России. Они научили бы взрослых людей тысяче и одной вещи, которой у них никогда не было возможности научиться, и, возможно, избавили бы русский разум от его привычки к врастающему самоистязательному анализу, который ведет в никуда. Они также дали бы товарищи занятие помимо разглагольствования из мыльницы, а их слушателям - пищу для размышлений, отличную от непродуманных социальных теорий. Из-за большой неграмотности масс России пришлось бы ввести в своих кинотеатрах институт, который уже создала Испания. В Испании мало кто умеет читать названия и подписи к картинкам, поэтому в каждом театре есть публичный чтец, человек с сильным голосом и четкой дикцией, который читает вслух зрителям, а также дает любые необходимые пояснения.

Я точно знаю, где в Петрограде можно было бы показывать движущиеся картины для масс, не дожидаясь открытия частных кинотеатров. На западном берегу Невы, недалеко от зловещей Петропавловской крепости, стоит лучший и наиболее демократичный памятник российскому предпринимательству в столице. Он известен как Народный дом, или Народный дом, сочетающий в себе клуб, ресторан, театр и место общего собрания рабочего класса, основанный принцем Александром Ольденбургским и щедро поддержанный покойным царем.

В мирное время там устраивают несколько прекрасных концертов и отличную драму для наиболее интеллигентных рабочих. Входные билеты довольно низкие, а представления хорошие. Для менее интеллектуальных людей существуют определенные особенности Кони-Айленда, и им так хорошо покровительствуют, что концессионеры были на пути к огромному богатству. Каждый вечер длинные очереди людей ожидали очереди на парашюты или американские горки. Жалко наблюдать за их абсолютной жадой небольшого развлечения, возможности посмеяться и побыть гееми.

Еще одна вещь, в которой нуждается Россия, - это газировочный фонтан. Холодный безалкогольный напиток летом и горячий шоколад зимой, легкодоступный и дешевый, отвлекли бы Ивана от самогоноварения больше, чем все законы в мире. Прошлым летом были времена, когда я с радостью отдал бы доллар за стакан ледяной газировки, любого вида, любого вкуса. И в Петрограде у меня на уме было множество других мест.

Лучшее место, где можно пообедать в Петрограде, - в офицерских магазинах на улице, носящей ужасающее название Большая Конюшенная. Здесь хорошая еда, поставляемая правительством, и ее продают по ценам, приближающимся к разумным. Лучшей едой, которую я ел каждый день, был ланч в офицерских магазинах. Каждое буднее время с 11 до 4 здесь многолюдно, преобладают военнослужащие и члены их семей. Однажды, в жаркий июльский день, на прилавке, где продавались закуски, появился холодный вкусный напиток. Это был сорт вишневого фосфата, и его продавали в стеклянных кувшинах, буквально галлонами. Его продавали примерно по двадцать центов за маленький стаканчик, и в течение получаса он был израсходован до последней капли. Толпа хлынула к прилавку, размахивая в воздухе деньгами, проглотила вишневый фосфат одним глотком, так сказать, и громко потребовала добавки. Я помню, что чуть ли не со слезами умолял о втором стакане и не мог его получить. Капиталиста, который привезет в Россию холодные безалкогольные напитки, ждет целое состояние, и,

помимо состояния, он получит дополнительное удовлетворение от того, что принесет надежду промокшим жертвам водки.

Армия, которая будет подчиняться приказам; правительство, которое будет управлять; лидеры в бизнесе, на транспорте, в сельском хозяйстве и люди, готовые подчиняться этим лидерам; образование, полноценная жизнь. Россия нуждается во всем этом, и в ее предстоящей мощной борьбе за их достижение весь демократический мир, и особенно наши Соединенные Штаты, должны оказать ей добровольную и сочувствующую помощь и руководство.

ГЛАВА XXV

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Человек должен надеяться. Он должен верить, что его борьба принесет победу, или он должен сдаться в отчаянии. Вот почему американцы доверяют каждому сообщению из России, которое, по-видимому, указывает на то, что дезорганизованные боевые силы снова приводятся в форму. Вот почему любой намек на то, что Керенскому не удалось навести порядок в империи, читающая публика некоторое время воспринимала с недоверием. Но зачем отказываться смотреть фактам в лицо? Когда-нибудь мы должны встретиться с ними лицом к лицу.

В конце сентября я прочитал в одной из газет заголовок, в котором говорилось, что так называемый демократический конгресс, заседавший в то время в Петрограде, проголосовал за поддержку требования Керенского о создании коалиционного министерства. Заголовки были неверными. На самом деле в депеше говорилось, что конгресс проголосовал за то, чтобы не создавать никакой коалиции с буржуазными элементами или с членами Конституционно-демократической партии. То есть конгресс не поддержал бы министерство, в котором были бы несоциалистические члены. “Вся власть Советам” был снят с рассмотрения как слишком консервативный лозунг. Тогда это было “вся власть большевикам”, ибо именно это означало голосование на том так называемом Демократическом конгрессе.

С июня 1917 года в России было проведено не менее шести съездов с целью поиска выхода из хаоса, который угрожает стране. Каждый из них заранее приветствовался как тот, который должен был стать откровением намерений и желаний людей. Наиболее важным из них был Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в июле прошлого года, а до этого предварительный съезд по подготовке к учредительному собранию. Первый состоял в том, чтобы раз и навсегда решить, будет ли править умеренный или экстремистский элемент в Советах, а второй состоял в том, чтобы успокоить оба элемента, показав, что правительство намерено подготовить либеральную и демократическую конституцию для их обсуждения, внесения поправок и принятия, когда придет время. Наконец, в августе прошлого года состоялся великий Московский конгресс. Я не помню, какова была заявленная цель этого конгресса, но это не имеет большого значения. Реальной целью было выяснить, кто сильнее,

Керенский или Корнилов. Керенский победил с небольшим отрывом, очень небольшим отрывом. А потом они провели еще один съезд, и Керенский проиграл.

Что будет дальше в этой обезумевшей стране? В какую новую трясину заводят людей? Честно говоря, я не знаю. Я не знаю никого, кто знает. Единственная аналогичная ситуация в современной истории - это ситуация в Польше восемнадцатого века. В Польше было правительство, столь же плохое, как и в российских Советах, или Совете рабочих и солдатских делегатов. Вместо того чтобы быть общесоциалистическим органом, польский парламент состоял исключительно из дворян. Эти люди были такими гордыми, такими “свободными” в новороссийском смысле этого слова, что они не уступили бы ни по одному вопросу даже при голосовании большинством голосов. Одного несогласного голоса в их парламенте было достаточно, чтобы свести на нет любые меры. Народу Польши было нечего сказать о правительстве, как среднему классу и богатым в сегодняшней России. И когда разразилась европейская война ограниченного масштаба, и Фридрих Великий положил начало эпохе ужасов, которую Вильгельм последний надеялся довести до триумфального завершения, три великие восточные державы Европы — Россия, Пруссия и Австрия — разделили Польшу и вручили каждому из трех монархов по куску. Мария Терезия, правившая в то время Австрией, хотела, чтобы в записях было напечатано, что она плакала, когда брала свой кусок, но она все равно взяла его, и с тех пор Польша плачет.

Это может случиться с Россией. Ее могут расчленить и раздать по рукам. Но это вряд ли произойдет. Союзники никогда не были бы настолько глупы или жестоки, чтобы позволить этому случиться. Россия могла бы распасться на части и превратиться в совокупность небольших отдельных государств, но в каждом из них по-прежнему были бы свои Советы и, следовательно, правительство без стабильности и постоянства. Финляндия и Украина - два российских государства, которые пытаются достичь этой цели, и они могут преуспеть, но расчлененная Россия предоставит такой хороший материал для будущих войн, что союзники вряд ли могут позволить себе согласиться на это.

Гражданская война в России сейчас вполне вероятна, за исключением того, что, похоже, под рукой нет никого, кто мог бы организовать эти две силы. Самая большая вероятность - это продолжение партизанской войны, больше уличных боев, больше грузовиков с пулеметами, мчащихся взад и вперед по Петрограду, больше сражений, убийств и внезапных смертей, а затем реакция. Какую именно форму примет реакция, никто не знает. Но безумные большевики знают, что она приближается, и хотя они почти ожидают ее, они также боятся ее. Они называют эту неизбежную реакцию контрреволюцией и оправдывают все свои капризы, свое упрямство, свое упрямое сопротивление коалиции с несоциалистами на том основании, что они борются с контрреволюцией. Я слышал, как американцы в России, профессора колледжей, бизнесмены, корреспонденты, даже члены американских комиссий, говорили: “Не вините этих людей слишком сильно за их радикализм. Они боятся потерять все, что приобрели в результате революции. Они боятся возвращения автократии”.

Я могу сказать со всей уверенностью, что, что бы ни произошло в России, нет ни малейшего шанса на какую-либо контрреволюцию в том смысле, в каком ее понимают экстремисты, и нет ни малейшего риска возвращения самодержавия. Самодержавие рухнуло, как карточный домик, и настоящим сюрпризом для членов Думы, свергнувших Николая, было то, что все

оказалось так просто. Я могу представить, как Милюков, Родзянко и другие собираются вместе после этого и говорят: “Почему, ради всего святого, мы не сделали этого в августе 1914 года?”

Никто не хочет возвращения царя, если только это не семья Романовых, и, несомненно, каждый из великих князей считает, что если кто-то и вернулся, то это должен быть он сам. Единственная возможность возвращения монархии в России была бы результатом отчаяния со стороны людей, которые, наконец, восстановят там порядок. Ситуация может оказаться настолько плохой, когда придет время сделать это, что они могут принять решение об ограниченной конституционной монархии как лучшей форме правления для людей, которые еще не готовы к самоуправлению. Номинальный король, что-то видимое для народа и символизирующее правительство, но король с ответственными министрами, которые действительно правят, - это возможность для России. Неизбежная реакция, особенно если ее долго откладывать, может принять именно такую форму. Я слышал, как многие россияне так говорят. Кто-то говорил об этом с грустью, кто-то с удовлетворением, но в России есть много образованных и либерально настроенных людей, которые приветствовали бы это. Если это произойдет, я предсказываю, что столица России будет перенесена обратно в Москву. Конституционным монархом, если он у них есть, может быть тот брат покойного царя, который известен в России как Михаил Александрович, один из самых способных и просвещенных представителей семьи Романовых. Это человек, которого первое временное правительство избрало преемником царя, когда последний был свергнут, и все последующие правительства относились к нему с довольно особым уважением. В июне прошлого года он попросил разрешения покинуть беспокойный Петроград и провести лето на своей вилле на одном из финских озер. Это разрешение было получено, и с тех пор Майкл жил в Финляндии в относительном покое и комфорте. Правительство не обращалось так же ни с одним другим Романовым.

Большинство великих князей и княжон фактически являются узниками в своих поместьях. Вдовствующая императрица прикована к своему поместью в Крыму, и правительство даже не разрешило ей покинуть его, чтобы попрощаться со своим сыном-изгнанником. Но Михаил Александрович, должно быть, убедил правительство в том, что ему можно доверять, и, похоже, его рассматривают как человека, которого можно вывести из его темного прошлого и сделать так, чтобы люди называли его королем, если дело дойдет до худшего и им понадобится король. Насколько я могу судить, это самая жестокая форма, которую реакция может постоянно принимать в России. Конечно, этому может предшествовать военная диктатура, но диктатура была бы временной мерой, военной мерой для сокрушения большевиков и наведения порядка из хаоса. Никто в России, насколько я знаю и верю, не хочет контрреволюции в том смысле, в каком ее предлагают большевики. Но контрреволюция, как пугало, которое нужно держать над головами робких мечтателей и тех нерешительных, кто уклоняется от кровопролития, настолько полезна, что большевистские лидеры усердно работали над этим все лето, и в последних событиях они все еще были на высоте.

Робкие люди в России часто ссылаются на опыт французского народа после революции. Это правда, что Бурбоны вернулись, но народ Франции не призывал их обратно. Они были оттеснены союзными монархами Европы, ошеломленными распространением республиканства в восточном полушарии. После революции и двух десятков лет наполеоновских войн эти правители собрались вместе, подписали секретное соглашение о том, что мир в Европе зависит от того, останется ли Франция монархией, и в 1814 году они посадили Людовика XVIII на трон. Благодаря тому, что он дал французам либеральную конституцию, он сохранял трон до своей

смерти, десять лет спустя. Союзные монархи позаботились о том, чтобы его брат, Карл X, стал его преемником, но союзники не смогли помешать французам изгнать его из страны в течение шести лет. Не смогли они остановить и революцию 1848 года, которая изгнала Луи Филиппа, последнего Бурбона.

Со времен Французской революции времена изменились. Короли потеряли большую часть своей власти и почти всю свою популярность. Они не могут собраться вместе и под руководством Меттерниха согласиться с тем, что мир в Европе требует, чтобы Россия оставалась автократией. Они не смогли бы этого сделать, даже если бы старая комбинация - Россия, Пруссия, Австрия, Англия и Франция - не была жестоко нарушена. Ни одна страна в Европе не заинтересована в восстановлении династии Романовых, если только это не страна Гогенцоллернов, а этой стране нечего сказать о мировых делах в ближайшие несколько лет.

Возможно, в России и не будет контрреволюции, но в конечном итоге произойдет возвращение к здравому смыслу и порядку. Состоится конституционный съезд, надо надеяться, не слишком скоро, и на этом съезде будет услышан голос лидеров умеренных партий. Троцкий может быть делегатом, но и профессор Дж. Павел Милюков, лидер конституционных демократов, или кадетов, как их называют в просторечии. На протяжении всего бунта и суматохи лета проф. Милюков и его коллеги упорно работали над тем, чтобы сохранить партию живой, постоянно удерживать ее на переднем плане как либерально-консервативную силу, которая могла бы, по крайней мере, участвовать в формировании новой конституции.

В России много мудрых государственных деятелей, много хороших граждан. Сейчас они не очень бросаются в глаза, и на то есть веские причины. Прекрасный старый французский аббат, которого спросили, что он делал во времена террора, ответил просто: "Я жил". Сейчас в России избегать покушений - это карьера сама по себе. Многие представители богатых слоев общества и владельцы поместий провели лето в Финляндии. Некоторые отправились в Англию или Соединенные Штаты. Крестьяне во многих частях империи, с радостью приняв план Керенского по разделу земли, начали этот процесс с разграбления и поджога домов владельцев поместий, уничтожения их полей, садов и виноградников, а также вырубки и сжигания их лесов. Эти действия в сочетании с беспорядками и эксцессами в городах побудили интеллектуальные классы покинуть страну и не принимать участия в политике.

Несмотря на все, что произошло, несмотря на эти эксцессы, нет никаких сомнений в том, что восставший русский народ внес большой вклад в мировую демократию. Я верю, что они внесут еще больший вклад. Им предстоит пройти долгий путь, прежде чем они создадут свою новую цивилизацию. Русские не так развиты, как англичане, французы или американцы. В некоторых отношениях они не продвинулись дальше англичан времен правления Генриха Восьмого. Они ездят в трамваях, но трамваи были сделаны в Германии. Они пользуются телефоном и поднимаются по лестнице в лифте, но телефон и подъемник пришли из Швеции. Они лишь недавно научились умело использовать современные инструменты или вести научное хозяйство. Но они учатся очень быстро. Они учатся сотрудничать в своем сельском хозяйстве быстрее, чем почти любой другой народ в Европе, что, на мой взгляд, является самым обнадеживающим признаком из всех.

Потому что я такой же социалист, как и тогда, когда я приехал в Россию в мае 1917 года, и так же мало анархист. Я верю, что следующим экономическим развитием будет социализм, то есть сотрудничество, общая собственность на основные средства производства и управление всеми

государственными ведомствами на коллективное благо всего народа. Я верю, что мир создан для многих, а не для немногих. Но Россия продемонстрировала, что нельзя получить никаких преимуществ, забирая всю власть из рук одного класса и передавая ее в руки другого. Слишком много власти находится сейчас в руках небольшого класса. Но этот класс никогда не злоупотреблял своей властью более безжалостно, чем русские товарищи во время революции 1917 года.

Урок России Америке заключается в терпеливой, разумной и дальновидной подготовке к следующему этапу экономического развития. Начиная с самых маленьких детей, мы должны создать для всех детей систему образования, которая создаст в грядущем поколении мыслящий рабочий класс, который примет на себя ответственность, а также потребует власти, и в чьи руки мы можем безопасно доверить власть и судьбу.

Напечатано в США

Следующие страницы содержат рекламу нескольких книг Макмиллана на схожие темы

Russia in 1916

BY STEPHEN GRAHAM

Frontispiece, 12mo, \$1.25

"Impressionistic pen-pictures which aptly reflect the mood of present-day Russia. . . . He speaks with sympathy and admiration."—*New York Evening Post*.

"Authentic, instructive, and interesting. He is both scholarly and practical. He has a storehouse of information in a mind well qualified to analyze it. . . . In this vitally interesting volume he gives us a marvelously clear and keen sketch of that country as it is to-day with its people, noble and peasant."—*Philadelphia Press*.

"A keen, penetrating, sympathetic study of Russian conditions and tendencies during the war, by a man who knows Russia well and who has exceptional ability for making his own observations and impressions known to others."—*New York Tribune*.

"If all the countries at war had such an interpreter as Mr. Graham, we should be able to look more deeply into the hearts of their peoples."—*Boston Transcript*.

THE MACMILLAN COMPANY
Publishers 64-66 Fifth Avenue New York

Russia and the World

BY STEPHEN GRAHAM

Illustrated, cloth, 8vo, \$2.25

For more than seven years Stephen Graham has been a close student of things Russian. Compelled by an intense sympathy with the country and its people, he forsook his native England and went to Russia when he was twenty-three to study at first hand the life and customs of that country. This was the beginning of an attachment which grew stronger with the years and out of which have come several of the most important contributions made to English literature bearing on the Russia of modern times.

At the outbreak of the present European war Mr. Graham was in Russia, and his book opens, therefore, with a description of the way the news of war was received on the Chinese frontier, one thousand miles from a railway station, where he happened to be when the Tsar's summons came. Following this come other chapters on Russia and the War, considering such subjects as, Is It a Last War?, Why Russia Is Fighting, The Economic Isolation of Russia, An Aeroplane Hunt at Warsaw, Suffering Poland: A Belgium of the East and The Soldier and the Cross.

But "Russia and the World" is not by any means wholly a war book. It is a comprehensive survey of Russian problems. Inasmuch as the War is at present one of her problems it receives its due consideration. It has been, however, Mr. Graham's intention to supply the very definite need that there is for enlightenment in English and American circles as to the Russian nation, what its people think and feel on great world matters. On almost every country there are more books and more concrete information than on his chosen land. In fact, "Russia and the World" may be regarded as one of the very first to deal with it in any adequate fashion.

THE MACMILLAN COMPANY
Publishers 64-66 Fifth Avenue New York

Through Russian Central Asia

BY STEPHEN GRAHAM

Illustrated, 8vo, \$2.25

This book describes a journey by the author through Russian Central Asia. Among the topics which the author touches upon are the Russian pioneers, Mohammedanism and its characteristic expression, the colored tribes, Russian rule, the expansion of the Russian empire and the question of danger to India. The volume tells of much tramping, of wayside experiences, of sights in the desert and nights under the Asian stars or in the tents of the nomads.

"A delightful book. . . . Always and everywhere Stephen Graham has the gift of transferring his knowledge of Russia to the reader's heart and brain."—*Chicago Herald*.

"Full of information and as charming as it is informing. It is rich in the lure of the open road . . . in the romance of old cities, in the wilderness of the vast waste spaces. . . . In the view it gives of a phase of Russian life entirely new to American readers."—*New York Times*.

THE MACMILLAN COMPANY
Publishers 64-66 Fifth Avenue New York

With the Russian Pilgrims to Jerusalem

BY STEPHEN GRAHAM

Decorated cloth, illustrated, 8vo, \$2.75

The journey of the Russian peasants to Jerusalem has never been described before in any language, not even in Russian. Yet it is the most significant thing in the Russian life of to-day. In the story lies a great national epic.

"Mr. Stephen Graham writes with full sympathy for the point of view of the devout, simple-minded, credulous peasants whose companion he became in the trip by boat from Constantinople to Jaffa and thence on foot to the holy places."—*The Nation*.

"Apart from the value which must be attached to the authenticity of the glimpses of Russian life that Mr. Graham gives in his latest book, it also clearly ranks him as the best modern writer of the saga of vagabondage."—*N. Y. Times*.

"Mr. Graham has written an intensely interesting book, one that is a delightful mixture of description, impression, and delineation of a peculiar but colorful character."—*Book News Monthly*.

"A book of intensely human interest."—*The Continent*.

"The book is beautifully produced, illustrated with thirty-eight exceptionally fine snapshots, and is of commanding interest, whether read as a mere piece of adventure or as revelation of an almost unknown tract of religious belief."—*Christian Advocate*.

"The story is written with a graphic and eloquent pen."—*The Congregationalist*.

THE MACMILLAN COMPANY
Publishers 64-66 Fifth Avenue New York